

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

ISSN 0134 - 241X

3'1994

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ
(1672—1725)

ЕКАТЕРИНА II
(1729—1796)

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
(художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа».

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий"

Рег. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 16.06.94.

Формат бумаги 84x108/16.

Бумага кн.-журн.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 9,86.

Усл. кр.-отт. 10,08.

Тираж 25 000 экз.

Заказ № 733.

Все претензии по ошибкам в тексте предьяв-
лять редакции журнала "Уральский следопыт"

Отпечатано с готовых оригинал-макетов

на ИПП "Уральский рабочий"

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1-4 стр. обложки слайды

Николая ПЕРЕВЫШИНА

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ
U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ: 8/1994

И еще раз о "Санси"

Мая РЫЖОВА 2

Поморское согласие

Петр МАНГИЛЕВ 7

Раритеты Мокея Нечехуина

Наталья МУДРОВА 12

Дороги

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ 14

Остались былицы...

Левиан ЧУМИЧЕВ 19

Как любовь принимай свою долю... Стихи

Альфред ГОЛЬД 26

Журнал в журнале "Аэлита"

В лабиринтах Инфора. Повесть

Иван АНДРОЩУК 27 (183)

Заочный КЛФ 59

Парижские огородники

Александр МЕРТВАГО 65

Записки старого юриста

Владимир ПУРОНЕН 72

Внимание — конкурс! 76

Отчего вымерли мамонты

Александр ПИСКУНОВ 79

В гости — к "восковым людям"

Наталья АЛЯШЕВА 80

Мая РЫЖОВА

И еще о "Санси"

Весной 1981 года в Свердловской картинной галерее работала выставка "Русские самоцветы". Более полутора тысяч изделий из камня, созданных уральскими мастерами за последние двести лет, разместились в шести залах. Впервые в одной экспозиции были собраны экспонаты из Эрмитажа, Павловского дворца, Загорска, Уральского геологического, Свердловского историко-революционного и других музеев страны.

В небольшой витрине одного из залов демонстрировались копии исторических бриллиантов. Они были созданы из природных и искусственных самоцветов художником Ю. М. Ружьевым и мастерами Р. З. Худяковым и В. А. Цыбиным в производственном объединении "Уральские самоцветы". К каждому экспонату, а их было около двадцати, прилагалась этикетка с указанием его "имени", параметров и краткой "биографии". Здесь находились копии бриллианта "Орлов", украшающего Алмазный фонд России, прекрас-

В. Гау
Аврора Карловна
Шерваль—Демидова—Карамзина

ного кабашона "Евгения", названного в честь жены Наполеона III, "Регента" и других.

На одной из полок располагался камень чистой воды, размером с голубиное яйцо, формой напоминающий грушу (панделок), покрытый множеством граней. Луч света "зажигал" его, и камень "вспыхивал" красным пламенем, мгновенно рассыпавшимся снопом разноцветных искр. Это была копия легендарного "Санси", созданная из фианита (искусственный минерал, обладающий сильным блеском и игрой граней. По физическим свойствам, пригоден для имитации алмазов и других ограночных камней).

Бриллиант "Санси" представлен многими справочниками о драгоценных камнях. Но наиболее полно его история изложена в монографии профессора Я. Зембицкого "Историческое известие о знаменитом алмазе "Санси", изданной в типографии Н. Греча в 1835 году.

Яким Зембицкий был членом-учредителем и директором Русского минералогического общества, труды которого издавались не только на русском, но и на немецком языке.

Привожу краткое изложение монографии, дополненное сведениями из других литературных источников.

Алмаз, ставший впоследствии бриллиантом "Санси", был найден в Восточной Индии, "подобно всем доселе известным алмазам". Существует версия, что этот драгоценный камень принадлежал герцогу Бургундии Карлу Смелому.

В пятидесятых годах XV века при дворе герцога находился голландский дворянин Людвиг Беркен (или Беркем). Считается, что именно он первым в Европе научился обрабатывать алмазы. В 1454 году он огранил свой первый алмаз, который впоследствии получил имя "Санси".

Этот редчайший бриллиант украсил шлем Карла Смелого. В 1477 году в битве при Нанси герцог был убит. Бриллиант похитил вражеский солдат, который продал его местному пастору за один гульден.

В дальнейшем камень, поменяв нескольких владельцев, принадлежал французскому дворянину Николаю Гарлею де Санси, от которого и получил свое имя. Согласно одному из преданий (возможно, это легенда) король Франции Генрих III попросил драгоценный камень у сеньора Санси, чтобы, заложив его, поправить свои финансовые дела. Бриллиант был отправлен из Золотурна (нынешняя Швейцария) со слугой. По дороге на гонца напали разбойники и убили. Но преданный своему господину человек успел проглотить камень. Тщетно де Санси ожидал возвращения слуги. Узнав, что тот убит, он разыскал могилу несчастного, вырыл труп и в желудке обнаружил бриллиант.

Затем "Санси" принадлежал английскому королю Якову II, который в 1695 году продал его Людовику XIV. "Король-солнце" носил драгоценный камень в аграфу, украшавшем его шляпу. Впоследствии бриллиант вставили во французскую корону. 17 августа 1792 года "Санси" похитили из Гард-Мебл. Чтобы пополнить свою казну, его разыскивал Наполеон I, но знаменитый камень исчез надолго.

В конце двадцатых или начале тридцатых годов прошлого века владельцем "Санси" стал Павел Николаевич Демидов. Он приобрел бриллиант через подставное лицо у герцогини Беррийской (Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза, дочь короля обеих Сицилий Франциска I, жена, а после 1820 года вдова герцога Беррийского Шарля-Фердинанда. В смутные для Франции 1830-е годы решила возвести на престол своего малолетнего сына Ген-

риха как последнего представителя старшей линии Бурбонов. В заговоре этой особы активное участие принимал французский роялист барон Жорж Дантес, приобретший впоследствии славу убийцы века) за 500 тысяч франков. Вероятно, большая нужда в деньгах заставила знатную аристократку расстаться с бриллиантом, неизвестно, каким путем ей доставшимся. О распродаже имущества герцогини, в частности, библиотеки, сообщалось в газетах того времени.

Но вернемся к "Санси". "Сей алмаз, — писал Я. Зембицкий, — имеет вид груши, ограниченной двойной резьбой, прозрачность его массы представляется в таком совершенстве, которое означает выражением чистой вода; вес его 53,5 карата, по точному исследованию, произведенному в Минералогическом обществе действительным членом А. А. Дювалем. Сей отличный знаток сущности и превосходства драгоценных камней утверждает, что суммою в 500 тысяч рублей не определяется достоинство алмаза "Санси", ибо он стоит несравненно большей цены". В описи регалий французской короны, составленной в 1791 году, камень был оценен в 1000000 франков.

В 1836 году Павел Николаевич Демидов женился на Авроре Карловне Шернваль. Утром в день свадьбы он преподнес молодой жене великолепную шкатулку, сделанную из благородных металлов и украшенную драгоценными камнями с Урала. В шкатулке было четырехрядное ожерелье из жемчужин размером с лесной орех и "Санси".

Супруги прожили вместе всего три с небольшим года, 21 марта 1840-го П. Н. Демидов умер. После смерти мужа Аврора Карловна появлялась в обществе только в темных однотонных туалетах, шею вдовы украшал "Санси" на платиновой цепочке.

Дальнейшую историю знаменитого бриллианта можно проследить по письмам Авроры Карловны из Парижа, где она со своим вторым мужем подполковником Андреем Николаевичем Карамзиным прожила с декабря 1847 года по май 1848 года. Аврора пишет сестре Алине в Плен: "Ты не можешь себе представить тот удивительный эффект, который здесь производят мой "Санси" и мое жемчужное кольцо.

Говорят даже, что некоторые дамы добиваются приглашения в дома, где я бываю, только для того, чтобы увидеть мой жемчуга". И далее: "Андре уверял меня, что вчера на балу, он все время знал, где я нахожусь, благодаря толпе, образовавшейся вокруг меня и следовавшей за мной всюду".

Вероятно, к этому времени относится следующий анекдот. Однажды на балу Аврора Карловна была со

знаменитым бриллиантом на шее. Танцевать было очень тесно и она побоялась, что тонкая цепочка может порваться, драгоценность упадет на пол и потеряется. Аврора Карловна попросила своего кавалера — графа Морни — позаботиться о драгоценности и оставить ее у себя до следующего дня. Граф любезно согласился. Аврора расстегнула цепочку, и граф спрятал "Санси" в карман белого жилета.

Напрасно Карамзина ждала, что на другой день Морни явится с визитом и вернет драгоценность. Прошло несколько дней — о графе никакого слуха. Авроре стало страшно. Не следует ли напомнить ему? Но это было бы крайне неудобно. Наконец, однажды доложили о приходе графа. Сияя от радости, Аврора поспешила ему навстречу. "Граф, как это любезно с вашей стороны, — произнесла успокоенная Аврора, — что вы пришли, чтобы вернуть мою драгоценность". Морни, поблдев, отпрянул. Похолодев от ужаса, он инстинктивно поднес руку к карману жилета.

Граф совершенно упустил из памяти, что госпожа Карамзина доверила ему "Санси".

Забыв о всяком этикете, он повернулся и стремглав сбежал с лестницы. Бросился в свою карету, во весь опор помчался домой, ворвался в дом и позвал слугу. "Жилет, — запыхавшись, закричал он, — белый жилет, в котором я был на балу, дай мне его". "Но я отнес его сегодня утром прачке", — заикаясь, пробормотал слуга.

Морни казалось, что он задохнется. "Скорее, немедленно, доставь его сюда", — приказал он и в нескольких словах объяснил испуганному слуге в чем дело. Смер-

тельно поблдев, слуга примчался к прачке. Перед домом на тротуаре сидели маленькие дети прачки и с увлечением играли каким-то блестящим предметом, в отшлифованных поверхностях которого солнечные лучи преломлялись и сверкали всеми цветами радуги. Это был "Санси"...

В мае 1854 года А. Н. Карамзин погиб во время русско-турецкой войны. Аврора Карловна во второй раз стала вдовой...

Пока документов, раскрывающих дальнейшую судьбу "Санси", не найдено, но в литературе есть несколько упоминаний о нем.

Авторы монументальных книг о драгоценных камнях Г. Банк и Г. Смит утверждают, что "Санси" восхищались на Всемирной выставке в Париже в 1867 году, затем его приобрела семья Астор. В. Шуман указывает год приобретения именитого бриллианта этой семьей — 1906. Кто же представил бриллиант на выставку и у кого

купила этот камень семья Астор? Неизвестно.

По мнению же Р. Валаева, автора книги "Новеллы о драгоценных камнях", Аврора Карловна, выйдя замуж за Андрея Николаевича Карамзина, привезла с собой новую семью (здесь имеется в виду семья историка и писателя Н. М. Карамзина) "Санси" вместе с другими

Павел Петрович Демидов
(1839—1885 г.г.)

Фото 1880-х годов

драгоценностями. "В доме Карамзиных, — пишет Р. Валаев, — уникальный бриллиант находился с 1746 по 1917 год, а затем след этого замечательного камня теряется. Известно лишь, что он не был вывезен за границу и остался в России".

Этой же версии придерживаются уральские писатели И. Шакинко и Н. Мезенин.

А вот как раскрывает дальнейшую историю этой драгоценности Ю. Соловьев в статье "Демидовский алмаз" ("Тагильский рабочий" 19 мая 1971 г.): "По-видимому, давно исчезнувший бриллиант "Санси" вновь появился на свет и уже в Соединенных Штатах Америки. В печати сообщалось о том, что в 1969 году (запомним эту дату. — М. Р.) безымянный бриллиант величиной с голубиное яйцо, вделанный в кольцо, продавался с аукциона в Нью-Йоркской галерее Паркер-Бенета. ...Последние три удара молотка, и бриллиант попадает в руки Кенмора..." (Роберт Кенмор — коммерсант и делец, представляющий интересы американского ювелирного дома Картье).

И далее: "На аукционе "скрестили шпаги" Жаклин Кеннеди — жена греческого судовладельца Аристотеля Онассиса и Элизабет Тейлор, кинозвезда и супруга известного американского киноактера Ричарда Бартона. Таким образом, миллионное украшение от Кенмора перекочевало в витрину ювелирного дома Картье, а оттуда к Элизабет Тейлор". Версии о том, что знаменитый бриллиант "стал собственностью Элизабет Тейлор", придерживается и Ю. Яровой в своей замечательной книге "Цветные глаза земли".

Итак, шесть упоминаний о существовании "Санси" после 1830 года. Монография Я. Зембицкого, где указываются параметры, полученные при исследовании этого камня в Минералогическом обществе А. А. Дювалем. Письмо А. К. Демидовой-Карамзиной, написанное из Парижа сестре Алине в феврале 1848-го года. Утверждения, что "Санси" демонстрировался на Всемирной выставке в Париже в 1867 году. "Санси" стал собственностью аристократической семьи Астор. Версия Р. Валаева, что Аврора Карловна привезла "Санси" в новую семью, и камень до 1917 года находился у Карамзиных. И предположение Ю. Соловьева и Ю. Яровой о том, что "Санси" находится у Элизабет Тейлор.

Два первых упоминания документальны, следовательно, бесспорны. Следующие два — сомнительны. И вот почему. В книге "Мир самоцветов" Г. Банк утверждает, что "Санси" весит 106 каратов, что противоречит замерам А. А. Дювала, державшего камень в руках. Далее, Г. Смит так начинает описание бриллианта: "История камня "Санси" очень запутана, возможно, в ней пере-

плелись истории двух или более камней". Следовательно, речь могла идти о другом камне, и семья Астор приобрела не тот "Санси", о котором писали Я. Зембицкий и А. Демидова-Карамзина. Тем более, как заметил Г. Банк: "...никогда ничего нельзя утверждать с уверенностью, если речь идет о частном владении". Конечно, можно предположить, что именно "тот" "Санси" демонстрировался на Парижской выставке в 1867 году. Но в таком случае официальный показ в Париже драгоценности, некогда похищенной из французской сокровищницы, мог вызвать грандиозный скандал. Или "Санси" в то время принадлежал Франции? У кого же, в таком случае, он был приобретен?

Версия Р. Валаева, И. Шакинко и Н. Мезенина, мягко говоря, вызывает недоумение. Аврора Карловна Демидова была весьма состоятельным человеком. Когда она стала женой Андрея Николаевича Карамзина, муж пришел к ней в дом, а его мать и сестры подолгу жили у гостеприимной невестки на вилле Трясканда. Предположение, что богатая, умная и независимая женщина отдала в другую семью, даже если это семья мужа, фамильную драгоценность, неубедительно. И уж совсем абсурдным кажется утверждение, что "Санси" хранился в семье Карамзиных до 1917 года. Екатерина Андреевна Карамзина — мать Андрея Николаевича, ее сыновья и дочери умерли в XIX веке. Аврора Карловна пережила всех и скончалась в 1902 году. Таким образом, бриллиант "Санси", по моему мнению, никогда не был собственностью семьи Карамзиных.

Версия же Соловьева и Яровой, на мой взгляд, заслуживает внимания, но для того, чтобы проследить предположительный путь бриллианта "Санси" от времени Авроры Карловны Демидовой-Карамзиной до аукциона в Нью-Йорке, проходившего в наши дни, необходимо сделать небольшой экскурс в историю.

Павел Павлович Демидов — сын Павла Николаевича и Авроры Карловны — был очень богатым человеком. Кроме заводов и имений в России ему принадлежали виллы и дворцы за границей. Он купил в Италии великолепное имение Медичи — старинную виллу Пратолино, расположенную близ Флоренции. От своего бездетного дяди Анатолия Николаевича Павел Демидов унаследовал княжеский титул и виллу в Сан-Донатто. Богатый наследник перевез из Сан-Донатто в Пратолино фамильную библиотеку и художественные ценности, а их было немало. В частности, портрет П. Г. Демидова кисти Ф. Рокотова, два мраморных бюста — Никиты Акинфиевича Демидова и его жены Александры Евтихиевны, созданные Федотом Шубиным. Можно предположить, что в этой коллекции были портреты и других Демидо-

вых, их родственников Строгановых, написанные известными портретистами К. Брюлловым, Э. Виге-Лебрен, Ж.-Л. Вуалем и другими, а также картины русских и европейских мастеров, античные скульптуры, различный антиквариат. Виллу Пратолино унаследовала дочь П. П. Демидова Мария, в замужестве Абамелек-Лазарева.

У Павла Павловича от двух браков было шестеро детей (седьмой умер в младенчестве). Следовательно, у Авроры Карловны были две невестки, три внука и три внучки. Одну из них, родившуюся в 1873 году, назвали Авророй в честь бабушки. Аврора Павловна вышла замуж за сербского принца Арсения Карагеоргиевича — офицера русской армии. Сын Авроры-внучки Павел Югославский (он, вероятно, носил такую фамилию) унаследовал виллу Пратолино в 1956 году после смерти своей бездетной тетки Марии Павловны Абамелек-Лазаревой.

Картины и антиквариат из виллы Пратолино экспонировались на различных выставках. Например, в каталоге выставки французского искусства в Лондоне в 1968 году указана картина "Девочка в шляпе", на которой изображена Екатерина Александровна Строганова. К каталогу приложена репродукция со следующей аннотацией: "Художник Э. Виге-Лебрен, владелец Павел Югославский, размер 68,5×55,9, ранее находилась в собрании Демидовых".

В 1969 году Павел Югославский продал виллу Пратолино, а ценности пошли с молотка. Вспомните, уважаемый читатель, что аукцион в Нью-Йорке происходил тоже в 1969 году.

Теперь вернемся к Авроре Карловне. Она, судя по воспоминаниям современников и ее письмам, была человеком умным, рассудительным, чтит традиции старинных дворянских родов. Демидова-Карамзина получала приличную пенсию от тагильских заводов, имела дом в Петербурге, виллы в Финляндии. Сомнительно, чтобы женщина, обладающая достоинством да к тому же обеспеченная и независимая, могла продать фамильную драгоценность.

Куда же, в таком случае, делся "Санси"? Скорее всего, Аврора Карловна завещала после своей смерти этот бриллиант одной из самых близких родственниц. Этим близким существом вполне могла быть Аврора Павловна Карагеоргиевич — женщина ослепительной красоты, портрет которой написал Константин Маковский.

Аврора-внучка не надолго пережила бабушку и скончалась в 1904 году. Вероятнее всего, богатства матери унаследовал сын Павел, к тому времени несовершеннолетний. Как же в дальнейшем могли распорядиться фамильным бриллиантом? Здесь можно предположить два

варианта: "Санси" был продан какому-нибудь государству или частному лицу. И другой — "Санси" остался в семье принца Павла и его наследников.

Если принять первый вариант, возможно, фамильная драгоценность Демидовых, стала принадлежать кинозвезде Элизабет Тейлор (версия Соловьева и Ярового). Есть еще одно небольшое косвенное подтверждение этой версии. Журнал "Штерн" писал, что супруг кинозвезды Р. Бартон после очередной размолвки с женой "...на следующий день покупал ей огромное кольцо с бриллиантом, который был так велик, что она не могла согнуть палец". Замечу, что период совместной жизни актеров длился с 1964 по 1976 год. Вполне вероятно, что в обеих публикациях — Ю. Соловьева и журнала "Штерн" — речь идет об одном и том же кольце.

А если все-таки у Элизабет Тейлор не тот бриллиант, что был подарен Авроре Карловне? В таком случае, можно принять второй вариант и предположить, что бриллиант "Санси" находится среди богатств, унаследованных Павлом Карагеоргиевичем (Югославским), в Италии или Югославии. Может быть, это сокровище находится и в другой стране, но только не в России.

Так мне видится история бриллианта "Санси". Она построена на предположениях и косвенных доказательствах, поэтому далеко не бесспорна.

В архивах многих городов страны и за границей хранятся документы, принадлежащие Демидовым. Сейчас по архивным материалам ученые, историки, музейные работники, краеведы пытаются восстановить историю этого рода. Планируется издание Демидовской энциклопедии. И, может быть, среди деловых бумаг попадет письменное свидетельство о приобретении П. Н. Демидовым бриллианта "Санси", акт о передаче этой фамильной драгоценности в наследство и другие документы об историческом камне. И на основании прочитанных страниц из прошлого будет написана достоверная биография "Санси" — камня, связанного с Уралом, камня, олицетворяющего непреходящие ценности — красоту и вечность.

Заканчивая эту статью, я хочу поблагодарить Светлану Адолбфовну Клат, Тигрия Васильевича Дьячкова, Эмму Николаевну Овечкину, любезно помогавших мне в сборе материала и консультировавших меня в процессе работы.

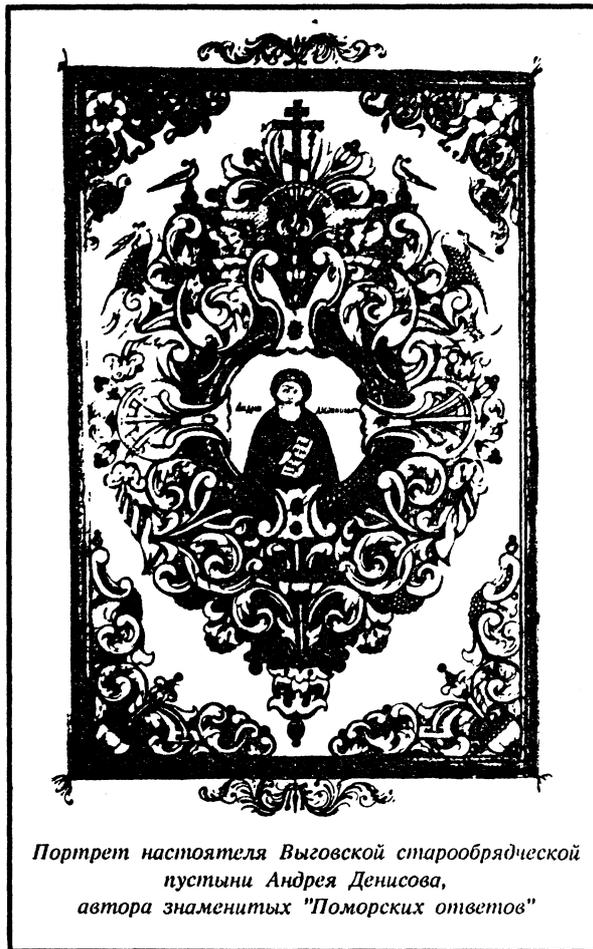
Урок шестой: старообрядчество на Урале в XVIII — первой пол. XIX века

На очередном нашем уроке мы продолжаем богатейшую по материалу тему уральского старообрядчества на примере рассмотрения бытовавших у нас беспоповцев, а еще точнее так называемого Поморского согласия. Сегодня на журнальной "кафедре" Петр Иванович Мангилев. В уральском городке Верх-Нейвинске его знают как о. Петра, настоятеля храма Вознесения, а в УрГУ на кафедре истории России он читает несколько спецкурсов. Выпускник исторического факультета. Глубоко изучает историю церковной книжности, старообрядчества. Автор ряда научных публикаций.

Петр МАНГИЛЕВ

Поморское согласие

Церковные реформы патриарха Никона 50—60-х годов XVII века имели своих противников, которые не признавали исправления церковных книг и обрядов. Несогласные, а их было много и положили начало движению старообрядчества, оставившему такой заметный след в отечественной истории. Среди ушедших в раскол были священники и диаконы. На первых порах они смогли хорошо организовать духовную жизнь религиозных оппозиционеров. Однако уже к концу XVII века старообрядческие общины стали испытывать недостаток в священнослужителях. Священники дониконовского рукоположения старились и умирали, а новых взять было негде, так как рукоположить священника мог только архиерей — высший чин церковной иерархии, а архиереи, кроме рано умершего Павла Коломенского, не поддерживали старообрядческого движения. Ситуация была сложной. Одни приверженцы "древлего благочестия" стали принимать священников православной церкви, "исправляя" их. Они получили название беглопо-

Портрет настоятеля Выговской старообрядческой пустыни Андрея Денисова, автора знаменитых "Поморских ответов"

повцев. Другие совсем отказались от священства — это беспоповцы. Поморское согласие, о котором у нас пойдет речь, относится к беспоповщине.

Согласие вело свое начало от Даниила Викулова, дьячка Шумского погоста. На реке Выге в Поморье он основал Выговский скит. В XVIII веке обитель процветала. Здесь была собрана огромная библиотека из книг не только на русском, но на греческом и латинском языках. Работала книгописная мастерская (скрипторий). Поморские рукописания ходили по всей России. Они легко узнаваемы: письмо (поморский полуустав) и украшения (поморский орнамент) отличаются яркой индивидуальностью. Многие деятели поморского старообрядчества выделялись ученостью и литературным талантом. Сохранились сотни написанных выговцами сочинений. Одно из них — "Поморские ответы" настоятеля Выговской пустыни Андрея Денисова (1674—1730) стали настольной книгой старообрядческого вероучения. В них сформулированы основные положения учения, общие для

всех течений в старообрядчестве. Они базируются на тезисе, что Антихрист уже пришел в мир и духовно царствует в русской церкви со времени патриаршества Никона. С этого времени нет истинных таинств и истинного священства. А потому все, кто принимает веру поморского толка, должны быть крещены заново (поморцев иногда называют "перекрещеванцами"). Крестить, исповедовать, из-за отсутствия настоящего православного священства, могут простые миряне, даже женщины. Таинство же брака должно быть отменено. Венчавшихся в церкви, а потом перешедших в старообрядчество нужно разводиться.

Это положение поморского вероучения не выдержало проверку временем. Внутри согласия началась полемика о возможности так называемых "бессвященнословных" браков. К концу XVIII века согласие распалось на "брачников" и "безбрачников", а в начале XIX века в обиход прочно вошел порядок заключения "бессвященнословных" браков.

Поморцы считали также, что нельзя молиться за царя, как главу антихристового государства и церкви. Это вызывало наибольшее неудовольствие государственной власти и дискутировалось внутри согласия. Поморцы-брачники молились за царя.

Признавалось возможным самоожжение, как способ сопротивления "антихристовой" государственной власти. В середине XVIII века поморцы отказались от самоожжений.

Выходцы из Выговской пустыни в разных районах России создали старообрядческие поморские общины, в том числе и на Урале. Здесь их появление связано с именами братьев Семеновых-Украинцевых-Митрофановых: Гаврилы, Никифора и Ивана. Первым в начале XVIII века на восток отправляется Гаврила (1675—1750). Появляется в Приуралье, а затем следует дальше, на Урал и в Сибирь. Вскоре здесь оказываются и его братья. На восточных окраинах России в то время сосредотачивались политические и религиозные оппозиционеры. Одни уходили сюда по своему желанию, других ссылали правительство. Выговские посланцы создали мощную, четко функционирующую, скрытую от властей организацию старообряд-

цев-поморцев. Причин ее жизнеспособности несколько.

Выговская пустынь, тесно связанная с Олонецкими заводами, находилась под особым покровительством Петра I и действовала почти открыто, став одним из самых значительных старообрядческих центров.

Основной поток переселенцев на Урал и в Сибирь шел из Поморья. А предки наши лучше, чем мы, хранили связи родства и землячества, и умели ими пользоваться. Единство родины и веры делало свое дело.

Много значила и личность Гаврилы Семенова, который фактически возглавлял уральских поморцев. Человек незаурядный, он владел знаниями по горному делу и талантом организатора, был доверенным лицом Акинфия Демидова.

Уральская резиденция Выга находилась на окраине Невьянского завода, на виду у духовных и светских властей. Консистерия не раз пыталась ликвидировать ее, но пока был жив всеильный горнозаводчик, ее усилия были тщетны. Помогал он Выговской пустыни и материально. Дважды посылал в цитадель поморского раскола отлитые на Урале колокола. Мог обратиться к старцам и с личной просьбой. В одном из писем (1742 г.) читаем: "Ежели вам не трудно, прошу промыслить на мой счет морских двух или одного сухих раков, которых б были побольше, такожде бы и от других морских же куриозных рыб. Мне оные потребны для домовою моею кунсткамеры".

После смерти Акинфия Никитича власти, наконец, добрались до невянских поморцев. Случилось это осенью 1750 года. Налет оказался внезапным, и взором налетчиков предстала внушительная картина: настоящий старообрядческий монастырь, множество жилых и хозяйственных построек. Как раз шли занятия в старообрядческом училище. Среди учеников оказались крестьяне из тобольских и ишимских деревень. Изъяли много книг и икон. Попали в руки властей и ближайшие сподвижники Г. Семенова. Его самого "спасла" от преследователей смерть. За несколько месяцев до налета он мирно скончался. Могила Гаврилы Семенова находится в с.Таватуй Невьянского района

Свердловской области, на берегу озера, увенчанная большим восьмиконечным крестом.

Разгром невянской резиденции нанес большой урон уральским поморцам. Им уже никогда не удавалось вернуть того влияния, какое они имели на уральских заводах. С этого времени здесь начинает преобладать беглопоповщина, в конце XVIII — начале XIX века оформившаяся в часовенное согласие.

Рубеж веков — период очень важный для истории уральского старообрядчества. В это время уральские беглопоповцы постепенно переходят к беспоповской практике. Этому было несколько причин.

Во-первых, не хватало беглых священников и какие-то литургические функции принимали на себя миряне. Создавалась устойчивая практика обходиться без священника. Кроме того, священники, как правило, не отличались высокими моральными качествами, а в условиях дефицита кадров нравственные изъяны еще усугублялись. И у крестьян возникал вопрос: "Зачем нам такие пастыри, если можем обойтись и без них?"

Во-вторых, купечество, которое составляло верхушку уральской беглопоповщины искало компромисса с правительством. Его политика по отношению к старообрядцам смягчалась, и компромисс становился возможным. Однако основная масса старообрядцев — крестьяне — были настроены очень радикально. Усилились внутренние противоречия и, как следствие, брала верх практика беспоповцев.

К тому же деревня социально раслаивалась. Возникающая мелкая сельская буржуазия стремилась контролировать жизнь религиозной общины. А это легче было сделать, когда община самоуправяема и независима.

Отказ части беглопоповцев от священства и другие противоречия привели к образованию нового, самого крупного на Урале, согласия часовенных и к усилению поморского согласия. Оживляется поморская пропаганда на заводах — в Нижнем Тагиле, Златоусте. Однако наиболее крупные поморские общины сосредоточились в крестьянских районах Среднего и Южного Зауралья.

Интересны данные правительственной статистики за 1826 год. Правда, она учитывала только ста-

рообрядцев, официально записанных в раскол. В то время, как тайных раскольников было много больше. Но относительную картину статистика дает верную.

Если на заводах Пермской губернии поморцев было не много (крупные общины зафиксированы только на северо-западе), то в Тобольской и Оренбургской губерниях, где старообрядцев обитало много меньше, чем в Пермской, удельный вес поморцев, напротив, был очень высок. Причем общины Курганского и Челябинского уездов (в основном, территория современной Курганской области) начинают играть ведущую роль в жизни поморского согласия на Урале.

В XIX веке несколько изменяется содержание движения старообрядчества. Если раньше это был в основном социальный протест, то теперь — движение нарождающейся буржуазии. Если прежде главари раскола жили на полуполюгальном положении, а религиозными центрами согласий были скиты и пустыни, прячущиеся в труднодоступных местах, то ныне общинами руководили зажиточные крестьяне или купцы, а центр располагался в городе или крупном торговом селе. Старообрядчество стало как бы обходным маневром нарождающегося капитализма. Зажиточный крестьянин-старообрядец, будучи лидером религиозной общины, приобретал власть, основанную на авторитете. Подобной власти ему не могло дать участие в органах крестьянского самоуправления. Старообрядческая община давала возможность внеэкономического принуждения. И в то же время прочная система конфессиональных, т. е. основанных на вероисповедании, связей могла быть использована и в экономических целях.

Среди зауральских поморцев стало заметным стремление упрочить свою организацию и сделать ее легальной. Поморское учение пересматривается в сторону большей лояльности правительству: допускается брак (пусть "бессвященнословный"), моление за царя. Большинство уральских поморцев с этим соглашается. Но наиболее радикальные представители старообрядческого населения возражают. Происходит дробление, выделение крайних направлений в расколе (бегу-

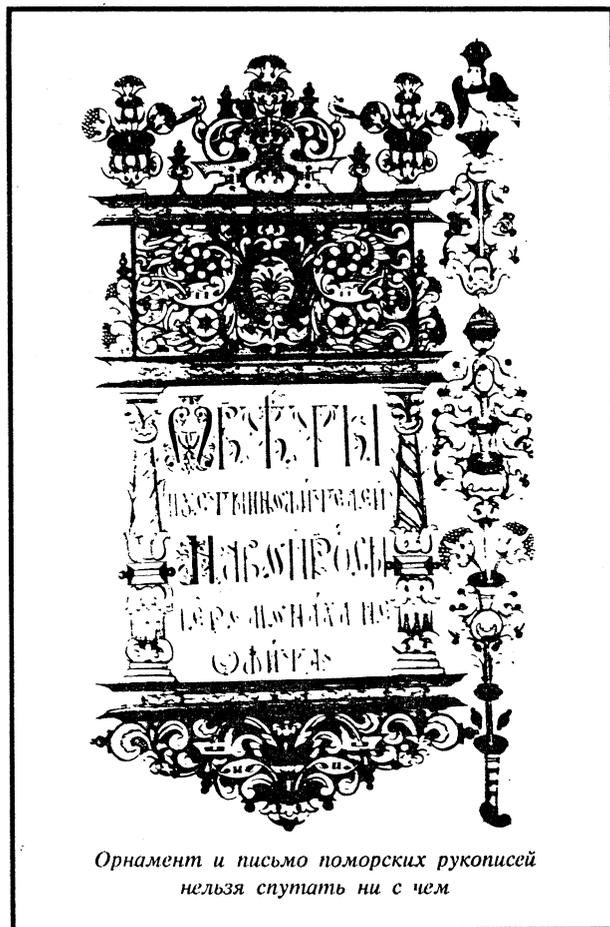
ны, спасовцы), образуются секты (хлысты, скопцы).

Эти процессы способствуют развитию старообрядческой письменности. Ведь каждое согласие старается доказать свою правоту и истинность, очернить соперников. Старообрядческие писатели составляют обширные исторические трактаты.

Одно из таких сочинений — "Родословие поморской веры на Урале и в Сибири". Окончательное завершение текст сочинения получил в 1860-х годах в Златоусте. Автор пытается доказать "законность" поморского согласия. Для этого он разбирает историю Церкви от апостольских времен до церковных реформ XVII века. Через первых учителей староверия ведет читателя на Выг, откуда ниточка преемственности через Гаврилу Семенова тянется на Урал, к главному герою сочинения, крестьянину с. Гагарье Таловской волости Челябинского

уезда Оренбургской губернии С. Тельминову.

Согласно тексту "Родословия...", Стефан Кузьмич прожил 113 лет: родился в 1727-м, а скончался в 1840 году. Происходил из почтенного старообрядческого рода: дед его Михаил погиб в гари (самосожжение), состоявшейся в Кошутской пустыни. Крещение получил от православного священника, однако в десятилетнем возрасте был "исправлен" (т. е. перекрещен) Гаврилой Семеновым. Тельминов, по мнению автора, был видным и авторитетным в Зауралье старообрядческим наставником. От него приняли "поморскую веру" жители Златоуста. Доказывалась таким образом историческая связь уральских поморцев не только с первыми расколу учителями, но и с древней Церковью апостольских времен, а значит доказывалась и истинность поморского учения.

Орнамент и письмо поморских рукописей
нельзя спутать ни с чем

Архивные документы помогли нам восстановить подлинную биографию Стефана Кузьмича. Родился около 1752—53 гг. — уже после смерти Г. Семенова (1750 г.), а значит и не мог быть им "исправлен". Вымысел потребовался составителю "Родословия"... для придания большего значения личности Стефана Кузьмича, ключевой в сочинении. Однако выговский эмиссар Гаврила Семенов с Кузьмой Тельминовым вполне мог быть знаком.

Если первое "исправление" оказалось вымыслом, то документы сохранили свидетельство о другом "исправлении". 13 июня 1780 года Воскресенское духовное правление уведомило Куртамышскую управительскую канцелярию "о выключении из двойного раскольнического оклада обратившегося в православие... крестьянина Степана Кузьмина сына Тельминова". Скорее всего, формальное присоединение к православию потребовалось ему для придания законности браку. Но Тельминов отнюдь не оставил своих "раскольнических заблуждений". Будучи человеком грамотным, "глубоко и обширно знающим божественное писание", он активно участвовал в жизни поморского согласия Зауралья, был "милостивый отец и пастырь всей Сибирской обширной страны". Известно, что в конце XVIII или начале XIX века Тельминов посетил Москву и останавливался там на Преображенском кладбище, где была одна из крупнейших и влиятельнейших в России старообрядческих общин.

Стефана Кузьмича неоднократно преследуют за распространение раскола. Обвиняют в совращении в раскол крестьянина Федора Еланцева с семейством, унтер-шихтмейстера 3 класса Подьячева и мастеровых Златоустовских горных заводов Сычева и Ефремова. Во дворе дома Стефана Тельминова в одной связи с избой находился молитвенный дом, внутри которого был иконостас, уставленный старообрядческими иконами, две люстры и печатные старые книги. В ходе следствия выяснилось, что "...часовня... устроена уже более 25 лет от общего всех приверженцев жертвоания".

Летом 1838 года дом был разобран и перестроен, соответственно перестроена и моленная, а делать

этого, по действовавшему тогда законодательству о раскольниках, не разрешалось. Челябинский уездный суд постановил оставить все как есть, но внушить Тельминову, чтобы впредь дом без разрешения начальства он не перестраивал. Но Оренбургская уголовная палата с этим не согласилась и приняла суровое и одновременно курьезное решение: разрушить дом до основания. Благо решение требовало утверждения Министерства внутренних дел, которое, рассудив здраво, постановило уничтожить лишь моленную комнату, обратив ее в обычную жилую. Однако Стефан Кузьмич не дождался результатов: в 1840 году в возрасте 87 лет он скончался. Такова была жизнь старообрядческого наставника.

Свой след в истории раскола на Урале оставили крестьянские волнения, вызванные реформой П. Д. Киселева, изменявшей систему управления государственной деревней. С одной стороны, она приспособляла сложившийся порядок налогообложения к новым условиям, а с другой — давала известную свободу развитию в деревне капиталистических отношений. Однако декларируемое расширение прав обернулось в реальности ограничением крестьянского самоуправления. Старообрядцам, сектантам и язычникам в очередной раз запретили занимать какие-либо должности в этом самоуправлении. Не вызвали энтузиазма и рекомендации правительства улучшить техническое оснащение сельскохозяйственного производства, понуждение сажать картофель. Поднялась волна крестьянского недовольства и особенно в традиционных старообрядческих районах Урала. Усиливаются эсхатологические настроения, появляются сочинения, где в знамениях скорого пришествия Антихриста узнаются реалии киселевской реформы. Возник цикл сочинений, объявивших картофель пищей нечистой. Гуляли самые невероятные слухи о его происхождении. Одна повесть, например, сообщала, что картофель — результат блудного сожительства царской дочери со псом...

Вообще царствование Николая I было временем самых крутых мер в отношении старообрядчества. Появились всякого рода секретные комите-

ты и комиссии по борьбе с расколом, ряд суровых постановлений. Усердствовали следственные органы, они оставили нам богатый архивный материал, который позволяет пристально рассмотреть внутреннюю жизнь старообрядческой общины.

Молитвенный дом — обычное жилое строение, содержащееся за счет общины. Внутри оно разделялось на две половины: мужскую и женскую, иногда с особыми входами из сеней. На восточной стороне моленной помещались иконы, перед ними располагался аналой. Другое убранства, как правило, не было. Книг в моленной не хранили, а прятали по домам — от внезапных полицейских обысков. Впрочем, старообрядческие общины XVIII — первой половины XIX века были плохо обеспечены богослужебной литературой. Полный набор книг имелся, видимо, только в крупных местных центрах.

В основном же богослужение вели по Псалтыри и Часослову. Это делали наставники-мужчины обыкновенно преклонного возраста. Они же отправляли основные требы: крестили, сводили браки, совершали погребение и поминальные службы. Исповедь в поморских общинах принимали специально избранные старики-духовники (духовные отцы). Наставникам помогали уставщик и головщик, руководивший пением.

Пели старообрядцы по крюковым книгам. Музыкальный звук в них записан не нотами, а специальными знаками — крюками. Таких звуков существует более 70-ти, и знание их — особое искусство. Дети старообрядцев, когда их отдавали в учение, учились читать по Псалтыри и петь по крюкам.

Собираясь в молитвенный дом на богослужение, мужчины одевались в кафтан, а женщины в сарафан-косоклиник, платок закалывали под подбородком. Необходимыми на службе были лестовка и подручник. Лестовка — четки особой формы. Подручник — небольшой квадратный стеженный коврик. Когда делали земные поклоны, то на него опирались руками: руки во время богослужения должны оставаться чистыми.

Порядок заключения "бессвященнословных" браков стал складываться во второй половине XVIII века в Мо-

Старец-раскольник на молитве.
Миниатюра из рукописи

скве, в Покровской Монинской моленной при наставнике Василии Емельянове. В 1803 году, основываясь на практическом опыте, известный деятель старообрядчества П. О. Любопытный составил "Устав брачной Московской Монинской моленной". Примерно в это же время Г. И. Скачков, новый настоятель этой моленной, составил "Чин брачного молитвословия". Им-то и пользовались поморцы-брачники.

Первые попытки ввести "бесценнословные" браки на Урале предпринял в начале 1820-х годов нижнетагильский старообрядец З. С. Печатальщиков. Опыт оказался неудачным: Печатальщиков и его сподвижники закончили жизнь свою в Сибири. В 1835-м крестьянин деревни Гольшевой Курганского уезда Федор Анисимович Плотников ездил в Москву и перенял обычай Монинской моленной. С этого времени поморцы Меньшиковской и

Чернавской волостей Курганского уезда, а также челябинцы завели специальную брачную книгу и стали сводить браки. Ф. А. Плотников делает то же самое на Нижнетагильских заводах. Брачуются у него не только поморцы, но и часовенные, предпочитая старообрядцев (пусть и другого согласия) православной церкви. К тому же Плотников выдавал новобрачным свидетельства и требовал, чтобы заводское начальство признавало эти браки законными. Такой порядок заключения браков быстро распространился по всему Уралу.

Сохранилось описание старообрядческих свадеб, сделанное учителем М. Горбушиным из с. Костылево Челябинского уезда. "Обряд венчания у раскольников не одинаков. Некоторые старики заставляют, например, жениха и невесту дать клятву в присутствии родителей в верности друг другу: "Ей Богу, я

твой! Ей Богу, я твой! Ей Богу, ты не отгонишь! Ей Богу, я не отгую!" и т. п. Обводят (трижды) вокруг стола и затем поздравляют "молодых" с желающим браком", и родителей новобрачных с детками и тут же угощают водкой. После этого снаряжается свадебный поезд и едут к жениху на свадьбу, где начинается гулянье, продолжающееся несколько дней сряду".

По другим воспоминаниям старообрядческий наставник "вместо венцов, возлагает на голову жениха и невесты иконы со словами: "Буди благословение Божие на рабе таком-то и на рабе такой-то". Потом сами родители возлагают на голову жениха и невесты хлеб с солью.

В брак вступали, как правило, представители одного согласия. Брачный союз между членами различных старообрядческих согласий был редкостью. С православными вообще старались не родниться.

Сложными были отношения между старообрядцами и православными внутри крестьянской общины. Известны случаи совместного выступления в защиту интересов общины православных крестьян и старообрядцев, но бывали и конфликты. Чаще всего старообрядцы отказывались брать на себя расходы по содержанию местного храма и приходского духовенства. Крайне отрицательно рассматривалась православными пропаганда раскола внутри общины. Интересы общины в целом затрагивала "политическая неблагонадежность" староверов, пропаганда раскола, неучастие старообрядцев в религиозной жизни общины, ибо эти поступки могли плохо влиять на хозяйственную деятельность общины. Неуважение одними религиозных чувств других (оскорбительные отзывы об обрядах и духовенстве и т. п.) не добавляло сердечности в отношения между представителями различных конфессий. И до настоящего времени в смешанных селах сохраняется несколько пренебрежительный оттенок слов "кержак" (старообрядец) и "мирский" (православный).

Фоторепродукция
Николая ПЕРЕВЫШИНА

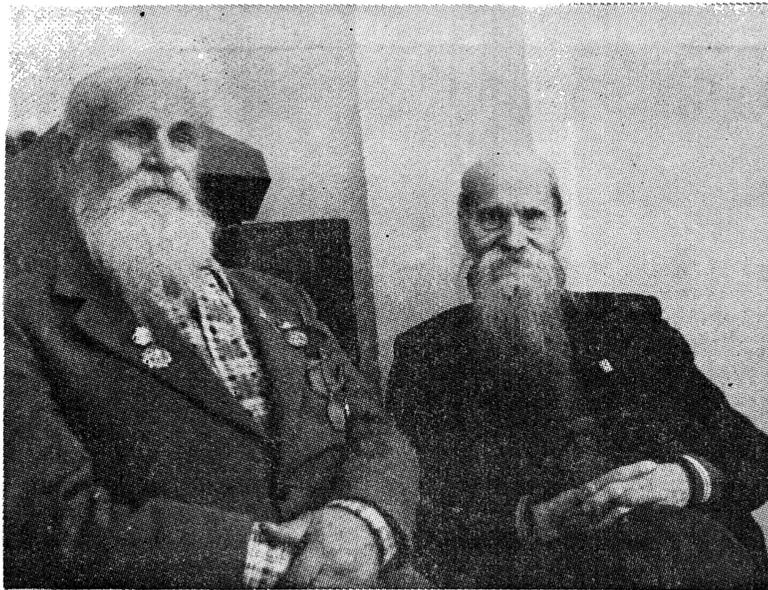
Наталья МУДРОВА

Раритеты Мокея Нечеухина

Никто из сотрудников Археографической лаборатории Уральского государственного университета — она занимается поиском и изучением старинных книг кириллической традиции, а также историей духовной культуры Урала — наверное, не помнит, когда впервые появился в лаборатории Мокей Варфоломеевич. А, появившись, стал постоянным читателем Хранилища рукописных и старопечатных книг. И не только читателем, но и постоянным научным консультантом.

Мокей Варфоломеевич Нечеухин, старейший екатеринбуржец, старообрядец часовенного согласия, был человеком грамотным, начитанным как в светской, так и богословской литературе. Он безошибочно атрибутировал любой фрагмент, листок рукописи или старопечатного фолианта, помогал нам разбирать и реставрировать книги с разбитым переплетом, перепутанными листами. В истории России, раскола церкви разбирался прекрасно. Принадлежал к числу тех немногих старообрядцев, которые знают старинное крюковое, "знаменное" пение.

Родился Мокей Варфоломеевич в деревне Долгая Оренбургской области в 1898 году в крестьянско-казахской старообрядческой семье. Прадед его оренбургский казак, участвовал в суворовских походах, а погиб в 1877-м, в русско-турецкой вой-

не. Отцу Мокея Варфоломеевича, тоже казаку, воевать не довелось, он всю жизнь выращивал хлеб; в 30-х годах был раскулачен и выслан на Урал, в Бугруш (Челябинская область). Мокей Варфоломеевич, "земледелец с малолетства", как он писал о себе, помогал отцу, а потом, выучившись, стал счетоводом, учителем, работал на Верхневинском заводе. В сталинские времена он не избежал участи многих: в 1945-м был обвинен по 58-й статье и десять лет отсидел в лагерях. Жена Мокея Варфоломеевича — Клавдия Акимовна — умерла в 1954 году. Из детей живы двое: Илья Мокеевич — геолог, крупнейший специалист по золоту, Артем Мокеевич — горняк, не так давно генеральный директор объединения "Уралмрамор". Сейчас оба пенсионеры.

Мокей Варфоломеевич собрал свою библиотеку, большую часть которой составляли богослужбные книги. Сколько их было, сказать

трудно, так как они пребывали в постоянном движении. Тридцать книг он еще при жизни передал в фонд рукописных и старопечатных книг научной библиотеки Уральского государственного университета. Часть собрания после смерти хозяина разобрали верующие-старообрядцы, его друзья и знакомые. Часть оставшихся родственники Мокея Варфоломеевича тоже передали в Уральский университет.

Чего только не было в библиотеке! Среди рукописных редкостей — различные четьи и богослужбные сборники XVII—XIX вв., Псалтыри, Канонники, певческие сборники на крюковых нотах (в одном из таких сборников содержится песнопения, записанные знаменитым "Опекаловским" роспевом), Октоихи, Ирмологии, каноны (среди них — малоизвестный "Канон взысканию погибших"), сборники духовных стихов, папка с праздничными стихирами, переписанными рукой самого Нече-

ухина, и его собственными стихами, полемическое старообрядческое сочинение "Пять ответов странникам" (гектограф); певческие тексты, написанные рукой Филиппа Ивановича Аникина, одного из самых компетентных в области теории крюкового пения старообрядцев Свердловской области, умершего еще раньше Мокея Варфоломеевича.

А из старопечатных книг его библиотеки отметим знаменитую Острожскую Библию первопечатника Ивана Федорова 1581 года, которая, судя по записям на полях, сделанным в XVII—XVIII вв., несколько раз меняла владельца. 5 июля 1619 года "сию книгу Библию продал Волцькова уезда Левкеина монастыря игумен Сильвестр и потписал сам своею рукою". 15 июня 1624 года "продал сию книгу поп Иван Иосифов сын попов николском попу Печерского монастыря вотчины Изотю Григореву сыну". Еще через несколько лет, в 1628 или 1629 году, библия была передана "черным попом Порфирием (?) гороховленину посадцкому человеку Максиму Петрову сыну Цишолову". На рубеже XVII—XVIII вв. книга находилась в знаменитом Макарьевском Желтоводском монастыре.

Помимо Острожской Библии в библиотеке Нечеухина хранились и другие издания XVI века. Триодь постная, напечатанная в Москве Андроником Тимофеевичем Невежей в 1589 году, и Апостол "с привилеем" (привилегией) виленской типографии братьев Мамоничей (после 1595 года).

Много было изданий Московского Печатного двора XVII века: Октоих, часть 2, 1618 года, Евангелие, Октоих, часть 1, 1631 года, Триодь цветная 1640-го с вкладной записью предка А. С. Пушкина — окольничего Степана Гавриловича Пушкина, Псалтырь с воследованием (1651), книжная продукция западнорусских типографий XVIII—XIX вв.

Из литературы гражданской печати отметим Сочинения митрополита Платона Левшина (СПб., 1780), т. 6, с суперэкслибрисом и штампом знаменитой библиотеки Анатолия Нико-

лаевича Демидова "San Donato" и Краткое описание путешествия во святой град Иерусалим... архимандрита Павла (М., 1883).

Наиболее ценные в научном плане древние книги М. В. Нечеухина хранятся сейчас в фонде рукописных и старопечатных книг научной библиотеки УрГУ.

М. В. Нечеухин не только дарил нам свои книги, он и сам, отправляясь в гости к родственникам или друзьям, зачастую подбирал или обменивал старинные книги для университетского древлехранилища, становясь, таким образом, не только научным консультантом, но и археографом.

И еще один штрих к портрету Мокея Варфоломеевича. Он постоянно писал стихи: поздравления к праздникам, стихи-размышления: "На могиле сына Алексея", "Оренбургская земля", "В хате убогой", "Наш отец и мы", "Моя родословная", "Новый год и новогодние свадьбы" и еще много других. Не берусь судить поэзию Мокея Варфоломеевича с литературной точки зрения, но постоянное стремление осмысливать, сопереживать, жажда духовного творчества характеризуют М. В. Нечеухина как незаурядную личность.

Есть у него стихотворные размышления на исторические темы. Одно из них навеяно романом Д. Л. Мордовцева и изображением на художественной открытке "Софья царевна в заточении в Ново-Девичьем монастыре, после казни стрельцов Петром I".

Однажды, читая стихотворение современного бурятского поэта Николая Дамдинова о прекрасном знании бурятами своей родословной, Мокей Варфоломеевич написал:

*А нам даже стыдно: мы просто не знаем,
Кто отец у отца был, а нам уже дед.
Краснеем, потеем, глазами моргаем,
Одно слово скажем: "не знаю" в ответ.
Я в незнаныи потомков своих не виню,
Родословную им напишу про родню.*

Результатом этого решения стала подробная родословная семьи, начи-

ная с прапрадеда, а также "Родословная", изложенная в стихах.

8 марта 1985 года женщины Археографической лаборатории Мокея Варфоломеевича, который с юношеским задором писал:

*В этот праздник Вам — дорогу
(А мужчинам — тротуар),
В сердце радость, любовь многу,
В душу пыл, огонь и жар!*

А через несколько месяцев Мокея Варфоломеевича не стало. И как-то долго было трудно привыкнуть, что уже не войдет к нам очень скромный, деликатный пожилой человек с бородкой и удивительно ясными, добрыми и молодыми глазами, не повесит плащ на вешалку у входа и не сядет за стол читать древнюю рукопись.

Уходят старики и уносят с собой то, о чем мы не успели спросить, записать для потомков.

Автор благодарит Артема Мокеевича Нечеухина за рассказ об отце и переданные им для изучения рукописные материалы и стихи Мокея Варфоломеевича.

*На снимке:
М. В. Нечеухин (слева)
и Е. А. Устьянцев из г. Талица,
старообрядцы часоленного согласия*

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,

народный поэт Удмуртии

ДОРОГИ

Испокон веков в народе говорилось: "Земляная работа — тяжелая".

Самые тяжкие мирские дела всегда делались артельно, соборно, скопом. Касалось ли это рытья канала, или пробивки тоннеля, или вообще строительства дороги, народ наваливался всей машиной и одолевал любое неподдающееся дело. У России в этом плане есть великие примеры. Вспомним Сибирский тракт, возьмем транссибирскую железнодорожную артерию, неповторимую по ее протяженности и по скорости ее прокладки.

Это был подвиг миллионов, оставшихся безымянными.

И совсем не случайно о строителях самой первой в России железной дороги, соединившей две столицы империи, поэт Николай Алексеевич Некрасов в 1864 году написал:

*Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..*

Десяти лет не прошло со времени окончания строительства Николаевской железной дороги, а поэт, от имени самих строителей, уже вынужден горько сказать о забвении.

Сегодня я расскажу о другой железной дороге, может быть не столь приметной на карте железных дорог России, о маленькой, о нашей удмуртской дороге Ижевск — Пибаньшур. Смолоду едешь по этой ветке, и как-то так получилось, что ни разу не пришлось услышать о ее прокладке в дорожных беседах и даже не довелось встретиться с людьми, которые бы сказали: "я строил..." или "я строила эту дорогу..."

Неужто забыли?

Неужто не придают этому событию значения, как маленькому, незначительному факту в своей судьбе?!

А у меня всю жизнь болит душа, тревожится сердце, и когда, бывает, я проезжаю по глубокой Кекоранской выемке или по высокой насыпи, которая идет следом за ней, если ехать со стороны Ижевска, то всякий раз взволнованно встаю и гляжу в окно, пусть даже за окошком ночь. Причем тут ночь, причем темень? Я памятью вижу это главное для меня место во всей дороге: тут есть и мои кубометры земли, и мои, мною вывезенные телеги глубинного грунта.

Уже не созвать мне тех односельчан, с кем пришлось работать. Кого-то нет давно, чьи-то следы затерялись. Знаю лишь, что в Тыловае живет Надя Поскребышева (наши отцы были двоюродными братьями).

Надежда Васильевна, учительница-пенсионерка, мать трех прекрасных сыновей, прости, что память моя заставила назвать тебя просто Надей, четырнадцатилетней девочкой. Вот — помню — ты встала рано поутру и уже стоишь с лопатой, чтобы длинный-длинный, как вечность день перелопатить вместе с землей, которая так неподатно — тяжела! О дневная норма земли! В другое время она была бы под силу разве только мужчине!

А рядом с тобою, Надя, я вижу Марусю Кантемирову, эвакуированную в нашу деревню с Украины. Она, по сравнению с нами, рослая, плотная, да и годами постарше. Но я сегодня, Надя, особенно жалею ее, потому что она не только, как и мы, безотцовщина, она была еще и без родного дома, без родины, которую топчет и поганит враг.

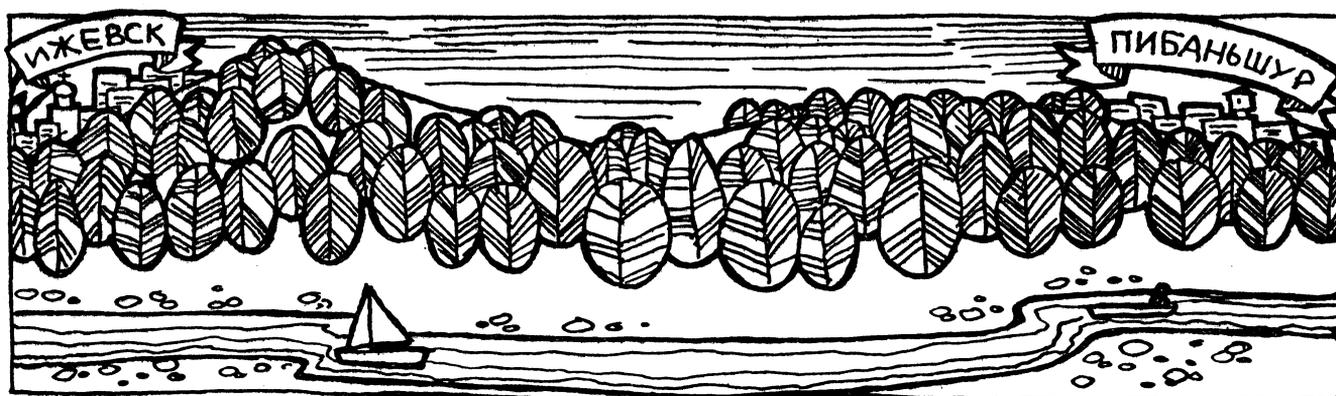
Но мы, Надя, и все, кто рядом с нами, строим дорогу. Может, по ней приедут домой наши отцы, может, она вернет Марусе родину? Шутка сказать, дорога! Уже само это слово имеет смысл гораздо больший, чем его первоначальное значение. Дорога — всегда мечта, всегда надежда. Мы строим дорогу к победе, дорогу к жизни, а еще — мы создаем себя, свой характер. И в то же время каждый швырок земли с наших лопат падал на могилу фашизма.

Я только позднее понял, что рядом со мною работали великие люди. Казалось, нас должно было пригнуть до земли. А не пригнуло! Земля, родная земля, заставляя работать до упаду, одновременно как тому мифическому Антею, давала нам силу. Подумать только: по вечерам в нашем земляном поселке, составленном из шалашей и землянок, звучали песни! Именно тут я услышал впервые одну из них, запомнив ее на всю жизнь. Естественно, что это песня о женской доле, женской судьбе во время войны.

Многие ли помнят ее? Послушайте.

*Счастливые подруги,
Вам счастье, а мне нет.
Не лучше ли мне было
Живой в могилу лечь!*

*Живой в могилу лягу —
Скажите: умерла.
До малой капли крови
Была я влюблена.*

Но так как это была песня войны, то, естественно, в ней сквозь темы любви и измены звучала и трагическая мелодия смерти:

*Убит, убит мой милый,
Под кустиком лежит.
Шинель его с фуражкой
На кустике висит.*

Ах, как легко сегодня какому-либо грамотею-стихотворцу громко посмеяться над наивными словами и примитивным содержанием песни! Только не забудьте одно, смеючись: она, эта песня, выросла из сердца народа, как трава из земли. И вовеки не найти ее автора, а создавалась она, безымянная, так: кто-то вымолвил строчку, кто-то другую... третью... — и зазвучало, и полилось, и задрожала душа от печали и горести.

А горестей да печалей хватало!

Каждую ночь в Кекоранской выемке звучали взрывы (необходимо было разрушить каменную породу, которая неприступным для лопат монолитом лежала в глубине, и обеспечить работу на следующий день). Сколько раз я, проснувшись от этих взрывов, думал о далекой от нас и все-таки близкой войне, потому что там были мои близкие, мои родные. А что думали в такие минуты другие — это навсегда осталось невостребованной тайной.

Я не запомнил ни одного имени тех людей, которые работали рядом с нашей деревенской бригадой. Они были из разных деревень, районов, со всей Удмуртии; они были разных национальностей, да и разве важно это было — русский ты, или удмурт, или татарин, или украинка Маруся Кантемирова.

Только лица остались в памяти, только лица!

Вот крепыш-парнишка, он старше меня, ему, наверно, недалеко до армии, и я сквозь свое детское невежество замечал все же, что к нему как-то особенно тянулись взгляды девушек, а он, этакий баловень, был в своеобразном кураже от всеобщего внимания.

Вот не то бригадир, не то прораб на Кекоранской выемке. По возрасту этому человеку следовало бы находиться на фронте, но у него покалечен один глаз. Однако и единственным зрячим глазом он отлично все

замечает: от него не укроешься, если, свалив землю там, куда мы ее вывозили, ты вздумаешь передохнуть или дать коротенький отдых лошади.

А вот еще одно лицо, которое мне никогда не забыть. После ужина наша Надя стала мыть посуду, в том числе и ведро, в котором была сварена каша. В это время к ней тихонько приблизилась женщина от соседнего шалаша. И только девочка собралась выплеснуть из ведра воду, как женщина тронула ее за локоть и негромко попросила:

— Ты, девка, погоди, не выливай воду. Она ведь — хлебная...

Тысячи поэтов в веках писали о женщине, славя ее красоту, обожествляя ее и объясняясь в любви к богоподобной. А я и сейчас вижу лицо этой женщины — иконное, до срока выцветшее, с горьким, страдальческим взглядом. И не о любви могу я говорить сейчас, а лишь о жалости — только о ней.

И еще.

Вместе с людьми на стройке тяжелую участь делили лошади. Лошадь и дорога — это всегда как бы единое целое. Но даже раздольные ямщицкие песни о тройках — это в подтексте песни о кнуте, о жадно хватающих воздух лошадиных ноздрях, о ключьях пены с боков и разорванных удилами конских губах. Мои читатели порою спрашивают, почему у меня много стихов о лошадях. Да потому, что я с малых лет видел сбитые до крови конские плечи, видел судорожно изгибающийся от напряжения хребет, когда лошадь тянет по дороге свою вечную ношу. Думали ли вы когда-нибудь о том, что и животным в мире уготованы очень разные судьбы? У одних жизнь кошачья, у других — поистине собачья (не обязательно у собак), у третьих — лошадиная, самая-самая тяжкая.

Именно здесь, в Кекоранской выемке, я дважды увидел смерть лошадей. Одна скончалась просто от натуги: упала в оглоблях и больше не встала. Землю-то надо было тащить все в гору, в гору, в гору!

А вторая — погибла. Лошадь на узком подъеме из котлована не удержала воза, он ее потащил назад (мальчишка-возница не успел подложить что-нибудь под

колеса, чтобы остановить движение), и она вместе с телегой рухнула с пятиметровой высоты под откос. Это не человеческая гибель, это смерть всего только лошади... но было страшно глядеть, как билась она со сломанным позвоночником, а потом навсегда замерла и в ее слезных глазах остановились июльские облака 1943-го года.

И подумайте: не случайно же в народном творчестве человеческая, особенно женская доля тех времен сравнивалась с лошадиной. Вы не видели, как, бывало, в выпавшие минуты отдыха выходили плясать ссутулившиеся к тридцати годам женщины, с изработанными руками ниже колен; вы не слышали, как они пели о своей доле горькую частушку:

*Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.*

И уж коли я заговорил про лошадей, то хочется вспомнить еще вот о чем. В ночное время их пасли в ближних ложках. Как правило, каждая деревенская бригада выделяла для этого человека, чаще всего — старичка. Ночью он пас лошадей, а днем, отдохнув, готовил обед. У нас обязанности конюха и кашевара исполнял Косарев Виталий Алексеевич (о нем я скажу еще ниже).

А теперь вот о чем.

Время было недоброе к людям, голодное время, но я за месяц работы в Кекоране ни разу не услышал, чтобы кого-нибудь обокрали. Украсть можно было только съестное (это тоже немало), но настоящей трагедией было бы, если б украли, угнали лошадь. И, думая об этом сегодня, когда люди вынуждены тратить на двойные двери, когда, обращая квартиры в мрачные казематы, навешивают на свои окна металлические решетки и видят небо только в клеточку, сегодня, когда преступность достигла невероятных, немислимых размеров, а жизнь человеческая, судя по наказаниям за убийство, перестала быть главной ценностью... — сегодня я утверждаю: у людей была мораль, в них жило высокое чувство человечности, они были душевней и выше, чище, святее, чем сегодня.

Люди на дороге не жалели себя.

Да и не велено было им — жалеть себя.

Кругом стояли кордоны, и уехать просто так, не спросив, не дождавшись замены, было невозможно. Кстати, на Кекоранскую стройку мы, как замена прежней нашей колхозной бригаде, приехали от Пибаньшура, а точнее — со станции Зилай уже на поезде. И с первого дня у каждого, кто приезжал, кто вливался в общую массу строителей, в руках лопата, временами лом или кирка — и работа, работа, работа! Впервые в жизни, тринадцатилетний, приехав из маленькой деревни, видел я такое скопление людей и работу, казалось бы, хаотичную, без определенного лада и склада. Но по тому, как на готовых участках пути уже укладывались шпалы, а на них в две нитки вытягивались рельсы, да когда это делалось на твоих глазах... становилось ясно, что есть определенная цель, и в этом кажущемся хаосе, в мелькании лопат, в круговерти запряженных в телеги и двуколки лошадей, в криках и ругани бригадиров имеется свой порядок.

Выше я упомянул про Виталия Алексеевича Косарева, нашего конюха и кашевара. Три его сына были на фронте, из них один — Алексей Витальевич — погиб, а младший — Виктор Витальевич — вернется с войны тяжело раненым.

Но вспомнить про Виталия Алексеевича я просто обязан еще и по такому поводу: на стройке я тяжело заболел (вымок под ливнем, в шалаше не согрелся, видимо, получил воспаление легких), и Виталию Алексеевичу разрешили увезти меня домой. Конечно, это значило, что надо отпустить со строительства дороги и лошадь, но ему, наверно, было нетрудно добиться разрешения: увидели, что мальчишка, за которого хлопочет старик, этот мальчишка лежит без сознания.

Очнулся я уже в дороге. Как обрадовался он, когда я открыл глаза! Во время ночлега у костра он напоил меня отваром какой-то травы, накормил горячей картошкой, заботливо укутал... словом, ухаживал за мною, как за родным внуком. Уже на следующий день мне стало легче, и я почему-то навсегда решил, что мне помогла картошка. Наверно, именно с той поры осталась у меня такая благоговейная любовь к картошке.

*Не глубоко,
Не мелко
Копая землю:
Днем дорожу —
Картошку сажу.*

*Всю — клубень по клубню —
Ее приголублю,
Чтоб крепче ей встать,
Накопистой стать.*

Но возвращаюсь памятью к той поездке домой. Мы проехали с Виталием Алексеевичем около ста пятидесяти верст. Дорога шла через Игру, Зуру, Дебесы. От Дебес повернули на Полом, то есть на северную ветку Сибирского тракта. Я впервые был в такой дальней дороге, впервые ощутил величие Сибирского тракта. Чего только не видел он, эти его изгибы и повороты, отороченные екатерининскими березами!

А вот и Полом с его церковью.

О Поломе мне хочется сказать по той причине, что родом из этого села художник Н. А. Косолапов, который (я это узнал много позднее) с натуры написал полотно о строительстве железной дороги Ижевск — Пибаньшур, взяв за основу как раз Кекоран. Где находится сейчас эта картина? Может, затерялась в музейных хранилищах, а может, была среди тех картин, которые художник подарил родному селу?

И еще — возле Полома я впервые увидел отрезок пути (гора), выложенный камнем. Значит, думали люди о дорогах и умели их строить надолго.

От Полома до моей деревни двадцать верст.

Как волнующ и полон ожидания каждый поворот, как прекрасны своей зеленью и величественным размахом ветвей березы! Екатерининские березы! Они стояли тогда еще сплошь по установленному ранжиру в два ряда с каждой стороны тракта. Тогда-то я и понял, почему в моей деревне у каждого дома стоит береза. У каждого... у моего — тоже! Да просто селение, основанное позднее,росло в Сибирский тракт, в эти березы, и они так и остались по возможности непорученными.

А вот и она, моя деревня, моя... Но, странное дело, мне вдруг показалось (с вами не бывало чего-то подобного?), что она словно бы сдвинулась и стоит не на том месте, как стояла всегда. (А может, это от множества поворотов, которые мы проехали? А может, просто закружилась голова от радости или сквозь слезы мне показалось так?!) Однако было оно, такое ощущение, и мне пришлось потом, обживаясь после дальней дороги, как бы устанавливать родную деревню на свое прежнее место.

Заговорил же я о родной деревне Бани вовсе не случайно.

Сколько всего видели наши деревни, особенно издавна стоящие на Сибирском тракту! Когда обосновалась моя деревня на берегу речки Пызепы, точно никто не знает. Но сохранилось предание, что и название-то ее пошло от первых бань, в которых будто бы мыли прогоняемых по тракту каторжан. Стоит она на северной ветке Сибирского тракта, проложенного от Петербурга по линии: Новая Ладога — Вологда — Тотьма — Великий Устюг — Вятка... По Удмуртии он проходит через Дзякино, Глазов, Балезино, Полом, Дебесы. В селе Дебесы петербургская ветка соединяется с московской, которая тоже проходит по Удмуртии, а уж в Дебесах обе дороги срastaются в единый Сибирский тракт, и он идет на Пермь... к пограничному столбу между Европой и Азией под Екатеринбургом... и дальше... дальше...

Снова вернусь к своей деревне. Маленькая! Стоит она как раз посередине между Поломом и Балезино. Видела ли она Радищева? А уж Достоевского-то, наверно, видела! И видела поэта Жуковского, проезжавшего в 1837 году в Сибирь в свите наследника престола, своего воспитанника, великого князя Александра Николаевича. А еще раньше видела многих декабристов... вдосталь насмотрелась на горе и слезы. А язык моих односельчан — да это ж вологодское баяние. А сколько ямщицких песен осталось в деревне, сколько каторжных песен-плачей поселились в ней на житье, точно так же как совсем ненашенская фамилия "Станкевич".

И почему еще захотелось мне сказать о родной деревне?

Все строители железной дороги Ижевск-Пибаньшур, славно поработавшие для Победы, одновременно защищали и родные деревни. И сумели их сберечь, каждый свою, защитить свой дом, свое гнездо. Это потом, совсем недавно, доморощенные Батыи да Мамаи стерли многие из деревень с лица земли. О, как плакали по ним пожилые и старые люди на торжестве ее пятидесятилетия! Нет деревень, заброшены поля и луга, беспризорны кладбища. Духовная бездомовость и духовный Чернобыль победительно шествуют по земле.

Но не для этого создаются дороги.

И я горестно-счастлив, что в одно военное лето познакомился с двумя дорогами, причем к строительству одной из них даже приложил свои малые-детские силы, а главное, увидел народ, как нечто большое, единое, целое, и что он может сделать, народ, когда охвачен и вedom великим порывом.

Ощущение дороги — удивительное, почти сказочное. Особенно в детстве. Вот пойду по улице своей деревни в один конец и — дальше, дальше, дальше... и дойду до Ленинграда. А поверну где-то налево — окажусь в Москве. Вот направляюсь в другой конец деревни и — дальше, дальше, дальше... всю Сибирь перемерю, на Сахалин или Аляску перепрыгну!

Но тогда, кидая лопатой землю, я еще не подозревал, что одновременно строю свою дорогу. Мы все строим дороги — каждый свою — и шагаем по ним. А еще я не знал, что длинные дороги — для долгих дум. И уж никак не мог я предположить, что на этой своей дороге мне однажды захочется оглянуться, все вспомнить, все, не раз передумать и поведать об этом другим.

*Стою на откосе пологом
И вижу — сквозь время — вприщур.
Как строилась эта дорога
С названьем Ижевск — Пибаньшур.*

*Землянки. Телеги. Ухабы.
Клячки. Лопаты. Дымки.
А возле — мальчонки, да бабы,
Да, словно пеньки, старики.*

*Как будто на память кто сыпнул —
По краю растет лебеда.
Кто скажет, что ели тут сытно,
Тот с нами здесь не был тогда.*

*И тянутся рельсы, как повесть
Великих трудов и забот.
Кто скажет, что было легко здесь,
Тот снова жестоко солжет.*

*Ах, думалось, этой ли силе
Уступит земля свою власть!
Ее мы слезами мочили,
Чтоб легче лопатой бралась.*

*Напружившись каждую жилкой,
В двуколки мы клали ее;
Как раненую, на носилках
Наверх поднимали ее.*

*Но время сбивало нас тесно,
Скрепляло в невиданный ком.
И каждый для ветки железной
Был малым ее корешком.*

*Забуду ль, как вымолвил метко
Какой-то и ветхих дедов,
Что мы на конце нашей ветки
Дождемся победных плодов!..*

*Стою я — и жизни уроки
В груди словно эхо в бору:
Непросто даются дороги
К победам,
к удачам,
к добру.*

ОСТАЛИСЬ БЫЛИЦЫ...

С каждым человеком почти ежедневно что-нибудь случается, ну там, в трамвае происшествие какое, в магазине заварушка, во дворе, на работе — мало ли.

А то человек интересный встретится — смешной или грустный случай из своей жизни расскажет.

Бывает зверюшка какая-нибудь, кошка там, собака, собачонка учудят...

Что-то мимо ушей и глаз проходит, а что-то запоминается.

Обычно истории-воспоминания пишут об известных людях, знаменательных событиях... Я на многое не претендую. Со знаменитостями не знаком, правда знаю одного кинорежиссера. Он как-то фильм по моему сценарию снял. Встретились. Режиссер и говорит:

— Знаешь, старик, наш фильм на "ура" по белому свету прошел. И во Франции я с ним побывал, и в Австрии... Но особенно тепло его почему-то в странах Африки принимали.

Помолчал немного режиссер и спросил:

— Ну, а ты-то как?

— Да все на Таватуе обитаю, в деревне.

— Ой, завидую я тебе, старик, ой завидую... — засакушался режиссер.

Он без юмора вроде бы говорил, искренне.

А что? В какой Африке встретишь таких людей, как Афанасий Иванович Меркурьев, Никандр Семенович Зиновьев... Честных, хитроватых, наивных, работающих, а то и забудыжистых, но, главное, уральских, русских-русских...

Вот о таких очень знакомых мне людях я и пишу свои "былицы". Несколько десятков лет пишу. Некоторые герои изменились, другие и вовсе померли, а былицы вот остались...

ЧЕРНОЗОБЫЙ

Позвонили и сказали:

— Это из редакции. Простите, Лев Иванович, говорят, вы голубями занимались?

Господи! Голуби — страсть моя. Еще в первом — втором классе пытался держать их в сарае. Они разлетались, бедная мама вместе со мной лазила за ними по крышам.

...А потом уж, в 14—15 лет, когда уже работал на заводе, до самого ухода в армию я держал их по-настоящему, со знанием дела.

После армии, когда учился в Свердловском педагогическом и жил в барачном общежитии по улице Тобольской, развел голубей на чердаке водоканала.

Когда по моему сценарию снимался фильм "От зари до зари", там тоже были голуби. А главным голубиным консультантом был наш дворовый голубятник Михаил Банных. Оттуда, со съемок я взял пару красавцев палебоких...

— Так, Лев Иванович, это правда, что вы имеете отношение к голубям?

— А что случилось?

— Понимаете, к нам в редакцию принесли голубя, что с ним делать? Уже конец субботы, завтра воскресенье... Выпустить его на ночь глядя, а он с кольцом. Кольцо у него на лапке, а там что-то написано.

— Привезли бы его ко мне... — и я назвал свой адрес.

А сам быстренько к нашей дворовой голубятне, куда я относил еще палебоких, куда собирается и старый и малый с нашего двора, и где командует голубиным царством мой старый знакомый Юрий Константинович Скрябин.

Хозяин, я думаю, одной из лучших голубятен города был, что называется, на своем посту. Я в двух словах рассказал о звонке.

И вот мы сидим в моей комнатешке и поджидаем неведомого человека с голубем.

И он пришел. Лет сорока, круглоплечий, с могучими рабочими руками. Я сразу обратил внимание на руки, когда гость доставал голубя из хозяйственной сумки. И точно — Александр Ефимович Мамутин оказался бригадиром с турбомоторного завода. Вечером он вышел с сумкой за колбасой, наткнулся на голубя и вот уже считай два часа мается с ним.

Впрочем, Александр Ефимович так сказал:

— Жалко.

Между тем, Юрий Скрябин расхвалил голубя, сказал, что он уральской породы, чернозобый и, судя по насечке на кольце, из Челябинска, из Перми или из Свердловска. Из Уральской зоны, в общем.

— На днях будет собрание голубеводов, я объявлю о находке — и хозяин найдется, — закончил Скрябин.

Счастливый, попрощался с нами Александр Ефимович Мамутин:

— Нет, мужики, так-то разобраться, чего мы сделали? Какого-то голубенка спасли! Но ведь не в этом дело. Главное, на душе почему-то радостно, приятно как-то, и черт с ней колбасой, которую я не купил. До свидания.

Скрябин держал в руках чернозобого:

— А голубок-то так себе, зряшний, а вот мужик хороший, добрый.

...Вот и все, вся история. Скажут некоторые: "Ну, о каких пустяках люди пишут, подумаешь, голубь какой-то".

А я своими глазами видел, как пацанята около наших помойных контейнеров избивали рогатками голубей... Знал человека, который ловил собак, вешал их и выделывал шкуры, убивал прирученных белок. Каждый год вижу, как во время нереста добывают рыбу на озере Таватуй...

По моему разумению, такие люди, как сегодняшние Мамутин и Скрябин, ни на что такое не способны.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ

Целый день непогодилось, а когда закатилось солнышко, установился благодатный июньский вечер.

— Сегодня верхнюю гряду окучивал, так червей тебе полнехонькую банку насобирал, — сообщил мой дядя Виктор Александрович.

Дядя явно намекал на ершиную уху. Уж больно ему понравилась уха из свежих таватуйских ершей. Откровенно-то говоря, лещи, окуни и чебаки меня не очень жалуют. Редко когда их добываю. Налимов, линей и щук (шуругаек по-местному) помню всех наперечет. Сигов и рипусов мне и вовсе не попадалось. А вот ершей я таскать навострился. Некоторые подковыристые землячки так со мной здороваются: "Как ерши-то, Иваныч?".

А я не обижаюсь. Не всем ведь дано понять, что не только в рыбе дело. Просто хорошо побыть одному вечером.

Я пристроил свой огромный рыбацкий ящик к краю пристани и потихоньку стал потаскивать ершишек.

Пристань, куда днем присовывается допотопный катеришко, завалена деревянной тарой, тут непо-

далеку магазин, люди и поджидают катер на этих ящиках.

Рядышком еще одна пристань есть — рыбхозовская, эта блюдет в чистоте, огорожена сеткой. Мне даже видно, что сейчас на этой пристани ничком, не разберешь кто, спят два рыбака.

Озеро тихое-тихое, ветерок от Крутенькой горки лицо прохладит, считай, по времени ночь уже, а светло; и не единой души вокруг, сиди, дергай ершей, РАЗМЫШЛЯЙ, о чем хочешь, хоть о тех же ершах.

Эту рыбку, по-старинке видать, до сих пор здесь зовут "хозяином озера". Но с каждым годом и ерш на Таватуе мельчает, да и поубавилось его очень. А я ершу гимн готов петь... О ершиной ухе поди каждый слышан. Его ведь ни чистить, ни пороть не надо, прямо живехонького в кипяток опустил — и хлебай ущицу через десять минут. А еще лучше, сначала мелочь в марле отварить, а потом уж, которые покрупней, пусть ушиный дух укрепляют. А если путная рыба есть, окунь там, лещ, их последними в уху. Ну, про это варево все знают. А вот сушеные ерши! Если их, подсоленных, опять же не поротых, не чищенных, в русской печке высушить... А пельмени из ершей... Или шпроты! Правда, здесь каждую рыбешечку обдeldывать приходится и варить надо долго, и приправ много, и кондиции знать надо, зато... Как-то в давнишние времена москвичи киношные к нам в Таватуй нагрянули. Я и угостил их ершиными самодельными шпротами. Они вроде культурно ели, не спеша, мизинчики от вилки топырили, но полнехонькая тарелка вмиг опустела.

— Где это вы, Лев Иванович, такое объедение раздобыли?

— А знакомые, — говорю, — из Нидерландов прислали.

Тоненькая артисточка платочком губы не дотерла:

— Нет, умеют все-таки там делать!

...А вот и окунишко у меня клюнул. Эх, хороша рыба-окунь. Ну, во-первых, нарядная, одни красные плавники чего стоят. А если ее свежую подсолить, а жаровню зарядить ольховыми шишками...

— Как ерши, Иваныч?

Надо мной стоял Старый рыбак, я и не заметил, когда он ко мне сзади подошел. Он подставил под себя ребристый ящик, устроился поудобнее.

— Давно поговорить с тобой хотел... Дай закурить для разгону.

— "Беломор" у меня сегодня.

— Самое то! Я как рыбачить начал, так тридцать три года "Беломор" и курю. На работе сигареты размокают.

Он решительно сдул дымом пепел с конца папирсы:

— Вот ты все пишешь. Нас, рыбаков, в газете лаял, что такие мы и сякие, и *тем не менее*, рыбу губим. А ты разберись, вникни, нас послушай, тогда уж и строчи, *тем не менее*, что толку от твоей писанины нет. Два катера так и гниют в озере, и мы рыбу по-прежнему ловим, а теперь уж не только мы, еще одна бригада шурует, и каким-то заводским разрешили мережами рыбу добывать.

Было, было. Критикнул я как-то рыбаков в местной газете. И при первой же встрече этот Старый рыбак обругал меня. Сейчас же он был спокойным, рассудительным, втолковывал мне:

— Нам же зарабливать надо, семьи кормить. А обстановка, видишь ты какая: план у нас. Вот на сегодня мы его уже и выполнили, а нам указания "давай, давай". Сколько начальство велит — столько мы добыть и стараемся. А озеро — оно ведь не океан. В океанах и то, говорят, селедку повыловили. Как бы надо-то: добыли бы мы свои, предположим, четыреста центнеров, и все — отдыхай озеро, *тем не менее*, что добывать рыбу все труднее, меньше ее стало. Вон в прошлом году у Коровьей курьи вытянули под десять тонн подлещика, а он нестандарт, сдавать его или, *тем не менее*, в магазин отдавать не имеем права. Обрати отпустить? А на дворе ноябрь, мороз. Сколько его пропало? Вот тебе и "давай, давай".

А в Свердловске целый институт рыбный имеется. Институтские сюда часто ездят, че-то там исследуют, пишут, и получается, что нам указания — ловить чебака и окуня как можно больше. Они, видишь ты, на чем работы-то ученые пишут, мол, надо на Таватуе начисто вывести окуня и чебака (они его плотвой зовут), а вместо них сиговых утвердить. Конечно, сиг там или, *тем не менее*, рипус и крупней, и жирней, и пирог из них лучше. Только мальки ихние почти не приживаются, мы как сдавали местную рыбу, так ее и сдаем. Между прочим, артель наша тоже должна мальков сиговых выводить, и в каких-то бумажках мы их, кажется, разводим и в озеро пускаем... А пока, Иваныч, натуральная картина такая: сига и рипуса очень-преочень мало, чебака, окуней и лещей мы тянем беспощадно, их с каждым годом меньше. Вон уж и ершишки-то путные все реже встречаются, и в результате вместо сиговых в Таватуе раки завелись.* Иной раз вытянешь невод — ни одной рыбки нет, одни раки.

* Сегодня в Таватуе нет ни одного рака — вытравлены. (Примечание 1993 г.).

Пока я слушал Старого рыбака, учуял, что с похмелья он. Сказал ему зло:

— Ладно тебе, можно подумать, ты об озере пещешься, "тем не менее", о рыбе.

Он моей подначки не заметил, загорелся:

— Я? А ты как думал! Хоть сейчас проголосую, чтобы нас запретили. Я на три-четыре года себе работу найду. Я родился здесь, озеро моих дедов-отцов кормило, а в войну... Эх... Только чтоб и этих новых рыбацков с неводами да мережами к озеру близко не подпускали, они же как чингизханы — прикатали, порыбачили-похватили — и нет их, им здесь не жить. Под видом необходимости, *тем не менее*, Продовольственной программы шуруют кто как может. Вот сегодня, почему мы в такую погоду выехали? А с рыбнадзора приехали: "Братцы, выручите, край как рыбки надо". Ну, мы их выручили, а сами, уж погода, *тем не менее*, не погода, а раз начали — давай дальше воевать. Да, Иваныч! Я бы как хотел? Чтобы чебака снова поднять, леща! Ведь леща-то здесь когда-то тоже не было. Его тут Потап Матвеевич Зиновьев развел. Хочу, чтоб сиговых этих чертовых покрупнее в озеро выпускали, чтоб несжираемыми они оставались, чтоб не дошли. Если бы по уму-то, так на таком озере-море... если бы по уму-то...

На той стороне появился белый косой парус. Лодки не было видно, казалось, что парус сам по себе, крадется далеким лесистым берегом.

— Старик-пенсионер на том берегу завелся, — объяснил Рыбак. — Сам построил эту лодку и плавает по озеру, здоровье нагоняет. Соберет своих друзей, таких же старых пердуахов, окружат они невод и тянуть мешают: "Отдохнуть бы от вас озеру, отдохнуть бы"... И сказать им что-нибудь конкретно, *тем не менее*, матом неудобно — старики все в галстуках, при колодках и всегда трезвые. Они на нас, как на врагов, смотрят, прямо замучили. Хотя от тех, которые рыбу просят, тоже покою нет. Не успеешь невод вытянуть, а некоторые отдыхающие уже стоят, караулят. Теперь и за раков этих проклятых готовы бутылку дать. И берем! А куда денешься? Ты видел роба у нас какая? Она то ли для верхолазов, то ли для шахтеров предназначена. Намокнешься в ней, *тем не менее*, намерзнешься, ну и отсыпишь нестандарту... Вот и сегодня под грозу мы попали, сухонького места не осталось. Нас, старых-то, эти ревматизмы, *тем не менее*, радикулиты мукой замучили. А помощники мои неумехи, эвон, на пристани спят, "насогребались" за день-то.

Нет, вроде бы искренне исповедуется сегодня Старый рыбак. И, наверное, не совсем я был прав, критикуя артель со своей любительской, "Ершиной", так сказать, колокольни.

— А все-таки, каких людей больше, которые с бутылками к вам или тех, чтоб "озеру отдохнуть"?

— Ох, да за день-то каких только не встретишь. Вот позавчера случай был. Тянем тонь на Волчьей горе, ну, как всегда, купальщики окружили нас, глазуют. Я тяну мотню, а сам на девку люблюсь. Уж до того фигуристая, прямо спасу нет и, *тем не менее*, на лицо очень красивая. Мой Ванька женился недавно... пфу, нет, чтоб такую вот привезти. Она, главное, на артистку смахивает, помнишь по телику-то показывали, когда Восток сильный дул, когда мы не рыбачили. И вот тяну я сеть, а сам на "артистку" кошусь, а она к крылу невода подкралась, ерша из ячейки цапнула и раз его в трусы. А трусы-то у нынешних, сам знаешь какие. А "артистка" еще одного, еще... Господи, да я за такую красоту, за мечту свою... дал бы я ей и окуней, и чебаков.

Вдали белым буравчиком, чуть ли не обгоняя собственный звук, промчалась моторка.

— Юрка гоняет, — сказал Старый рыбак. — Дай-ка мне еще закурить, Иваныч... спасибо, и этим охломонам по одной дай, будить их пора. Мои-то папиросы кончились, а неумехи эти свои вымочили. Вот помощнички у меня подобралась! Им только бы рыбки домой побольше. Знаешь, сколько нам полагается домой после рыбалки брать? Не более двух килограмм. Ну, и скажи я им про это? Да они тут же по домам разбегутся. Кто же за семьдесят два зарплатных рубля зимой мерзнуть, летом булькаться, да еще, *тем не менее*, сено для лошадей косить будет? Теперь вот еще одна рыбацкая бригада на Таватуе появилась, так этим троим куда больше нашего платят. Подсобное хозяйство автокакого-то предприятия добились разрешения на рыбалку, и лодки у них такие же, и невод. Ну, эти пока не столько рыбачат, сколько сети чинят. Тридцать пять летних и сорок две зимних тоней на Таватуе. Мы, местные, не только их, но, *тем не менее*, каждую корягу знаем, где какая лежит, чтоб невод не порвать.

А еще на все лето рыбачить разрешения заводские добились. Эти мережами шуруют. Мы-то к берегу невод тянем, а они хучь где выметывают. И знаешь, Иваныч, что у них за мережки? Сто семьдесят метров в длину и три с половиной в ширину! А у них десять штук таких мережек! Так что нам-то делать? Не мы, так они выловят. Они же за лето больше нашего поймают. Как же нам озеро беречь, охранять? И разрешения эти бра-

коньеры добились, и документы у них есть... Я вот думаю, грешным делом, а если действительно разогнать нас, и местных, и городских профессионалов, да допустить на озеро одних любителей, да еще за плату, да чтоб не больше, скажем, пяти килограммов добывали... Во бы через три года в озере рыбы завелось, во бы доход государству, во бы Продовольственная программа! Ведь, *тем не менее*, не турки лещей будут кушать-жарить, а трудящиеся уральцы.

Он погасил папиросу, привстал было с магазинного ящика, сказал как бы на прощанье:

— Раньше за такую рыбалку, как мы рыбачим, а особенно как эти заводские со своими километровыми мережами... раньше таватуйские старики таких рыбаков пороли, — он поднялся.

— Как это пороли? — изумился я. — Да посиди еще, расскажи поподробней.

Старый рыбак снова утвердился на ящике, явно довольный тем, что я давно забросил своих ершей.

— Такой раньше порядок был. Вот где каменный-то сарай стоит, знаешь? Сейчас там пустая посуда из-под вина хранится, а раньше рыбный склад был. Рыбачили-то артельно, всей деревней, *тем не менее*, зимой, по льду. Ну, а потом распределяли по едокам, кому сколько пудов. Килограммов-то тогда рыба не знала, ее пудами меряли. Вот в этом сарае и пороли, по-нынешнему сказать, браконьеров — кто не во время мережу выбросит или от рассадки увильнет.

— Это что, "рассадка"?

— А во время нереста ветки пихтовые в воду рассаживали, чтобы икринкам за что держаться было, чтобы сохранилось их больше. Да, Иваныч, сиг, конечно, в старые времена небольшой водился, но его навалом было. Помню, как-то у Филимонова берега бродешок небольшой забросили, так вдвоем этого сига вытащить не смогли, на помощь пришлось звать. А как-то... ну, годов мне, однако, десять было, поехали мы с отцом на болото ветки рубить. Присунули лодку к берегу, машем топорами. Вдруг, что за черт, прет в нашу сторону на лодке дед Савелий Мягкий. Прозвище такое у старика было. Насчет поробить он мягкий был, а вот рыбачить... Значит, сидит он на корме, правит веслом и мчит к нашему берегу. А какая сила его тянет, неведомо. Моторов тогда на Таватуе не было, и кто тащит лодку — подумать страшно. Дед Мягкий че-то орет не своим голосом, а лодка идет и идет, и уже в протоке она оказалась, по мелководью проволокло ее маленько, и встала она.

Мы с отцом глядим, а у старика к скамейке шнур привязан, а на другом конце шнура у самого берега — чудо-юдо. Это сейчас поголовные капро-

новые лески, *тем не менее*, и сети такие, а раньше... Не поверишь, Иваныч, к столовым ложкам крючки приклепывали и такими вот спиннингами дорожили... Значит, встала лодка, а у берега, в траве это уморившееся чудо-юдо ворочается и на щуку несколько не походит, а как есть крокодил в шишках — пупырышках.

Папка-то мой и давай шурагайку топором по башке хлестать. А она кричит, щука-то, ну чисто ребяенок блажит. Успокоил наконец ее папка, завалили мы щучину в лодку, в деревню повезли. Так из-за этой рыбки ученые люди из Свердловска приехали. Забрали шурагайку. Деду Мягкому премию дали, уж сколько я забыл, только помню, что он две четверти на эти деньги купил, и у него еще оставалось. Тогда водку почему-то четвертями продавали, а пьяные только в пасху да на свадьбах пели. Весила та щука тридцать один килограмм, а самое главное, определили ученые люди, что таватуйская щучка прожила больше двухсот лет.

Он кончил рассказывать. Я протянул Старому рыбаку последнюю оставшуюся папиросу, он прикурил. А я задал еще вопрос:

— Так что делать-то? Как помочь нашему Таватую?

Старый рыбак вдруг, глянув на озеро, преобразился — проворно вскочил, выплюнул только что раскуренную папиросу и шустро побежал к рыбацкому настилу. Пнул одного из помощников, сходу лягнул другого...

Я ничего не понимал, а рыбаки шустрили на своей пристани, как пожарные при тревоге. Через какие-то минуты они уже гребли вглубь озера, ловко и быстро выкидывая свою капроновую сеть. Одна вертушка была закреплена на берегу, а вторая, описав вместе с лодкой почти километровую дугу, высадилась прямо рядом со мной, на пристани. К первой вертушке стремглав умчался молодой, незнакомый мне парень, рядом крутил держалки местный Вася Котенков, а Старый рыбак коршуном кружил на лодке вокруг поплавок — зацепы высматривал.

На все мои вопросы Вася отвечал молчаливым сопением, а вскоре тоже перебрался со своей вертушкой поближе к товарищу.

Невод вытягивали рядом с пристанью.

— Ровней тяни, мать вашу! — сердился с озера Старый рыбак.

— Тяжело! — отдыхивался Котенков.

— А ты че сидишь? Че не помогаешь!

Дошло до меня! Понял, что это мне кричат. Я тоже пристроился к неводу, тоже потянул. А вертушки уже давно в стороне, невод уже вручную тянут.

А тут с озера Юра на моторке примчался, тоже пристроился к левому крылу.

Тянули впятером: Юра этот, я и трое рыбаков.

...Впятером грузили лещей из матки в шесть приемов. Старый рыбак командовал: "Раз-два, взяли", — мы приподнимали очередную партию рыбы и переваливали ее за борт лодки. Сколько мы могли поднять, пять здоровенных мужиков? Поднимали шесть раз, делали по несколько попыток — тяжесть была громадная, лещи дрыгались, сопротивлялись, что ли...

Все кончилось. Лодка осела под рыбьей тяжестью. Все отдыхивались.

Старый рыбак что-то сказал молодому, тот сбегал на пристань, приволок мой рыбацкий ящик.

Я как во сне смотрел на свой, впервые в жизни переполненный лещами ящик. Как во сне я поднимался с этим ящиком по проулку к своему дому.

Когда я прихожу домой с рыбалки, мой дядя, Виктор Александрович, ершишек на учет берет. Он раньше бухгалтером работал, мой дядя, так у него мания такая — все считать.

Вот и в этот раз прибрел я домой, а дядя уже у стола сидит, ершишек считать приготовился.

Вывалил я содержимое на стол.

Дядя глаза выпучил, уставился на лещей, к столу присунулся. А лещище-трехкилограммовик вдруг как взбрыкнет, как хвостиком по щеке дядю двинет, очки улетели, щека краснеть начала.

А ведь краснеть-то мне, братцы, надо. Получилось, что я тоже... какое же право буду иметь писать обо всем этом? Сходить отдать эти лещиные килограммы? Но какая разница, что их семьсот там килограммов, что семьсот пятнадцать? Раззачинил я заветную десятку, пошел к пристани. Юриной моторки уже не было, а к пристани парусный катамаран подходил. На лодке восседало четверо пожилых почтенных людей. Еще издали они запричитали:

— Отдохнуть бы дали озеру! Прямо как волки дорвались...

Пойманные лещи уже были накрыты неводом, рыбаки складывали в лодке вертушки.

Я протянул Старому рыбаку деньги.

— Не надо, — сказал он, — *тем не менее*, что ты нам помогал.

С катамарана что-то кричали.

СПАСИБО, ЛЮДИ!

Уже длительное время из Таватуйя никуда не звонишься, телефон на почте не работает. Вот и приходится из-за всякого пустяка ехать в Свердловск.

В тот день я приехал из деревни утром, а в обед позвонили:

— Это из санатория "Каменный цветок" говорят. Тут вот из деревни прибежали, велели передать, что у какого-то Чумичева дом сгорел...

Каким-то Чумичевым был я.

Отнялись руки-ноги. Воздух в комнате каким-то не таким сделался.

Я вышел на улицу, присел на скамейку. Мысли разрывали голову: неужели все кончено с моим Таватуем? Сколько лет связано с этой деревней! Уже написана книга. Мечталось еще об одной, о фильме... Но ведь чтобы о чем-то писать, автор должен знать эту среду, жить в ней. Жить... Теперь вот получается — негде жить. Хорошо еще, если поджег кто — разыщут, и тот вражина отстроит мне дом. Уж его заставят отстроить... А если молния? Господи, да какая молния в октябре. Совсем уж...

Да, видно, неважный был у меня видок, я даже не заметил, как ко мне подошел сосед, что живет надо мной, Сергей Соловьев:

— Вам плохо, Лев Иванович? Что случилось?

Уже многие годы наши семьи живут рядом, а мы с Сергеем не так уж часто и встречаемся: я почти круглый год "таватуюю", а он то и дело отправляется в свои бесчисленные экспедиции от Уральского Научного Центра. Вот и опять уже собирается куда-то, хотя вроде бы совсем недавно вернулась из десятитысячекилометрового похода возглавляемая им полярная экспедиция "Советская Россия".

— Вам плохо, Лев Иванович? Что случилось?

Я, как мог, отлепетался.

А через несколько минут мы уже мчались в Таватуй. Мы, это Сергей Соловьев, его сын Сергунька, я, учуявший мою беду друг Костя Крохин и вечный спутник Соловьевых, участник полярной экспедиции пес Валет.

Хоть и на долги куплен соловьевский УАЗик, а мчит, что тебе пожарная машина.

Чем ближе Таватуй, тем безнадежнее становится на душе. Ведь мой домишко хоть и числится под номером три, но стоит совершенно отдельно, его огонь-пламя другим домам не угрожает.

Вспомнилась Яковлева Капитолина Матвеевна. У ней тоже полыхнул этой зимой дом. На центральной улице стоял, а ведь там дома впритык, один в один упираются. Так уж издавна заведено было строиться на Таватуе. Вся деревня тогда высыпала на пожар, соседние дома отстояли, а у Капитолины Матвеевны сгорел дотла. В чем они с мужем из дома выскочили, в том и остались.

Я почему все подробности-то знаю об этом пожаре, хоть сам и не присутствовал?

Ну, во-первых, головешки, пустое место своими глазами видел. Во-вторых, когда вдруг стремительно на погорелом месте вырос дом-красавец, ко мне на бугор поднялась сама Капитолина Матвеевна.

В дом она вошла решительно и положила на стол несколько исписанных листов.

— Вот, Иваныч! Говорят, ты в газеты пишешь.

— Так если у вас заметка, — уставился я на тетрадные листки, — по почте...

— Не заметка это. Имена-фамилии, кто нам побил. Ведь мы голыми выскочили. А нас обули-одеди. Даринцевы жить пустили. Федоров лес выписал. Арсеньев с Саканцевым распилили его. И каждый — кто двадцатку, кто тридцатку бесплатно дал. А подсобное хозяйство так вообще сто рублей выписало. А сколь народу у нас робыло... Если бы не люди... Помоги, Иваныч! Дай поспосибовать им печатно. Так-то я их всех обошла, всем в ноги поклонилась.

— Сколько же их? — я колыхнул странички.

— Тут всего-то ничего. Только девяносто два человека, а если всех перечислять...

Уже завиднелось вдаль мое любимое, недвоспетое, недозащищенное озеро. Уже замелькали первые дома. Вот и наш проулок. Вот и наш дом.

Да! Он стоял почти целый, обгорело несколько бревен, да полопался шифер на крыше.

...Когда я стал соображать совершенно нормально, я понял Капитолину Матвеевну с ее длинным-предлинным списком. Конечно, и мне бы хотелось назвать всех, кто спас мой домишко. Рассказать, как заметившая пожар Зинаида Яковлева, не успев одеть обутки, босиком помчалась по деревне, как Сергей Федоров перерубил замкнувшиеся провода, как прибежали отец и сын Манины, как... нет, мой список нисколько не меньше, чем у Капитолины Матвеевны.

И лезут, и лезут в голову мысли. Конечно, мы, уральцы, внешне порой грубоваты, сколько уж раз подмечали это приезжие люди. Ну, а если копнуть чуть поглубже, — народ мы дружный, отзывчивый, самоотверженный.

А Капитолина Матвеевна Яковлева сказала так:

— А у нас в Таватуе *привечательные* люди, в беде не оставят.

Публикация Натальи ЧУМИЧЕВОЙ

Рисунки Сергея МАЛЫШЕВА

Альфред ГОЛЬД

Как любовь принимай свою долю...

* * *

Какие сны на полотно
сойдут, — не ведаю куда.
Но там, где укус льют в вино,
художник слеп, не ждите чуда.

Над ним и небо — спуд, глита;
и гребни горные — ограда;
и остроносый нюх крота
повсюду слышит запах яда.

Мы нынче все — кроты,
кроты совсем слепые от свободы.
И шарим в дебрях слепоты,
ища то выходы, то входы...

* * *

Признать ли "истину" простую,
что годы, мыкаясь в пути,
мы шли туда, не протестуя,
куда не стоило идти?

А что как наш доброжелатель
лукав и брешет без стыда,
и мы двойным стыдом оплатим
наш путь оттуда — не туда?

* * *

По лунному камню вечерней дороги
Несет человек непослушные ноги.
Несет человек непонятную ношу —
По лунному морю — на лунную сушу.

Бредет и не знает,
Куда он бредет
И что потеряет,
И что обретет...

По лунному камню вечерней дороги
Пронес человек непослушные ноги,
Пронес человек непонятную душу
По лунному морю — на лунную сушу...

По лунному камню,
По лунной воде
Прошел, будто канул,
И нету нигде...

* * *

Выходит грань — за грань,
И вновь творятся грани...

Зачем в такую рань
Ты трешь глаза бараньи?

Зачем в такую темь
Заводишь старый "Комби",
Рулишь? А между тем
Ты на крючке, ты — зомби.

Твой пастырь, поводырь, —
Кормилец инфузорий, —
Всю ночь тебя творил
Из собственных теорий.

Он знал заветный код.
И ключ с большим секретом
Он вставил, как в комод,
В твой мозг перед рассветом.

И вот мерцает пульт.
Хозяин — сущий ворон...
Глазуй, барашек, — в путь!
Согласно светофорам.

* * *

В. Дагурову

Казацкую шашку с эфесом витым
Я снял со стены и из ножен извлек...
И вздрогнул: то ль ангел мой не был
святым,

То ль грехопадения час не далек:
Орудие смерти сжимала рука,
А дух улыбался сиянью клинка...

* * *

Я тихо изучал
Историю людей:
Начала от начал,
Идеи от идей...

Но с грустью отмечал,
Как древний иудей:
Идеи — от начал,
Начала — от идей.

* * *

Христос сказал: "Не мир принес, но меч".
Христос сказал: "Откажешься от брата".

Известный факт: на зов иных "предтеч"
Был страшным отклик пролетариата.

Христос сказал: "Невинного распнут".
Христос сказал: "Все в этом мире — братья".
Известный факт: держал нас в братстве
кнут,
А праведных и нынче ждут распятыя.

В любой эпохе есть своя беда,
Как есть свои высокие сполохи...
Я трудно жил. Но нет во мне стыда
За жизнь и труд в отвергнутой эпохе.

И если строго — без обиняков
Придется дать ответ за дни и годы,
Я вспомню не железный звон оков,
Но веру в высший замысел свободы.

Прости мне, племя новое, прости!
Теперь я знаю, вопреки наветам:
Конструктивизм безбожного пути
Спрямял нам путь к Божественным
заветам.

* * *

"На Голгофу. Скорей — на Голгофу
по горящему камню тропы.
Ты бессмертен. Ты — сын Саваофу,
не стыдись ненасытной толпы.

Как любовь принимай свою долю,
насладись ей... страдание — миг!
Братья — мир их предвечному дому!
— к Божеству приравняют твой лик.

Ты воскреснешь. Живыми слезами
окропишь их — невесты щедрей..."
Он воскрес. Но его не узнали
ни Иаков, ни Петр, ни Андрей.

И какого же ждал он улова,
возвращенный от Света — во Тьму?
Человеку достаточно Слова,
Сочинитель не нужен ему...

Иван АНДРОЩУК

В ЛАБИРИНТАХ ИНФОРА

Повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

— Вы не подскажете, где можно купить газету?

Вопрос произвел на портье впечатление разорвавшейся бомбы. Северину показалось, что его просто не поняли — однако старик, исподлобья взглянув по сторонам, прижал к губам палец. Затем быстро открыл верхний ящик тумбы, рядом с которой стоял, и жестом пригласил заглянуть. В ящичке лежала пожелтевшая газета. Это был позапрошлогодний экземпляр "Правды". Он что, сумасшедший?

— Сколько?

— Сто тысяч.

— Сто тысяч... чего? — опешил Северин.

— Рублей, — раздраженно пожал плечами портье.

"Точно, сумасшедший", — решил Северин, пробормотал что-то невнятное и вышел на улицу. Улица напоминала длинный коридор, который был образован двумя рядами стоящих вплотную семиэтажных домов. Ни киоска, ни деревца, ни фонарного столба, ни даже урны — пустое прямоугольное пространство. Совершенно пустое, если не считать припаркованной у подъезда машины. Но это была "регина", на которой ночью приехал сам Северин Басаврюк. Прикурил, сделал несколько торопливых затяжек и вернулся в гостиницу. Прошел мимо напряженного, как струна, портье, пересек холл и направился в обеденный зал. Ресторан поражал неожиданным, почти домашним уютом: широкий ассортимент при умеренных ценах, быстрое и заботливое обслуживание, отменный вкус сгладили неприятное впечатление от разговора с портье. К себе Басаврюк возвращался уже навеселе. Взбежал по лестнице, напевая вполголоса песенку аргонатов, попытался вставить ключ в дверь своего номера. Однако это ему не удалось — дверь открылась сама, вернее — при помощи стоявшего за ней мужчины средних лет, одетого в слегка франтоватый, но строгий костюм.

— Здравствуйте, Северин. Мы должны были вас встретить, но получили неточную информацию. Виновные в этом уже наказаны. Добро пожаловать в Инфор, — дружески улыбаясь, он взял Басаврюка под руку и ввел его в номер. Навстречу им встала молодая женщина весьма приятной, но несколько официальной наружности.

— Знакомьтесь: Лада. Она будет вашим, э-э-э... гидом. Со всеми вопросами обращайтесь к ней. Лада — хороший специалист. Молодой.

— Простите, но... — попытался было возразить Северин, однако незнакомец упреждающе поднял руку:

— Никаких "но". Вопросы возникнут, и лучше будет сразу иметь на них ответы, а не теряться в догадках. Словом, располагайтесь, чувствуйте себя как дома. А теперь вынужден оставить вас: дела, — бросил он уже с порога. — Желаю вам приятно провести время в нашем городе.

Басаврюк машинально пригласил Ладу садиться и попросил разрешения закурить. Приятная встреча, думал он. Такого не позволяли себе даже гэбисты в свои золотые времена. Кто они? Мафия? Свита мелкопоместного диктатора? Чем обязан он столь задушевной встрече? Лада рассматривала Северина с неприкрытым интересом. Но это не был ни интерес обывателя по отношению к знаменитости, ни интерес женщины по отношению к мужчине. Скорее эта была заинтересованность энтомолога, в поле зрения которого попала редкая букашка.

— Послушайте, — начал Северин с вежливостью связанного человека. — Мне не нужен гид. Я — писатель, и моя работа требует одиночества. И вопросы, которые могут возникнуть... Понимаете, я все должен решать сам. Я не собираюсь совать свой нос в ваши дела настолько, чтобы мне была нужна опека. Меня не интересует то, что происходит здесь и теперь. Как вам должно быть известно, я — фантаст, а не публицист.

— Вы заблуждаетесь, Северин, — возразила Лада. — Нам от вас нечего скрывать. Наоборот: мы заинтересованы в том, чтобы вы узнали Инфор как можно лучше. Дело в том, что вам одному будет действительно трудно во всем разобраться. У вас сложились определенные взгляды на жизнь, на порядок вещей... Здесь — все иное, Северин. Инфор не похож на другие города. Очень многое здесь покажется вам странным, порой диким... Признайтесь: ведь вас удивило наше посещение? В других местах так не принято, правда? А здесь это само собой. Здесь не принято по-другому — например, запирают дверь. Вас это не касается, вы — человек неотсюда; но если бы дверь запер местный житель, он нарушил бы тем самым нравственный кодекс. В особых случаях это влечет за собой даже уголовную ответственность.

— Позвольте, — недоверчиво усмехнулся Северин. — А как же воры?

— Кому придет в голову воровать у всех на глазах? На воровстве заработает кто угодно, но только не вор: сведения о нем тут же передаст информат.

— Осведомитель?

— Нет, таксофон-информатор. Здесь информат заменяет все — телефон, радио, телевидение, печать. Когда появились информаты, исчезли даже сплетни — к чему секретничать и наушничать, если любой горожанин, сняв трубку информата, может тут же получить исчерпывающую информацию по интересующему его вопросу. Как видите, кое в чем мы утерли нос и столице, Северин.

Вот это новость, — ошарашенно подумал Северин. Тут, пожалуй, не только нос, и не одной столице. Не секрет, что средства массовой информации приносят больше вреда, чем пользы: ниагары информационных помоев,

низвергающиеся ежедневно на голову современника, притупляют его восприятие, лишают способности удивляться, вырабатывают иммунитет к новому и в конечном счете приводят к обнищанию души. Однако, пока жив обыватель, о замене телерадиопресспруга на что-либо более приемлемое можно только мечтать. Кто бы мог подумать, что здесь, в глухой сибирской провинции, куда даже поезда не ходят...

— А летающие тарелки к вам не наведываются?

Лада насторожилась:

— Что такое летающие тарелки?

Она что, с луны свалилась?

— Извините. Я пытался пошутить. Не получилось — это за мной водится.

— Странная шутка, — недоверчиво усмехнулась Лада. — И что же она должна была означать?

— Нечто вроде птичьего молока. Кстати о птичках: здесь замечательный ресторан. Вы не будете возражать, если я приглашу вас на небольшой завтрак?

— В этом нет необходимости, — в усмешке молодой женщины проскользнула особая провинциальная гордость. Она неуловимым движением нажала клавишу, встроенную в подлокотник кресла, и две секунды спустя в номер вошла накрахмаленная официантка с красивыми длинными ногами и лицом ангела, грезящего падением.

2

Просыпался тяжело — словно выныривал на свет Божий из затопленных катакомб, о каменные своды которых вдребезги расшиб голову. Голова оказалась целой, но только снаружи. Изнутри же — малейшее движение, любой поворот мысли вызывали жестокую боль.

Было утро — яркий дневной свет разлепил судорожно сжатые веки и ударил в глаза. Потянулся задержать шторы — штор не было. "Нам нечего скрывать друг от друга. Мы знаем друг о друге все", — вспомнились слова Лады.

Кажется, они неплохо провели время. Если судить по самочувствию, то очень неплохо. Северин закрыл глаза и сосредоточился, вспоминая вчера. Сколько же они выпили?

Северин знал, что функционеры — мастера по части выпивки, но чтобы женщина, да в такой степени? Официантка носилась, как белка в колесе. С самого начала попойка превратилась в партию некой сложной игры — игры, в которой нужно было вытянуть из соперника побольше информации. Северина больше всего интересовало, на кого она работает. Лада пила не меньше гостя, но держалась не хуже его: ее тоже кое-что интересовало. В конце концов Северин, почувствовав, что стул под ним превращается в карусельную лошадку и вот-вот сбросит седока, предложил ничью. Лада — если судить по цвету лица, она тоже уже вышла

на финишную прямую — согласилась. Оказалось, что ее интересуют все те же летающие тарелки. Северин облегченно вздохнул — надо же, ради такого пустяка чуть не дал запить себя до смерти — и выложил все, что читал и слышал об НЛО. Приукрасил, живописал. Рассказал о встречах с прилетающими таким образом зелеными человечками, о летающих тарелках, сбитых над США и ЮАР, высказал и свои собственные соображения по этому поводу, предварительно обозначив их комментарием подвыпившего фантаста. Странно, однако именно его комментарии заинтересовали Ладу более всего. Выговорившись, Северин пристал к ней с встречными расспросами — и оказалось, что он тоже пытался выведать секрет полишинеля. Лада и не собиралась этого скрывать.

Эти люди называют себя "дэзи" и состоят в ГУДИ, что значит Главное управление дезинформации. ГУДИ занимается сбором и сортировкой информации — с этой целью Лада и приставлена к Северину. Она явно о чем-то умалчивала, но Северин не стал выспрашивать: он достаточно принадлежал своей стране и своему времени, чтобы увидеть за словами Лады длинные ряды мрачных стеллажей некоей умопостигаемой картотеки, которые естественно, почти гармонично переходят в такие же длинные тюремные коридоры.

После сдачи позиций еще выпили — кажется, на брудершафт. Что было дальше, Северин не помнил.

Приподнялся на локтях. На спинке кровати висели дамские чулки. Этого только не хватало, — оторопел Северин. Потому что это было из вещей, которых он не позволял себе, даже когда отключался. Особенно, когда отключался: в таких случаях его действия контролировались уже не сознанием. А подсознательный контроль был намного жестче и не допускал ошибок.

— Доброе утро, — Лада была бледной и невыспавшейся, однако держалась великолепно. Что значит — человек на работе. Басаврюк даже по-доброму позавидовал ее собранности. Чего-чего, а собранности ему не хватало. Лада присела на край кровати и принялась надевать чулки.

— Прости за нескромный вопрос, — Северин внутренне приготовился к увесистой пощечине. — Это — тоже составляет круг обязанностей сотрудника ГУДИ?

— Правильным ответом была бы пощечина, — кивнула Лада. — Однако не забывай, что мы — в Инфоре. Здесь пощечины — бесполезная экзотика. Так что если тебе очень хочется получить по твоей похмельной физиономии, можешь считать, что я тебе ее должна. Что же касается... Честно говоря, я тоже ничего не помню. В конце концов, есть вещи, которые дэзи может себе позволить просто как человек.

— Ну да, — криво усмехнулся Северин. —

Ведь дэзи — не просто люди. Ведь это такая работа... Титанический труд во благо... Кстати, во благо чего?

— В наши планы не входит ссориться с тобой, и я ответила бы на твой вопрос, если бы он имел отношение к делу, — сердито отрезала Лада. — Но я здесь не для того, чтобы устраивать сцены. Да и ты приехал сюда не отдыхать и пьянствовать со сговорчивыми гудистками. ГУДИ ты не нужен: с нами-то как раз все в порядке. Ты нужен городу. Ты прибыл сюда потому, что в тебе нуждается Инфор.

— Да ну, — усмехнулся Северин. — А мне почему-то казалось, что я здесь исключительно по собственной воле.

— Ну да, каждый из нас поступает по своей воле, сообразуясь с собственными вкусами и пожеланиями. Начнем с того, что Инфора нет ни на одной карте, даже на засекреченных. А на той карте, которая попала к тебе в руки и по которой ты сюда ехал, город был. Никто на большой земле даже не подозревает о существовании Инфора — ты же воспринял его как нечто, чего не может не быть. Думаешь, легко убедить человека отправиться в такую глушь?

— Но меня ведь никто и не убеждал...

— Убеждали. В том и искусство убеждения, что все делается незаметно. Инфор звал и ждал тебя, Северин.

— Но какой в этом смысл? Зачем я ему понадобился?

— Город болен. Возможно, смертельно болен.

— Это, конечно, грустно — но я-то тут при чем?

— Не знаю, — пожала плечами Лада. — Возможно, ты сможешь его спасти, возможно, знаешь, как это сделать. Заболевший зверь не отдает себе отчета в том, как он ищет и зачем ест целебные травы. Та же ситуация и с городом. Он нашел тебя инстинктивно, как больной зверь находит целебное зелье.

— Никогда бы не подумал, что придется врачевать. Тем более, города, — растерянно пробормотал Северин. — И на что жалуется наш больной?

— Это ты должен определить сам: любая информация с нашей стороны может вывести тебя на ложный путь. Походи по городу. Посмотри, послушай. Любая система подлежит логическому осмыслению. Тем более, речь идет не о теоретически возможных вариантах, а о твоём времени и о твоей стране. Однако остерегайся делать поспешные выводы и категорические заключения. По этому пути пошли многие — и все они остались здесь.

— Многие? Значит, я уже не первый?

— Не буду скрывать: по меньшей мере каждый третий из тех, кого ты встретишь на улицах, прибыл сюда спасать Инфор.

Северин любил распутывать абсурдные, порой даже тупиковые ситуации: он делал это с тем большим удовольствием, чем абсурднее

казалось положение вещей. Он пришел к выводу, что всякий абсурд — это плоскость соприкосновения нашего мира с иным миром, законы которого нам непонятны и чаще всего кажутся нелепыми. А что может быть увлекательнее для фантаста, чем открытие и исследование чужого мира? Ситуация же с Инфором становилась все более абсурдной.

— Ты пойдешь со мной?

— Нет. Ты должен быть с ним один на один. Если возникнут сложные вопросы, вечером обсудим. И еще одно: открывай рот только для того, чтобы спрашивать. Если тебя даже о чем-то спросили — старайся ответить вопросом на вопрос. Каждое твое слово здесь — на вес золота. Информация — это деньги. Здесь — большие деньги, Северин.

— Погоди, а как же информаты?

— Информат — это другое. Это — бытовая информация. Где можно выпить, где — портки заштопать, кто кому морду набил, кто с кем переспал и так далее. Так было не всегда — когда-то таксофон запросто отвечал на вопросы, над решением которых тысячи лет бьются ученые.

— Пстой, но ведь ты говорила, что таксофон тут же ответит на любой вопрос, интересующий горожанина!

— И это тоже правда, — грустно усмехнулась Лада. — Именно такая информация и занимает теперь горожан. И еще одно: никому не говори, что ты — писатель. Беллетристика для них — ложь, даже если в ней целые залежи информации. А они терпеть не могут лгунов.

3

* Улица оставалась пустынной: одинокий прохожий в конце ее был несуществен и казался нарисованным. Басаврюк надвинул шляпу, засунул руки в карманы плаща и пошел вдоль тротуара. Ему и раньше приходилось попадать в нелепые ситуации — иначе и быть не могло, художник абсурден в любом обществе и абсурд начинается всякий раз, как только у него возникает необходимость контакта с обществом. Но в такой бред он еще не попадал. Даже с тяжелого похмелья. Вышел на перекресток — небольшая круглая площадь была столь же пуста, как улица, по которой он пришел, ни деревца, ни столба, не говоря уже о таких вещах, как газетные или табачные киоски. Стерильной пустотой поражали и две улицы напротив. — они напоминали скорее унылые коридоры лабиринта. Лежавшая за углом несколько отличалась от них: ее разнообразил дом, который выходил торцом на площадь, вернее, первый этаж этого дома. Этаж состоял из сплошной стеклянной стены, разрисованной цветными гастрономическими символами. Вывеска над гостеприимно распахнутой дверью сообщала, что здесь — ресторан.

У входа в ресторан стояла девушка. На ней было длинное, до полу кремовое платье с

оборками и того же цвета шляпка с черным страусовым пером. Наряд девушке шел и выглядел элегантно — однако такие вещи перестали носить по меньшей мере полтора года назад. Девушка ожидающе смотрела по сторонам; увидев Северина, она наклонилась и стала подтягивать чулок. Северин собирался пройти мимо, но в последний момент передумал. Поравнявшись с незнакомкой, он нагнулся, оперся ладонями о колени и заглянул ей в лицо:

— Вам помочь?

Девушка вспыхнула и бросилась прочь. Северин пожал плечами и пошел дальше. Улица продолжала оставаться пустой, но он вдруг почувствовал, что на него смотрят. Окна. Тысячи бледных лиц выплыли из темных глубин жилищ и прилипли к стеклам. Северин нервно передернул плечами и споткнулся на ровном месте. Лиц стало еще больше. Растерявшись вконец, он ускорил шаг и свернул в небольшой переулок. В нескольких шагах стояла телефонная будка с надписью "ИНФОРМАТ". Северин вошел и увидел телефонную трубку, висевшую на "у"-образном рычаге. Снял ее.

— Номер.

— Простите?

— Назови свой номер.

Северин осмотрел кабину — ни на рычаге, ни на стенах, ни на трубке никаких номеров не было.

— Простите, но здесь нет номера. Я только вчера приехал...

— А, уважаемый гость! — в голосе автомата появились дружелюбные нотки. — Добро пожаловать в Инфор. Могу посоветовать чудный ресторан. Прямо, затем налево до конца и за угол. Превосходные вина, изысканные закуски, великолепный интим...

Информат отключился. Северин постоял, недоуменно слушая отрывистые гудки, затем повесил трубку и вышел. В сущности, Лада об этом предупреждала.

А что, собственно, можно еще предложить гостю города? Достопримечательности? Культурную программу? А если нет ни того, ни другого? Естественно — выпить. Тем более, для автомата, который выдает бытовую информацию и разговаривает по-русски. Стоп. В будке информата не было настенных росписей. Басаврюк немало поколесил по стране и встречал их везде — на маленьких полустанках и в больших городах, на заборах, стенах домов, лифтов, но чаще всего в общественных уборных и в телефонных будках. Граффити — вечный спутник человека, они сопровождали его всегда, еще с пещер. А здесь их нет. Что бы это могло значить? Жесткий административный контроль, запрет на граффити? Но ведь запреты только стимулируют стенописцев, пресловутое русское "плявать!" — вошло в поговорку. Никогда, никто не мог заставить

человека отказаться от этого примитивного способа передачи информации... Информации?! Неужели до такой степени...

Переулок вышел на короткий проезд; проезд заканчивался широкой улицей, по которой шли люди. Шли в одном направлении, их становилось все больше — точно у проходной большого завода перед началом смены. Люди скользили безмолвно и почти беззвучно, как тени; фасоны одежд были очень разными, но и мужские, и женские наряды имели один и тот же блекло-серый цвет.

Северин вышел из проезда и влился в поток. Шаги шелестели, как ветер в листве. Толпа собиралась на площади, которую заканчивалась улица; площадь уже была забита, а народ все подходил и подходил. Посредине площади на помосте стоял человек в элегантном, но таком же сером, как у всех, костюме. Он поднимал над головой большой плоский конверт и восклицал:

— Дважды два восемьдесят. Кто больше?!

Северин встал за спинами задних, возбужденно переминающихся с ноги на ногу. Народ продолжал прибывать.

— Восемьдесят пять! — крикнул кто-то, нервно хихикнув.

Северин наклонился к пожилому человеку, который стоял перед ним:

— Что здесь происходит?

— Аукцион, — удивленно бросил тот через плечо.

— Дважды два восемьдесят пять — два!

— Девяносто! — взметнулась рука с той стороны площади.

— А что продают?

— Таблицу умножения.

Северин неистово сжал зубы, но не сдержался. Отвечавший и еще несколько человек повернули к нему раздраженные лица. Смех застрял в горле: Северин ошарашенно смотрел на того, с кем только что разговаривал. Старик смутился и отвернулся к помосту.

— Галик Саакович! — неуверенно позвал Северин. Старик беспокойно переступил с ноги на ногу и протиснулся дальше вперед.

— Профессор Азарян! — почти крикнул Басаврюк, однако тот не пошевелился. Зато обернулись другие — помоложе. Их бледные дремучие лица искажала злоба. Неужели обозначался? — рассеянно думал Северин, выбираясь из продолжающей собираться толпы. После института прошло уже лет десять, но ведь...

— Дважды два продано за девяносто рублей! — догнало его уже в конце улицы. Навстречу ему еще попадались люди в сером, но Северин избегал смотреть на их бледные лица: даже румянец возбуждения на этих лицах был окрашен в серый цвет. Свернул, прошел квартал, вновь свернул. Эта улица снова была пустой, если не считать одинокого прохожего, который сворачивал за угол в дальнем ее конце, и ка-

бины информата. Стенки кабины были девственно чисты, но Северина это уже не удивило — какие могут быть граффити, если непремьенные для других мест "Манька-дура" или "Долой куманистов!" здесь, должно быть, стоят не меньше, чем в других местах чертеж невидимого истребителя или формула топлива для такой машины. Снял трубку.

— Номер.

— Это я, приезжий.

— А, привет... Тебе не понравился ресторан? Гм... Сейчас подыщем что-нибудь получше...

— Видишь ли... Дело в том, что... Да, у меня кончились деньги, — нашелся Северин.

— Что же ты сразу не сказал? Никаких проблем. Ближайший информаторий — первый поворот налево, через два квартала. Там у тебя кое-что купят. Сразу много не выкладывай — зашкалит приемник, и вместо заработать можешь устроить большой бабах. Несколько самых общих вопросов из области, в которой ты малокомпетентен. Самые поверхностные знания. Там большие очереди, но ты не обращай внимания — для гостей отдельный вход, с левого торца здания. Запомнил?

Дом, о котором говорил информат, был монументальным сооружением периода Третьей Конституции. В несколько его входов, которые терялись среди циклопических колонн советского ордера, вползали длинные серые змеи очередей. Высоко на фронтоне — прочитать можно было только придерживая шляпу — выстроились золотые литеры:

ИНФОРМАТОРИЙ Прием информации от населения

Бледные лица, точно подсолнухи, оборачивались к подходящему. Город стер с этих лиц их первоначальный цвет, лишил их черт национального характера — но и теперь без труда можно было понять, что здесь собрались не только славяне и турки. То и дело попадались тяжелые челюсти германцев, истлевшие глаза латинян, экзотические формы африканских лиц... Здесь были все, кто возводил Вавилон...

Северина передернуло, в первое мгновение он не поверил своим глазам. Сделал шаг навстречу — бледнолицый смутился и опустил глаза. Нет, все правильно, ошибки быть не может. Необычный разрез огромных, но в то же время глубоко посаженных глаз, родинка на переносице. А шрам на подбородке — это же он сам, Северин, сделал отметину, когда друзья пытались удержать его от пьяного буйства. Северин скрипнул зубами: он был готов ко всему, он ожидал встретить здесь кого угодно, но только не однокурсника!

— Марий, — тихо позвал он.

Монастырский внимательно рассматривал свои ногти, свинцово-серый румянец окрасил его бледные щеки.

— Марий, посмотри на меня, это я, Северин, — глухо, с трудом сдерживаясь, сказал Басаврюк. Марий, боязливо прячась за спину стоящего перед ним, выглянул. В его глазах тоже стояли слезы. Но это не были слезы узнавания — это были слезы ребенка, которого незаслуженно обижает незнакомый взрослый.

— Марий, — прохрипел Северин и ринулся к нему, но серые встали стеной, заслонив Монастырского. Выражение дремучей, животной злобы проступило на их лицах: сжав кулаки, стенка подалась вперед.

Северин повернулся кругом и пошел прочь. Слезы катились по его щекам, глухими рыданиями вырывались из горла.

Прошло несколько часов, прежде чем Северин смог остановиться. Он вошел в кабину формата и снял трубку.

— Номер.

— Мне нужно выпить, — сказал Северин.

Информат ободряюще рассмеялся:

— С этим без проблем. Да ты не скисай — другие выдерживали поменьше твоего. Подними голову: ресторан как раз напротив, через дорогу.

Северин поднял голову — в первом этаже дома напротив действительно был ресторан. Заведение было другим — и по стилю, и по форме, — однако у входа в него стояла все та же девушка в кружевном кремовом платье и того же цвета шляпке со страусовым пером. Ее блестящие глаза из-под шляпки взволнованно смотрели на Северина. Басаврюк собрался было пройти мимо, но в последний момент передумал. Поравнявшись с незнакомкой, он остановился и спросил, грустно усмехнувшись:

— Ну, так что же у нас с чулками?

4

Официантка приняла заказ и исчезла. Небольшая уютная комнатка; крохотный, похожий на журнальный, столик, глубокие кресла, светильник в розовом абажуре, древнекитайская живопись на стенах — все это создавало маленький мир, располагающий к отдыху и интимному разговору.

Вернулась официантка — так же незаметно, как исчезла. Северин наполнил бокалы. Только теперь он обратил внимание на удивительную красоту своей спутницы. Ничего подобного в Инфоре он не встречал: даже привлекательность Лады была скорее дизайном, чем свойством натуры.

— Как тебя зовут?

— Ильза четыреста пятьдесят седьмая, — она робко подняла на него сверкающие глаза.

Снаружи донеслись глухие вопли, напоминающие звериные крики. Северин обернулся к стеклянной стене, выходившей на улицу: за стеной десятка три серых в изодранных одеждах колошматили друг друга короткими черными палками. Искаженные злостью лица были залиты кровью — дерущиеся насканивали друг

на друга и наносили сокрушительные удары, стараясь попасть по голове. Тот, кому это удавалось, издавал ликующий звериный рев. Стул у Ильзы увалень с длинными обезьяньими руками отступил к самой стене. Внезапно он резко отпрыгнул в сторону, и тот, кто нападал на него, со всего размаху врезался лицом в стену. К счастью, стекло оказалось небьющимся — серый, размазывая по нему кровь, сполз на тротуар. По лицу Ильзы скользнула тень отвращения.

— Из-за чего они дерутся?

— Просто так. Обычная информационная драка.

— Информационная?

— Ну... надо же что-то сдавать в Информаторий. Из окрестных домов наблюдают за дракой, затем сведения о ней сдают в пункт приема. За информацию о драках пока неплохо платят — конечно, меньше, чем за перестрелки или групповую любовь, но довольно сносно.

— Можно закурить? — Ильза кивнула. — И что, женщины тоже наблюдают за дракой?

— Нет, — Ильза опустила глаза и покраснела. — Женщины собирают информацию о любви.

— Ильза, — Северин глубоко затянулся, положил сигарету на край изящной пепельницы в виде распутившегося пиона и снова наполнил бокалы. — Ты расскажешь мне о городе?

— Конечно, — она снова взглянула на него. В глубине ее глаз светились звезды. Этого нельзя было подделать — так может смотреть только женщина, которая по-настоящему счастлива.

— Кто управляет городом?

— Информация, конечно, — удивление школьницы, которой задали подозрительно легкий вопрос.

— Да, прости, я, наверно, не так спросил. Конечно, информация. Но... но я не могу понять, как это происходит. Видишь ли, я здесь впервые...

Ильза зашлась звонким, неудержимо веселым смехом. Северин так и застыл с полукрытым ртом и недоуменно вытаращенными глазами. Что ее так развеселило?

— Прости, — Ильза наконец успокоилась. — Я не могла сдержаться. Я потом все объясню. Или ты сам поймешь — это неважно. Так что ты хотел спросить?

— Каким образом информация осуществляет управление городом, — сказал Северин.

— Очень просто. Информация попадает в информатории. Оттуда — в ГУДИ. Дээзи сортируют информацию, убирают ненужную, следят, чтобы не было повторов. И переправляют дальше — Вестникам.

— Кто такие Вестники?

— Это тоже люди. Но у них нет ни имен, ни номеров. Потому что они *знают*.

— И что, вся информация принадлежит Вестникам?

— Нет, информация принадлежит всем и управляет всеми. А руководит информацией Великий Информатор.

— Великий Информатор? Кто это?

— Этого не знает никто. У него тоже нет имени, но у него имени не было совсем. Никто не видел Великого Информатора и никто не видел того, кто видел его.

— А Вестники? Быть может, кто-то из Вестников видел Великого Информатора?

— Не знаю. После того, как человек становится Вестником, его уже никто не видит.

Северин затушил окурки и еще раз наполнил бокалы. А женщины здесь пьют не хуже мужчин, констатировал машинально. Впрочем, если учесть специфику их работы...

— Что происходит с приезжими?

— Им здесь нравится... — опустила глаза Ильза.

Северин бросил на нее недоверчивый взгляд. Ей очень шла стыдливость — пунцовый оттенок придавал ее лицу неотразимую прелесть. А ведь они не так просты, как может показаться на первый взгляд, вдруг подумал он. Конечно, на большой земле любой из обитателей Инфора с ходу загремел бы в сумасшедший дом, — но здесь, в Инфоре, сумасшедшим кажется именно он, а не они. Потому что весь этот город сошел с ума, и норма здесь — безумие, а не здравый смысл. Впрочем, их безумие тоже имеет систему — а значит, это уже не безумие.

Ильза извинилась и куда-то вышла. Басаврюк понятия не имел, как рассчитываются с проститутками — советско-христианский склад воспитания не позволял ему иметь дело с этой категорией трудящихся. Поэтому воспользовался моментом, чтобы засунуть ей в сумочку деньги. Хотя чувствовал себя при этом распоследней свиньей. Когда Ильза вернулась, в ее руках была бутылка с целующимися уточками на этикетке. Уточек окаймляла надпись, сделанная китайскими иероглифами. Если бы Северин умел читать по-китайски, он прочел бы: "Любовный напиток". Северин умел читать по-китайски.

Ильза слегка захмелела и вела себя раскованней, чем вначале. Сама наполнила бокалы любовным напитком, подала один Северину и попросила его:

— Расскажи мне о себе. Кем ты был прежде, в большом мире?

— Писателем, — машинально ответил Басаврюк. Но тут же вспомнил предостережение Ладды. А впрочем, так даже лучше: если писатели для них — не люди, легче будет отделаться. Однако реакция Ильзы была неожиданной.

— Как, ты писал цифры?! — спросила она с восхищением.

— Признаться, больше буквы, — усмехнулся Северин.

— Буквы?! — Ильза изумленно подалась на-

зад. — Ты, наверное, шутишь? — Растерянно-жалкая улыбка скользнула по ее лицу.

— Конечно, шучу, — кивнул Северин. Он уже начинал понимать, почему нигде в городе не встречал настенных росписей. Его тон становился решительным и злым. — Кому придет в голову такая чушь — писать буквы, эти идиотские закорючки? Конечно, никому. Я составлял из них слова, из слов — фразы, из фраз — рассказы, стихи, новеллы, эссе, романы, повести... Чего только я не писал. Я написал много-много книг...

— Северин, не смейся надо мной! — воскликнула Ильза с мольбой в голосе. В ее глазах стояли слезы.

— Я не смеюсь, милая, — горько возразил Северин. — Конечно, я мог и по-другому — например, взять палку и разбивать ею головы. В большом мире за это тоже хорошо платят. Если честно, иногда появлялась такая мысль. Но за те головы, которые мне очень хотелось разможить, пришлось бы заплатить мне самому, причем заплатить очень дорого. Поэтому я предпочел писать книги.

Ильза сидела, откинувшись на спинку кресла, и, чуть не плача, смотрела на Северина: растерянность, страх, недоверие, восхищение, любовь — целая гамма разнообразных, порой несовместимых чувств отпечатались в ее взгляде. Северин наполнил бокал и поднес ей. Ильза, выпив, начала успокаиваться. Некоторое время сидела молча, затем заговорила:

— Я никогда бы не поверила, что это возможно... Я видела книгу — когда была маленькой, мне бабушка показывала. Помню, я очень удивлялась — я никак не могла понять, зачем столько смешных закорючек. Но бабушка сказала, что эти закорючки называются буквами... Что когда-то, очень давно, жили люди, которые их понимали... Эта книга у нас еще с тех пор, и уже тогда мои предки хранили ее очень долго. А когда люди разучились понимать буквы, содержание книги пересказывали из поколения в поколение. Меня и назвали так потому, что в этих легендах рассказывается о девушке по имени Ильза... — она вытерла слезы, выступившие в ее глазах. — Но люди, умевшие читать, умерли так давно, что теперь мало кто верит в то, что они были. Я тоже не верила. И не поверила бы, если бы не встретила с тобой.

Между тем зелье китайских знахарей начало действовать. Северин почувствовал, что его захлестывает нежность, что его неудержимо тянет к этому прелестному цветку, который непостижимым образом расцвел в уродливых каменных джунглях, среди полуидиотов-полудикарей. Желание лучилось из ее подернутых дымакой глаз, связывало их незримыми нитями, пленало в кокон на двоих — тесный, уютный, теплый. И еще он почувствовал, что теперь или никогда, что через минуту уже не сможет вы-

путаться из этого кокона. Ильза протянула к нему руки:

— Пойдем?

Северин встал и взял ее за руки:

— Я провожу тебя.

— Мы пойдем... к тебе? — она радостно засмеялась.

— Нет, к тебе.

Вышли на улицу. Драка давно закончилась — о ней напоминали только лужи на мостовой, серые клочки одежды и сломанные палки. Прижавшись друг к другу, пошли по тротуару, и бледные луны прильнувших к оконным стеклам лиц сопровождали их на всем пути.

Остановились у входа в один из жилых домов — внешне все они были похожи друг на друга, как близнецы. Ильза смущенно улыбнулась и повлекла Северина за собой, в зияющий прямоугольник входа. Но Басаврюк не сдвинулся с места; он наклонился к ее руке, коснулся ее губами и прошептал:

— До свидания.

Ильза оцепенела: румянец сошел с ее лица, и оно стало бледным, как мел.

— Ты... шутишь? — спросила она с надеждой; на ее глазах выступили слезы.

— Нет. До свидания, — пробормотал Северин, затем повернулся кругом и зашагал прочь. Полминуты спустя его догнал хриплый отчаянный крик — это был предсмертный крик птицы:

— Северин!

Обернулся — Ильза стояла на том же месте, бледная, поникшая, опустошенная — как будто вместе с криком, вырвавшимся ему вослед, из нее вылетела душа. Он помахал ей рукой и ускорил шаг.

Свернув за угол, едва не столкнулся с грудой переплетенных человеческих тел, перекатывающихся по земле. Треснула ткань, мелькнула дрожащая голая нога, послышался слабый крик о помощи. Басаврюк не остановился — изнасилование было явно информационным.

5

— Поехали, "регина", нам здесь больше нечего делать, — пробормотал Северин. Постоянное одиночество выработало у него привычку разговаривать с вещами. Мотор заурчал, машина сдала назад, съехала с тротуара и начала разворачиваться. Окна дома напротив побелели от налипших изнутри лиц.

— Будьте счастливы, милые. Не поминайте лихом.

"Регина" рванулась вперед. Северин выпрямился за рулем, устроился поудобней. Дышал глубоко, уже почти свободно. Налево, опять налево и... Этого не может быть. Здесь был короткий широкий проезд, по которому он въехал в город. Сегодня проезда не было — вместо него тянулась узкая, уводящая вглубь города змееобразная улица. Сдал назад и проехал дальше — но и следующий поворот нику-

да не выводил. Чертовщина какая-то. Сбавил скорость, стремясь заглянуть в просвет между домами — просветов не было. Здание переходило в здание, стены сливались в бесконечные полосы стеклобетона. Доехал до перекрестка и свернул в направлении предполагаемого выезда — но участившиеся прохожие и магазины в первых этажах свидетельствовали, что он углубляется в город.

Спокойно, "регина", без паники. Северин пытался убедить себя, что рука на переключателе скоростей дрожит под воздействием механизма, а не в силу каких-либо других причин. В конце концов, можно и не сворачивать — любая улица должна вывести из города, а там — по кольцевой или проселками — можно будет выехать и на нужную трассу. Серые прохожие останавливались и провожали машину бледными пятнами лиц; откуда-то выпорхнула стая мальчишек и с криком понеслась за "региной". Дети были такими же серыми и бледнолицыми, как и взрослые — казалось, их кожи не касались лучи солнца. Северин поехал быстрее, и детвора отстала. Змеи очередей пугливо прижались к информаторию, уступая дорогу. В какой-то момент улицы оказались заполнены людьми до такой степени, что пришлось перейти на черепашью скорость; дома в этой части Инфора стояли теснее и были выше, некоторые достигали двадцати этажей. Затем снова стало свободней, вновь потянулись длинные пустые улицы окраин — унылые коридоры лабиринта.

Северину показалось, что цель близка — улица взбиралась на крутой пригорок, и он был уверен, что с этой возвышенности откроется вид на окрестности города. Но город опять обманул его.

Когда "регина" взобралась на пригорок, который действительно возвышался над крышами домов окрест, Басаврюк вышел из нее и обнаружил, что город тянется на много километров во всех направлениях и на грани видимости, у горизонта, приподнимается к небу, как бы образуя внутреннюю поверхность исполинской чаши. В самом центре этой чаши и находился теперь Басаврюк. Между серыми рядами жилых строений, которые действительно напоминали лабиринт, были разбросаны циклопические кубы информаториев; то тут, то там, резко контрастируя с окружающей дьявольской архитектурой, виднелись обезглавленные силуэты колоколен и сломанные стрелы минаретов; у самого окоема на фоне серого неба вырисовывался белый контур зиккурата.

Басаврюк вернулся в машину и закурил. "Регина" покатила под гору, набирая скорость и стремительно погружаясь обратно в лабиринт. Какого черта, все более разъярялся Северин, чувствуя, что балансирует на грани безумия. Ведь всего и делов-то, что выбраться из какого-то паршивого городишки. Панорама — это

гипноз, оптический обман, наваждение, мираж, черт знает что. Выход здесь, где-то совсем рядом. Не найти его — все равно, что заблудиться в трех соснах или утонуть в ручейке. Сам того не заметив, Северин развил огромную скорость. Стены стремительно проносились мимо, случившийся прохожий еле успел выпрыгнуть из-под колес. Улица начала петлять, так что Северин едва успевал вписываться в ее зигзаги.

Внезапно впереди он увидел что-то очень знакомое. Девушка в наряде кремового цвета. Северин начал гасить скорость, но, прежде чем "реги́на" остановилась, девушка осталась далеко позади. Заглянул в зеркальце — сомнений не было, это снова Ильза. Положил руку на переключатель скоростей, чтобы сдать назад. И в этот самый момент на площадь позади Ильзы вышел мужчина в плаще и шляпе. Мужчина остановился на перекрестке, посмотрел вдоль одной улицы, затем — вдоль другой. Северина обдало морозом: он узнал знакомого. Рванул рычаг и резко вывернул за угол. Девушка наклонилась подтянуть чулок. Человек в плаще и шляпе подошел к ней. Нагнулся, опершись ладонями о колени, и что-то сказал девушке. Ильза вспыхнула и бросилась прочь. Мужчина пожал плечами и пошел дальше; затем вдруг вобрал голову в плечи и споткнулся на ровном месте. Северин выключил двигатель и откинулся на спинку сиденья.

— Да, "реги́на", — пробормотал он. — Если так, то, пожалуй, действительно. Они ни в чем не виноваты. Это не они — это он, это Инфор сошел с ума.

Вынул сигарету, закурил. Донеслись звонкие голоса — метрах в десяти перед бампером худенькие девочки в серых платицах играли в классы.

Когда обожгло губы, выплюнул окурок в открытое окно и включил зажигание. Осторожно объехал девочек, добрался до перекрестка, свернул, проехал пару кварталов, снова свернул. Теперь он не торопился. В споре с сумасшедшим скорость — не аргумент. И хитростью его не возьмешь. Он выехал на большую площадь и едва не врезался в огромную толпу серых, которые исполняли уже знакомый танец с палками. Сгустились сумерки, вспыхнул свет — одновременно во всех окнах. На следующем перекрестке подростки насильовали женщину — в свете окон, чтобы никто не упустил подробностей. В двух шагах от них, у входа в ярко освещенный ресторан, стояла девушка в кремовом платье. Северин затормозил и вылез из машины.

— Ильза, — позвал он.

Ильза вздрогнула и повернула к нему лицо. Глаза ее радостно вспыхнули, она шагнула к Северину — и растаяла в воздухе.

Северин оглянулся по сторонам — неподалеку стояла будка информата. Направился к ней.

— Номер.

— Это приезжий. Послушай, как выбраться из города?

Несколько минут продолжалась пауза, затем последовал взрыв дикого, нечеловеческого хохота. Северин уже собрался повесить трубку, когда сквозь ржанье и кудахтанье пробился наконец голос:

— Ну и рассмешил ты меня, парень. В жизни так не смеялся. Сейчас посмотрю, где ты находишься. Так... Два квартала прямо, сворачиваешь направо, еще два квартала и налево. Третий дом с правой стороны. Там оружейный магазин. Заходишь, покупаешь пистолет, заряжаешь его и стреляешь себе в лоб. Если жалко мозги, можешь в рот. Единственный и проверенный способ покинуть город, — раздался новый взрыв хохота.

Северин обложил хохочущего трехэтажным матом и бросил трубку на рычаг.

Но пистолет купил.

6

Лада казалась смертельно усталой.

— Ты один? А где Ильза?

— Я проводил ее домой, — сказал Северин.

— И ты оставил ее одну?!

— Ну да, — пожал плечами Северин, — Шлюхи — это не мой стиль.

— Шлюхи?! Идиот... — Лада поморщилась, точно от зубной боли. — В Инфоре нет шлюх. Здесь люди при всей своей странности еще не докатились до мысли торговать тем, что есть у каждого.

— Какого же тогда черта делала Ильза у входа в каждый ресторан, который попадался мне на пути? — раздраженно возразил Северин. — У меня создалось впечатление, что она — неприменный декоративный элемент таких заведений. Своего рода каменный лев. Или скорее — красный фонарь.

— Она ждала тебя, — в угасших глазах Лады стояли слезы.

— Меня? Но если бы к ней подошел другой...

— Другой бы не подошел. Это было бы кощунством. Эти люди еще не настолько одичали, чтобы похищать невесту со свадьбы. Тем более, если эта невеста — четыреста пятьдесят седьмая Ильза из рода Зиграйтэр.

А ведь она права, подумал Северин. Ведь тогда действительно все встает на свои места. Необычный наряд Ильзы был свадебным платьем, ее застенчивость, неопытность, сияющие глаза были намного естественней для невесты, чем для проститутки.

— Погоди, но ведь это сплошной бред. Мы ведь с ней раньше никогда не виделись, как она могла знать меня, а тем более ждать, да еще в подвенечном наряде?

— С тех пор, как Инфор сошел с ума, его обитатели забыли почти все, что делало их цивилизованными людьми. Но кое-что они помнят. Среди этого немногого — древняя леген-

да, которую они передают из уст в уста, из поколения в поколение. Вот что это за легенда: когда время кончится, и город будет на краю гибели, придет человек из большого мира. Этот человек возьмет в жены четыреста пятьдесят седьмую девушку по имени Ильза из рода Зиграйтэр. Имя ему будет Северин, и будет иметь он отличительный знак: родимое пятно в виде перевернутого сердца посередине груди. Этот человек спасет город и вернет ему течение времени. Так что ты был для них легендой, Северин; теперь ты больше не легенда.

— Про родинку сама придумала? — неуверенно усмехнулся Северин, хотя ему было уже не до шуток. Увесистая пощечина вывела его из равновесия; он отступил назад, чтобы устоять на ногах, но затем, так и не выпрямившись, повернулся кругом и бросился в дверь. Сбежал по лестнице, вылетел на улицу, "регина", взвывая, прыгнула вперед. Но я ведь не смогу ее найти, я ведь не помню ни улицы, ни дома — подумал Северин и затормозил у первой встретившейся будки информата:

— Алло, это приезжий! Где живет Ильза четыреста пятьдесят седьмая?

— Минуту, — сказал информат. Время тянулось бесконечно, однако ровно через минуту последовал ответ: — Алло, приезжий? Минуту назад Ильза четыреста пятьдесят седьмая закончила с собой.

7

Лада ждала его у гостиницы. Едва он затормозил, она опустилась рядом с ним на сиденье:

— Поехали. Нам надо поговорить.

— Я убил ее, Ильза... — тяжело вздохнул Северин.

— Во-первых, меня зовут не Ильза. Во-вторых, этого и следовало ожидать. В-третьих, если мы останемся тут еще какое-то время, ты убьешь и меня.

— Тебя? Но, Лада... — Северин отъехал от гостиницы.

— Теперь я уже и не Лада. Теперь у меня нет имени. Меня могут забрать в любую минуту. В машине будет безопасней. Поехали.

— Но — почему? — недоуменно спросил Северин, разворачиваясь.

— Твои летающие тарелки оказались шпионами Великого Информатора. Я не должна была этого знать. Но я узнала, и теперь меня переводят в Вестники.

— В Вестники? Поздравляю, — рассеянно пробормотал Северин.

— Кретин. Стать Вестником — значит нечто похуже, чем просто умереть или сойти с ума. От меня останется только тело — но этим телом уже будет распоряжаться сознание другого человека. Хорошо еще, если это будет человек.

— Прости, — Северин поехал быстрее; освещенные окна слились в сплошные светлые

полосы. — Знал бы, чем обернется, был бы нем, как рыба. Но ведь и ты тоже. Могла бы подумать, прежде чем рассказывать им о тарелках.

— Я никому ничего не говорила. Дези никому ничего не рассказывает. Он сам — глаза и уши Великого Информатора.

— Ты? Лада...

— Смотри на дорогу. В этом никто не виноват. Так мы расплачиваемся за право иметь ограниченный доступ к информации. За право быть на ступеньку выше серой орды дикарей, которая существует одними инстинктами и условными рефлексам.

— Значит, и этот наш разговор...

— Да, и не только. Кроме ГУДИ, Информатор имеет много других глаз и ушей. Он видит и слышит все, что происходит в городе. Но теперь это не имеет значения. Мне все равно осталось самое большее пятнадцать минут. А тебя он не тронет. По крайней мере, пока не получит от тебя нужной информации.

— Но что я такого могу знать...

— Ты этого можешь и не знать. Но эта информация — только в тебе, и ключ к ней можешь найти только ты. Он сделает все, чтобы выудить из тебя эти знания. Через пятнадцать минут в городе погаснет свет — тогда меня заберут. При свете не посмеют — слишком много свидетелей. Может произойти информационный взрыв.

— Лада, но почему бы нам не бежать из города?

— Бежать из города? — Лада грустно рассмеялась. — Из города невозможно уйти. Инфор — замкнутое пространство. Из него нет выхода.

— То есть как...

— Очень просто. Нечто вроде листа Мебиуса. Куда бы ты ни пошел — ты идешь вглубь города, удаляешься от его границ. Горожане уверены в том, что город безграничен. Они считают, что город исчерпывает собой Вселенную, а другие вселенные — большой мир, например — это только отдаленные кварталы Инфора.

— Но ведь такое невозможно...

— Для Информатора нет невозможного. Он покорил не только пространство, но и время. Его летающие тарелки парят в небесах всех времен Земли, выслеживая и похищая талантливых ученых. Виктор, мой шеф, прибыл сюда из твоего времени. Далекие предки Ильзы были похищены в Германии восемнадцатого века; мой отец попал в Инфор из 2156 года. Великий Информатор заселял город талантливейшими учеными, крупнейшими умами всех стран и эпох. Он лишил Землю интеллектуальной мощи, которая, возможно, уже в восемнадцатом веке позволила бы ей достичь звезд. И, может быть, львиная доля крови, пролитой в ужасных войнах двадцатого века, тоже лежит на Великом Информаторе. В конце концов город ока-

зался вне времени. Инфор... Конечно же, это не клочок земли в глухой сибирской тайге. Инфор — везде. Всегда и везде, где живут люди.

— Никогда бы не подумал, что ты из будущего. Впечатление такое, что мы с тобой десять лет учились в одном классе. Или по крайней мере пять — в одном институте.

— Дело в том, что я — хороший специалист, — усмехнулась Лада. — И моя специальность — твое время. Остальные пласты времен и пространств для меня закрыты. Я как бы живу в твоей стране в одно время с тобой.

— Что такое информатории?

— Своеобразный атавизм, пережиток культурного прошлого. Когда-то в городе работало огромное количество ученых. Они через сеть информаториев вносили в городской информбанк данные о своих разработках, открытиях, результаты своих исследований и тому подобное. Информатории составляли одно целое с сетью информатов, через которую можно было получить любую нужную информацию. Но потом произошла катастрофа. Случилось нечто страшное — солнце перестало всходить над городом, смешались времена, люди в один миг потеряли память и способность усваивать информацию. Мощнейший научный центр превратился в приют для слабоумных. Никто не мог вспомнить, чем он занимался раньше, никто не уберег навыков читать и писать, и считанные единицы сохранили способность к примитивному счету. Более того — городская информационная сеть оказалась совершенно пустой, а входы информбанка — заблокированными. Создалась угрожающая ситуация: население города в один миг превратилось в дикую толпу, поведение которой непредсказуемо. Нужно было во что бы то ни стало обуздать эту толпу, направить ее грозную дремучую силу в мирное русло. Выяснилось, что от прежней жизни у дикарей сохранилась только страсть к знаниям — на уровне инстинкта. Этим и воспользовались. Внушили несчастным, что они должны собирать и сдавать в информатории всю информацию, которую им удастся раздобыть. Этим они якобы и зарабатывают на жизнь. Но, поскольку никто из них уже не был способен ни к творчеству, ни к запоминанию, им предписали собирать информацию друг о друге.

— А кабины для приезжих?

— Это канал Великого Информатора. Он забирает знания приезжих.

— Лишает памяти?

— Не просто лишает памяти — забирает, как нечто материальное. Память может вернуться, но знания, отнятые Информатором, не возвращаются никогда. Если бы ты назвал в микрофон свое имя, ты бы уже никогда не вспомнил, как тебя зовут, а если бы встретил это имя — не узнал бы его. Человек держит в памяти не так уж много — так что скоро приезжий стано-

вится таким же беспечным полудиотом, как все в городе.

Они проезжали мимо ресторана. У входа в него застыла фигура в кремовом платье.

— Останови, это она!

— Ильза покончила с собой, — возразил Северин, не снижая скорости. — Это призрак, — он повернул в боковую улочку, потому что не мог оторвать взгляда от зеркала заднего вида.

— В Инфоре нет времени. Прошлое и будущее здесь существуют одновременно. Это была Ильза из прошлого — Ильза, с которой ты еще не встретился.

Северин резко затормозил и начал разворачиваться.

— Поздно, — сказала Лада. — Ее там больше нет. Я живу в городе дольше тебя, но еще ни разу не попадала дважды в одно и то же место. Здесь невозможно куда-либо вернуться. Инфор — это океан времени и пространства, пребывающих в непрерывном волнении. Вернуться можно только домой. Но это происходит бессознательно, без ориентировки в пространстве. Иногда человек уходит из дома за километры, за десятки кварталов — а возвращается в несколько шагов.

Свернув за угол, Северин убедился, что Лада права — улица, на которую они выехали, не имела ничего общего с прежней. На ней не было ни Ильзы, ни ресторана — в том месте, где Северин ожидал их увидеть, улица упиралась в серую глыбу информатория и уходила вправо.

— Что это за информация, которой он ждет от меня?

— Не знаю. Информатору принадлежит вся информация во Вселенной, ни одно существо в бесчисленных мирах не может задать вопрос, на который он не знал бы ответа. Ни одно событие, происходящее во времени и пространстве, не может для него быть тайной. Но то, что знаешь ты, не принадлежит ни времени, ни пространству. Вопрос, на который он ищет ответ и на который ответить можешь только ты, выходит за пределы Вселенной.

— Никогда бы не подумал, что знаю...

— Если бы ты это знал, проблем бы не было — он сам нашел бы ответ в твоих мыслях, в твоём сознании, подсознании в конце концов. Однако этого ответа в тебе нет — ты только на пути к нему.

— Ты видела Великого Информатора?

— Его никто не видел. Говорят, что увидевшего Информатора постигает мгновенная смерть. Возможно, он не человек. Во всяком случае, я не могу представить его человеком. Когда я начинаю о нем думать, передо мной возникает странный образ: черный, непроницаемо черный силуэт. Тень, у которой нет человека.

— Черная дыра, — пробормотал Северин. Лада вдруг насторожилась:

— Что такое черная дыра?

— Видишь ли... — замылся Северин. Но Лада не стала дожидаться его объяснений — она взглянула на часы и заторопилась:

— Осталось пять минут. Через пять минут во всем городе погаснет свет, и мы больше не увидим друг друга. Могу я тебя попросить об одной вещи? Пусть это будет моим последним желанием.

— Я сделаю все, что смогу.

— Поцелуй меня.

Басаврюк остановил машину и обернулся к ней. На него смотрели огромные, полные слез и нежности, зовущие глаза. И в то же время из этих глаз на него смотрел Великий Информатор.

— Закрой глаза, — сказал Северин.

8

Город погружался во мрак. Северин завел машину и включил дальний свет.

— Все будет в порядке. Я не отдам тебя ему.

Серые призраки стен поползли мимо. Лада не ответила. Северин заглянул в зеркальце, затем повернул голову — ее не было. Включил свет — салон был пуст. Дверцы оставались закрытыми изнутри, а Лады не было. Первым порывом было — вернуться, вернуть, — но он уже понимал, что это невозможно.

Сжал зубы и выжал рычаг скоростей до предела. "Регина" завывала и понеслась, дома с обеих сторон слились в сплошной серый коридор. Еле успевал укладываться в повороты. А зачем укладываться, мрачно подумал он. Зачем, если это — единственный выход из города. Если эта черная тварь, которая называет себя Великим Информатором, все равно не выпустит его отсюда — во всяком случае, живым.

Внезапно Северин обнаружил, что свет его прожекторов тускнеет и тьма снаружи стремительно сгущается. Что за бред, эта тьма, она... она поглощает свет! Возможно ли это? И лишь когда он заметил, что свет тускнеет не только снаружи, но и в машине, Северин понял: его достали. Стрелка на спидометре стремительно ползла влево, попытки увеличить скорость, сделать поворот были безуспешны. Кто-то управлял "региной" — она больше не слушалась своего хозяина. Свет продолжал тускнеть, машина продолжала тормозить. Тьма стала непробиваемой даже в метре перед бампером, светильник в салоне мигнул, точно огонек за тухающей сигареты, и погас. Одновременно заглох мотор. Северин мягко ткнулся в руль — "регина" была мертва. Напрасно он отчаянно пытался привести ее в чувство — машина не отвечала ни на какие манипуляции. Что-то чудовищное было во всем этом — словно некто демонстрирует перед ним свое могущество, дает Северину понять, что он — всего лишь беззащитный и глупый мышонок в когтях свирепого зверя. Некто? Но — он сам только вчера рассказывал об этом Ладе — точно так ве-

дут себя автомобили в зоне действия НЛО. НЛО — шпионы Великого Информатора...

Тьма была непроницаемой — можно было коснуться пальцами глаз и не увидеть пальцев. Темно, как в могиле, — подумал Северин. Это не было метафорой: на него вдруг нахлынули ощущения прежних жизней, и самым жутким из них было ощущение погребенного — мрак, теснота и удушье могилы. Мрак забрался под одежду, под полупущенные веки, давил на уши, на глаза, не давал дышать, душил. Северин чувствовал себя похороненным в тесном сидячем гробу — и вспомнил, что уже был однажды похоронен в таком положении. Правда, тогда его звали по-другому и он был действительно мертв.

...Тогда его звали Кетсаль Коатль — Пернатый Змей. Он возвращался в Атлантиду с бесценным грузом. Трюмы его кораблей были набиты сокровищами книгохранилищ чаттаков, некогда населявших Индонезийский континент.

Царь Атлантиды Гадир Девятый придерживался несколько иной шкалы ценностей, чем его предшественники. Прежде цари свозили в Посейдонию только золото, драгоценные камни и рабов. Гадир Девятый считал, что подлинную власть над миром могут дать только знания. Его корабли достигали самых дальних берегов, его полководцы углублялись в горы, пустыни и джунгли не в поисках презренного металла. Они привозили своему царю иные трофеи — книги, таблицы, свитки; их пленниками становились не молодые здоровые дикари, а жрецы, ведуны, хранители древних знаний, — каждый из которых был живой библиотекой.

Катастрофа произошла, когда корабли Пернатого Змея уже приближались к родным берегам. Тьма упала посреди дня, в уши вонзился грозный гул, налетел шторм, унесший восемь из десяти кораблей. Затем все стихло; но берегов родного континента корабли Кетсаль Коатля так и не достигли. Атлантида исчезла: сорок дней и сорок ночей блуждали мореплаватели по волнам, но даже крохотного островка, одинокой скалы не осталось от огромного материка. Когда исчезла последняя надежда, Пернатый Змей направил корабли к американскому берегу.

...Задыхаясь, Северин нащупал дверцу, выbralся из машины. Но легче не стало, потому что гробом была не "регина" — гробом была весь город. Инфор — вот настоящее имя гроба. Из него нет выхода, а вся его фантазмагорическая реальность — не что иное, как предсмертный бред. Запредельная тьма сгущалась, становилась осязаемой и вязкой, сковывала движения, запирала дыхательные пути. Северин ощущал ее всей поверхностью своего тела, всем пространством своей души. Почти инстинктивно, ища спасения там, где его искали далекие полудикие предки, он задрал голову. И увидел звезды. Огромное количество звезд, настоящий звездный шатер! И сразу отлегло

от сердца, вернулось дыхание, тьма, подобно обжегшемуся зверю, отпрыгнула и затаилась. Вот он, выход из города. И еще они будут говорить о его бесконечности, о замкнутом пространстве. Но уже в следующий момент усмешку облегчения на лице Северина сковал лед ужаса, и по его спине побежали мурашки: вдоль заставленного домами горизонта ползла тьма. Она напозла на звезды и задувала их, точно чудовищный ураган. Сделав полный круг по окоему, полоса передвинулась выше, затем — еще выше; казалось, некто огромный и невидимый замазывает звездный шатер черной краской. Кисть чудовищного маляра становилась все стремительнее: вот уже в зените остался небольшой звездный островок, вот он еще уменьшился, вот осталось лишь шесть прижавшихся друг к другу светлячков, пять, четыре, три, два, один... Последняя звездочка мигнула и погасла. Мрак, густой крошечный мрак окутал весь мир. И Северин смирился. Он понял, насколько самоуверенны и смешны были его попытки покинуть город. Отсюда действительно нет выхода. Нет и не может быть. Инфор — это действительно замкнутое пространство, которое исчерпывает собой вселенную.

Какую-то чужую, невероятно закрученную вселенную. Ведь даже звезды, горевшие в небе Инфора, оказались на самом деле вовсе не звездами, а только огнями его бесконечно отдаленных кварталов.

9

Всю ночь Басаврюк проблуждал во тьме, а когда рассвело, увидел перед собой "регину". Машина стояла у входа в гостиницу. Устало выругался, хлопнул дверью и мимо напряженного, как струна, портье пошел к себе. Выше примерно на виток лестницы поднимался еще кто-то, напевая:

Ночью — по звездам, по солнцу — днем,
Могучий Эол! Ветров не жалею.
Пока есть море, будет на нем
"Арго" славнейшим из кораблей.
Плывем мы по золотое руно,
А если никто не придет назад —
Кто сказал, что все мы уйдем на дно?
Нет! Наш "Арго" взлетит в небеса.

Невидимый певец был слегка навеселе и напевал с беспечностью человека, непричастного к зловещим тайнам города. Северин, забыв про усталость, стрелой полетел вверх. Он почти догнал незнакомца на площадке пятого этажа — дверь, ведущая в фойе, еще не успела успокоиться. Распахнул ее и уже открыл рот, чтобы окликнуть, но крик застрял в горле: незнакомец остановился в коридоре напротив у дверей его номера.

Золото ярче луны и звезд
В ночи озаряет колхидский сад.

Но вовсе не золото нас зовет,
А хищные челюсти скал Симплегад.

Он вынул из кармана ключ и попытался вставить его в дверь — это ему не удалось. Дверь распахнулась сама. Вернее, при помощи стоявшего за ней мужчины средних лет, одетого в чуть франтоватый, но строгий костюм.

— Здравствуйте, Северин. Мы должны были вас встретить, но получили неточную информацию. Виновные в этом уже наказаны. Добро пожаловать в Инфор, — дружески улыбаясь, он взял певца под руку и ввел его в номер. Дверь за ними захлопнулась.

Северин достал из кармана сигарету и попытался прикурить — но спички ломались и выскальзывали из пальцев. Он узнал певца. Это был он сам — Северин Басаврюк из позавчерашнего утра. Приехавший ночью и только что позавтракавший в ресторане.

Спичка наконец-то зажглась. Северин набрал полные легкие дыма. Выдохнул. Еще раз глубоко затянулся, затем еще. Нормально, Северин, — твердил себе, пытаясь унять дрожь, — все в порядке. Город вне времени, только и всего. События прошлого и будущего существуют в нем одновременно. И нет ничего страшного в том, что он вернулся в позавчера. Даже наоборот. Для того, кто теперь в номере, все еще впереди. Еще жива Лада, еще не лжет древнее предание рода Зиграйтэр. Еще не совершены ошибки — а значит, еще не поздно их избежать. Северин затушил окурок и решительно направился к своему номеру. Подходя, услышал с той стороны приближающиеся шаги и голос:

— ...вынужден оставить вас — дела. Желаю вам приятно провести время в нашем городе.

Дверь приоткрылась, выпуская мужчину. Дэзи быстро прикрыл дверь, взял Северина под руку и, не дав ему опомниться, увлек его за собой, обратно в фойе:

— Прошу прощения, Северин, нам необходимо поговорить. Да, я, кажется, так и не представился — меня зовут Виктор. Это проклятое время кого хочешь с ума сведет: иногда встретишь такое, что волосы дыбом. Но вы не обращайте внимания — привыкнете. В этом даже есть свой шарм, — они пересекли холл и вошли в другой коридор. Не выпуская Севериной руки, Дэзи открыл одну из дверей. За дверью неожиданно оказалась вполне приличная приемная эпохи позднего застоя — небольшая комната с несколькими креслами, рабочим столом и секретаршей за ним. Девушка резво стучала на печатной машинке. Она была будто создана для этой приемной — красивые длинные ноги, стройная фигура, милое, не очень умное личико. Девушка прекратила работу и улыбнулась вошедшим.

— Это — Зарра, мой секретарь. Хороший специалист, — они прошли еще в одну дверь и оказались в просторном кабинете. Столы литерой "Т", кожаные кресла, пальмы в горшках

— Северин ощутил ностальгическое дыхание эпохи советской бюрократии. Вот только вместо привычного вождя над столом висел странный большой портрет — обнаженный торс античного божества, буйные волосы, буйная взлохмаченная борода, грозно сдвинутые кустистые брови, в руке зажат жезл, увенчанный вычурным трезубцем.

— Зарра — тоже из ГУДИ? — спросил Северин. Из приемной, приглушенная дверью, доносилась дробь печатной машинки.

— Зарра? Нет, Зарра из горожан, — Виктор в странной задумчивости ходил по кабинету, поправлял пепельницы, кресла, бумаги.

— Из горожан? — удивился Басаврюк. — И она знает азбуку?

— Азбуку? — удивился Виктор в свою очередь. — Нет, а с чего вы взяли? — Он прислушался и смущенно рассмеялся: — Нет, Зарра не знает азбуки. Никто из горожан не в состоянии запомнить начертания литер. А Зарра — она просто хорошо печатает. Это для нее как... ну, как музыка, что ли. Иногда забываешь, где ты — и возникает полная иллюзия. Кажется, что все по-прежнему. Хотя на самом деле... Да вы посмотрите, что она печатает.

Северин приоткрыл дверь и выглянул. Зарра сидела почти спиной к кабинету, и вся рабочая площадь печатной машинки была как на ладони. В машинке не было ни листа, ни даже ленты. И, несмотря на это, пальцы девушки уве-

ренно бегали по клавишам, передвигали каретку — иллюзия была полной, хотя буквы стучали по пустому барабану. Северин передернул плечами.

— Я не знаю, что вам успела сообщить Лада, — говорил Виктор. — Но вы, должно быть, уже знаете, что мы сильно ограничены в возможностях накапливать информацию... — он наполнил бокалы. Выпили.

— Она умерла? — спросил Северин.

— Я не знаю. Их иногда видят — но это уже не они. Я не знаю, кто это.

— Вы о Вестниках?

— О них. У вас, должно быть, накопилось очень много вопросов — спрашивайте. На что смогу — отвечу. Но могу я не так уж много. Как вы понимаете, я знаю меньше, чем знала Лада. Иначе был бы уже там, где она.

— Вы хотите сказать, что Лада теперь не в Инфоре?

— Я не говорил этого. И я не знаю ничего вне Инфора. Потому что двери открываются только в одну сторону.

— Какие двери? — не понял Северин.

Виктор смотрел на него глазами, полными изумления:

— Какие двери? Разве я говорил что-то о дверях? Нет никаких дверей...

Северин удовлетворенно кивнул — в этом было что-то новое. Он поспешил переменить тему:

— Что происходит со временем? Я исколесил на машине добрых полгорода. Значит, я попадал в самые разные времена. Но сюда я вернулся в тот же вечер, из которого выезжал, двумя-тремя часами позже. Как это могло произойти?

— Это сложный вопрос... — Виктор снова наполнил бокалы: они сидели в креслах за журнальным столиком и разговаривали. При этом, разумеется, не забывая время от времени опрокинуть по бокалу. — Время — как резиновое. Попадая в иные времена, ты все время остаешься в своем. До тех пор, пока тебя не достанет время, в которое ты попал.

— Как?

— Кого как. Одни напиваются до потери сознания, другие — влюбляются, третьих — избивают... Словом, в человеке останавливаются его внутренние часы. И дальше он уже живет во времени, в которое попал.

— Гм-м, — сказал Северин. Вроде все это не так уж и бессмысленно. Но... — Но почему я тогда вернулся в позавчера?

— Вы были во тьме. Из тьмы чаще всего вообще не выходят. Тьма пожирает людей. Ваш случай — всего двое суток временного смещения — можно считать редкой удачей.

— Я не совсем четко представляю, что такое тьма. Это — ночь?

— В общем — да, но не то, что называют ночью на Земле. К солнцу это не имеет отношения. Потому что здесь нет ни солнца, ни звезд.

— Откуда же тогда дневной свет?

— Не знаю. Возможно, здесь нет ни дня, ни ночи. Возможно, день и ночь существуют только в сознании людей, — Виктор выпил и продолжил: — В Инфоре первоэлемент сущего — информация. Люди привыкли делить сутки на день и ночь. Огромное количество человеческих сознаний образует мощную информструктуру, которая способна конструировать действительность. Вот почему я говорю, что день и ночь существуют в сознании людей.

— Но ведь эти бесчисленные человеческие сознания не способны удерживать какую-либо информацию. Как они могут образовать мощную информструктуру? — усмехнулся Северин.

— Чередование дня и ночи — это элемент, относящийся еще к доинформационному периоду в истории обществ. Люди знали о нем, еще когда у них не было никаких знаний. И потом: предки этих людей не были дикарями. Когда-то город обладал мощнейшим интеллектуальным потенциалом.

— Теперь этот потенциал перешел к Великому Информатору?

— Надо полагать. Иначе придется признать, что ни в чем нет смысла и все катится к чертям собачьим. — Виктор был уже заметно пьян, и Северин решил:

— Какая дверь открывается только в одну сторону?

— На шестом этаже, — махнул рукой Виктор. — Однажды она открылась, и оттуда хлынула какая-то мразь. Вроде людей со звериными головами. Мы тогда отразили вторжение — эти твари убрались обратно. Но дверь так и не удалось открыть — ни открыть, ни взломать, ни взорвать. Вот почему мы считаем, что Великий Информатор может быть и не человеком.

— Значит, из города все-таки есть выход?

— Не знаю. Если есть вход, должен быть и выход. Другое дело, что этот выход мог быть разрушен в момент катастрофы.

— Кто сейчас царствует в Посейдонии?

— Гадир Девятый, — сказал Виктор. — ЧТО?!

— Вы — руководитель ГУДИ? — быстро спросил Северин.

— Да, — Виктор испуганно смотрел на собеседника.

— Я не думаю, что вам этого следует опасаться, — усмехнулся Северин, наливая. — Выпьем.

Они выпили.

— Вы помните, что было прежде, до катастрофы?

— Нет. Если бы я помнил...

— Вы были бы уже Вестником. Дальше. Кто такая Ильза 457 Зиграйтэр?

— Не знаю. Число 457 ни о чем не говорит. Зависит от общего количества. Если их шестьсот шестьдесят шесть — то она из Тьмы; если их семьсот семьдесят семь — то она из Света. С уверенностью можно сказать только о ста одиннадцати, составляющих разницу между этими числами. Остальные в тени. Никто не знает, откуда они — и меньше всех они сами.

— Атлантида погибла? — быстро спросил Северин, пристально глядявываясь в помутневшие зрачки Виктора.

— Нет, — Виктор отпрянул; он был поражен не столько вопросом Северина, сколько собственным ответом. — Кто спрашивает?

— Пернатый Змей. Кто отвечает?

Лицо Виктора вытянулось, глаза округлились — он окончательно перестал понимать, что происходит. Между тем ответ уже готов был сорваться с его губ. Но не успел — раздался сухой треск, Виктор дернулся — и откинулся на спинку кресла. Из простреленной груди хлынула кровь. Северин вскочил и обернулся — в дверном проеме, наставив на него автомат, стоял человек в сером.

— Поднимите руки и отойдите в сторону, — сказал он. — Здесь есть еще кто-нибудь?

— Нет. Зачем вы его застрелили?

— Вам все объяснят, — автоматчик опустил оружие и отошел в сторону.

Вбежали трое в белых халатах. Один из них осмотрел убитого и кивнул своим спутникам. Те положили тело на носилки, прикрыли его простыней и унесли. Затем вошли еще пятеро — последний из них, человек с родинкой на переносице и шрамом на подбородке, широко улыбаясь, шел к Северину.

— Марий?!

Они обнялись.

— Прости, Северин. Мне пришлось свалить дурака — там, у информатория. Ты едва не сорвал нашу операцию.

— За что вы его?

— Виктор? За то, что он сделал с городом и с его обитателями. За то, что он превратил Инфор в огромный сумасшедший дом, погубил десятки тысяч величайших умов Земли, да мало ли за что можно приговорить к смерти Великого Информатора?

— Виктор — Великий Информатор?!

— Мы тоже не верили в это. Но из той части знаний, которую удалось накопить каждому из нас, выходило: Великий Информатор — тот, кому принадлежала власть в Инфоре в момент катастрофы. А этот человек — Виктор. Выше его в Инфоре никто никогда не стоял.

— Но как... как вам удалось распутать этот чертов клубок?

— С миру по нитке. Остались какие-то книги, записи, документы... С тех пор, как люди разучились читать, все эти вещи потеряли всякий смысл — но кое-кто хранил их, как семейные реликвии. В некоторых семьях таким вещам даже поклонялись. Разумеется, все получалось не сразу — много знать в Инфоре опасно. Многие заплатились за раздобытые знания. Но благодаря им мы определили предельное количество информации, которое безопасно для человека. Исходя из этого, мы распределили между собой сбор информации по периодам истории Инфора. Каждый занимался только своим периодом. Если объем информации, которую он накапливал, становился критическим, приходилось что-то забывать. Никто из этих людей, — он кивнул в сторону пришедших с ним, которые расположились за длинным концом Т-образного стола, — не помнит своего времени, своей родины, своих близких. Им пришлось забыть даже свои имена. Мне в этом отношении повезло только потому, что я расследовал период катастрофы — а это самое темное пятно в истории Инфора, о нем не сохранилось почти никаких сведений. Но зато теперь мы знаем все — и можем рассказать друг другу все, что знаем. С момента гибели Информатора любой объем знаний становится безопасным. Каждый может знать столько, сколько пожелает. Никто не отнимет ни наших знаний, ни жизни — как это было раньше с теми, кто узнавал слишком много.

— А вы уверены, что он — мертв? — спросил Северин. — Что он не достанет вас?

— Откуда? — усмехнулся Марий. — С того света?

— Кто знает, — пожал плечами Северин. Он чувствовал, что все не так просто, как считают Марий и его товарищи. Игрушечный переворот, низвержение тирана — это могло иметь смысл только в большом мире. Здесь же, в сумасшедшем доме под названием Инфор, этот

акт настолько же бессмыслен, как и все остальное. Меньше всего Северину нравилось, что во главе переворота стоял Монастырский — человек, которого только безнадежно большое воображение могло представить в такой роли.

— Ты пришел сюда недавно и слишком оговорен всем, что здесь происходит. На самом деле все не так безнадежно, как тебе кажется. И сейчас ты убедишься в этом.

Сейчас мы восстановим историю Инфора. Покамест каждый из нас знает только свой период этой истории — то есть обладает безопасным количеством информации. Объем информации о двух периодах будет критическим. Если ты прав и Великий Информатор сможет достать нас с того света, мы начнем исчезать уже во время первого выступления. Итак, приступим. Первый период — Инфор в большом мире.

— Не надо этого делать, Марий, — твердо сказал Басаврюк.

— А я говорю, что надо. Иначе — какой во всем этом смысл? Начинайте! — кивнул он приготовившемуся говорить.

10

— Город Инфор не был обозначен ни на одной из карт Последней Империи. Не потому, что был так ничтожно мал — потому, что был засекречен. Империя рушилась, и на ее картах то тут, то там начали проступать эти засекреченные города — так всплывают с больших глубин подводные лодки. Но один город так и не всплыл. Власть в этом городе принадлежала человеку, который позже стал Великим Информатором. Уже тогда, в начале перестройки, он обладал достаточной властью, чтобы перекрыть каналы, связующие город с большим миром. И даже для того, чтобы те немногие из большого мира, кто знал о месторасположении и назначении города, унесли свою тайну в могилу. Власть он имел благодаря информации, которой обладал; значит, он уже тогда имел информации достаточно, чтобы у него были причины избегать рассекречивания. Из сказанного становится ясным характер закрытого города, который так и не всплыл: это был не военно-промышленный центр и не тайный полигон секретного оружия — это был информационный центр империи. В городе все подтверждает это: и оставшиеся с тех времен огромные хранилища информации, и уникальное по тем временам электронное оборудование, и социальный состав населения — здесь всегда жили только научные работники, служащие и обслуживающий персонал, но никогда не было промышленных рабочих.

Итак, этот надежно скрытый в глухой сибирской тайге город и был Инфором — информационным центром Последней Империи. Это был город-информбанк, бесчисленные ряды, целые улицы и кварталы информхранилищ, ко-

торые содержали в себе достижения человеческого разума от начала времен до самых последних дней. В лабиринтах Инфора работало множество ученых из всех отраслей знания. Они попадали сюда не только со всех концов империи, не только из научных центров ее сателлитов — их похищали и перевозили в Инфор даже из стран, которые всегда считались потенциальными врагами Империи Советов. Здесь они имели все — богатейший банк данных, свободный доступ к любой информации, возможность работать творчески, без оглядки на военный либо социальный заказ, невозможность бежать. Единственное, что от них требовалось — приумножение знаний, а это само по себе мечта едва ли не любого из ученых.

Однако это был только фасад здания, зримая часть Инфора; своей же невидимой частью город опутывал всю планету. На него работала мощнейшая разведсеть, обнимавшая все научные, промышленные, военные и политические институты Востока и Запада. Ни одно из сколько-нибудь серьезных открытий, изобретений, даже ни одна из заметных ошибок ученых во всем мире не миновали шупалец этого сверхспрута. Время от времени спрут напрягался и поглощал какого-либо талантливого ученого. Порой какая-нибудь из контрразведок задевала агентурную сеть; тогда трещали автоматные очереди, гремели взрывы, рушились здания и падали с неба самолеты. Инфор с одинаковой легкостью убивал чужих и своих. В сущности, для него не существовало чужих и своих — единственное, чего он опасался, была угроза раскрытия. Порой для того, чтобы убрать одного-единственного свидетеля, шел под откос пассажирский поезд или взлетало на воздух целое учреждение с сотнями служащих.

Так произошло и в те бурные дни девяностых, когда империя рушилась, обнажая страшные следы своей чужонной поступи. Инфор поступил, как поступал всегда, когда становилась реальной угроза раскрытия. Однако на сей раз его жертвами стали не враги и не второстепенные агенты, а те люди в руководстве империей, к которым тянулись нити от Инфора. Одновременно из всех архивов на большой земле исчезли секретные документы, относившиеся к Инфору или хотя бы содержавшие упоминания о нем. Возможно, все это произошло помимо чьей-либо воли — просто сработала автоматическая система обеспечения безопасности Инфора. Как бы то ни было, но город обрел независимость, исчез с самых секретных карт, и полная власть над ним перешла к будущему Великому Информатору. Единственное, что продолжало связывать Инфор с внешним миром, была разведсеть, по которой поступала информация. Однако связь с разведкой всегда была дистанционной, никто в этой структуре, даже в высшем ее эшелоне, никогда не подозревал о существовании Инфора.

Великий Информатор, воспользовавшись неразберихой в высших эшелонах власти, переподчинил себе напрямую эту шпионскую машину и запустил ее на полную мощь. Разрослась агентурная сеть, поток информации удвоился — теперь области ее сбора не ограничивались ни руководящей идеологией, ни политическими приличиями, ни какими-либо иными рамками. И если раньше обходились копированием, подсматриванием, подслушиванием, то теперь Информатор требовал только оригиналы. Он не желал делиться информацией с кем-либо. Следовательно, появляясь в информхранилищах города, информация где-то исчезала. А исчезала она в таких местах, где ее пропача не могла остаться незамеченной. Контрразведки работали на пределе, снова были выходы на агентов Инфора — но в решающий момент и шпион, и те, кто на него вышел, оказывались мертвыми. А информация исчезала в таких масштабах, что было очевидным: о каком-либо частном лице не может быть и речи, здесь явно замешана крупная государственная структура. Правительства развитых стран начали обвинять друг друга, последовали ноты, разрывы дипломатических отношений, в нескольких случаях дело чуть не дошло до войны — собственно, дошло бы, но в последний момент оказывалось, что электронная память пусковых установок девственно чиста. Великий Информатор успевал поработать и здесь.

Говоривший умолк. Северин напряженно ждал, что произойдет. Однако ничего не происходило. Все пятеро заговорщиков спокойно сидели на своих местах вдоль длинного конца Т-образного стола. Заговорил Монастырский: — Как видишь, Северин, мы не ошиблись. Если бы Информатор был жив, четырех из нас здесь уже не было бы. Но он мертв, и нам больше ничто не угрожает. А потому я продолжу рассказ.

Чем больше информации поступало в город, тем меньше ее оставалось во всем остальном мире. Город превратился в вампира, истощавшего информэнергетическое поле планеты. Но если обычный вампир напьется и отвалится, то Инфор был ненасытен: чем больше он поглощал, тем сильнее становился его аппетит. Вследствие этого информэнергетическая оболочка, окутывавшая планету, претерпела катастрофические изменения. В ней образовались разрывы, трещины, огромные пустоты. Появилось множество экстрасенсов — людей, которые обладали способностью воспринимать космическую информэнергию, проникавшую в эти пустоты. Экстрасенсы знали о городе — одни чувствовали его как чудовищный сгусток информэнергии, другие в видениях даже бывали в нем и ходили по его улицам. Но Инфор к тому времени уже обезопасил себя от такого рода визитеров: после подобного посещения экстрасенс не только напрочь забывал

Инфор, часто он вообще ничего не мог вспомнить.

Вскоре, однако, чудовищная плотность информационного поля в городе привела к непредвиденному. Неожиданно начала поступать информация, которой никто не ждал — это были знания погибших культур, взезных цивилизаций, вообще неизвестно чьи. В городе происходили странные, необъяснимые события. Проносились временные смерчи — попавший в такой смерч за считанные минуты старился на несколько десятилетий. В сознание горожан проникало сознание обитателей иных времен, сознание вообще не человеческих существ. Неизвестно откуда появились уличные пророки и юродивые: грязные, нечестные, одетые в ошметки невообразимо древних одежд, они оповещали о близком конце времени и гибели мира. В небе наблюдались невиданные явления. По ночам хлестали метеоритные дожди, проносились светящиеся спиралеобразные облака, днем можно было увидеть два, а то и три солнца. В донесениях из большого мира ни о чем подобном не сообщалось. Значит, это происходит только с городом. Значит, виной всему этому — чудовищное скопление информации, — решил Великий Информатор. Значит, в сверхплотном информационном поле начинают действовать другие физические законы, чем в обычном мире. Но сам он и пальцем не шевельнул для того, чтобы остановить процесс: наоборот, даже форсировал его, выжимая из разведсетей все, на что они были способны. Диковинные голые птицы садились на крыши Инфора; в начале июля на него обрушился снегопад. Город дышал предчувствием катастрофы...

Голос Монастырского вдруг зазвучал на несколько тонов ниже обычного. Марий умолк, в его взоре за какой-то миг успели смениться удивление, растерянность и ужас. В следующий миг он выхватил из кармана пистолет и бросил его Северину, закричав:

— Убей меня!

Его крик прозвучал очень низко и протяжно, как рев смертельно раненного медведя:

— У-у-в-в-э-э-эй м-ме-н-ня-а-ау...

Северин поймал оружие за рукоятку и с лету начал палить — но все равно опоздал. Его пули проходили сквозь Мария, не причиняя ему вреда. Тела Монастырского и его сообщников подернулись черной дымкой и трепетали, словно стяги на ветру. Не прошло и нескольких секунд, как все они исчезли без следа. Северин дрожал, его зубы стучали, сердце выскакивало из груди. Усилием воли он справился с дрожью, восстановил дыхание — и только сердце по-прежнему заходило:

— Та-та... та-та-та-та... та-та-та-та...

Сердце колотилось вне тела, где-то далеко — и Северин испугался, что с ним происходит то же, что с заговорщиками.

И тут он узнал в прерывистом стуке дробь

печатной машинки, доносившуюся из приемной.

11

Северин вышел в приемную. Вид неграмотной секретарши, которая уверенно стучала по клавишам, произвел на него жутковатое впечатление. Он подошел и встал за ее спиной, невольно засмотревшись на ее работу. Длинные тонкие пальцы Зарры бегали по клавиатуре, точно выплясывали какой-то стремительный танец. Этот колдовской танец завораживал, гипнотизировал, не отпуская взгляда. Зарра передвинула каретку, сделала еще несколько быстрых касаний, затем снова передвинула, установила почти посередине, ее пальцы еще раз пробежались по клавишам. А ведь она ставит подпись, вдруг подумал Северин. Секретарша еще дважды устанавливала каретку так, будто печатала подписи на воображаемом документе, затем опустила зажимы и... сделала руками движение, как будто вынимала лист. Вздох, похожий на стон, вырвался у Северина. Зарра удивленно посмотрела на него.

— Простите, — смутился Северин. — У вас это так хорошо получается. Вы, наверное, школу закончили?

— Что такое школа? — не поняла Зарра. Ах да, какая тут школа, если они даже в азбуке ни бум-бум.

— Вас кто-то учил печатать?

— Нет, я сама, еще маленькой... У нас дома была старая-престарая печатная машинка. Мне нравилось...

— И вы никогда не видели, как на ней печатают?

— Нет...

— А вы никогда не печатали на лист?..

— На... что? — растерялась девушка.

— Одну минуту. Вы позволите? — Северин порывшись в столе, нашел стопку бумаги и копировальную ленту, зарядил машинку. — Попробуем?

— А... что это? — Зарра боязливо покосилась на машинку.

— Ах, да... — Северин поискал глазами и увидел одиноко висевший на вешалке серый пушистый шарф. — Это такая игра. Сейчас вы сядете за машинку, я завяжу вам этим шарфом глаза, и вы будете печатать.

— Зачем? — Ее нерешительность начинала выводить его из себя, но в то же время он очень боялся ее вспугнуть, поэтому ответил как можно беспечнее:

— Просто так. Посмотрим, что получится.

— А что по... — но Северин уже завязывал ей глаза:

— Ничего особенного. Это такая игра — печатать на ощупь. А чтобы не подсматривать, глаза завязывают.

— Но я ведь ничего не вижу, — растерялась Зарра.

— А зачем видеть? — Он взял ее руки и положил их на клавиатуру. — Начинать.

Зарра замерла, будто прислушиваясь: ее пальцы напряглись, вздрогнули и пошли бегать по клавишам. Северин напряженно ждал, пока над линейкой появится первая строка текста. Он не сомневался, что в работе Зарры есть какой-то смысл. Он полагал, что это — некий ритмический набор букв, своеобразная магическая мелодия, записанная не нотами, а литерами. Возможно, даже оформленная в слова. Но то, что он прочел, превзошло его ожидания:

"Пернатый Змей,

обстоятельства вынуждают поторопить тебя. Орды бесплечих гуллапов вторглись в Посейдонию и приближаются к Цитадели. Если падет Цитадель, все погибнет.

Несколько слов о ситуации. Монастырский и его люди верно прочли историю Инфора. Но это лишь ничтожная часть правды: Инфор — крохотная часть города, не больше звездочки в звездном небе. Кроме Инфора, город-вселенную составляет бесчисленное множество других городов, и только некоторые из них имеют земное происхождение. Правитель Инфора никогда не был Великим Информатором.

Посейдония, Гиртх, Зу-г-Л, Ааву, Снтхемени, О-Зи, Инфор и многие другие города вследствие сверхуплотнения информационного поля выпали из физической вселенной. Пространство, которое они теперь занимают, образует информационную вселенную. В этой вселенной нет ни пустот, ни малонаселенных пространств, ни планет, ни звезд — это единый Город, Мир-Город, созданный гигантским роением городов, подобных Инфору и Посейдонии. Еще недавно, до катастрофы, Мир-Город населяла высокоразвитая информационная цивилизация — это было великое содружество рас разумных существ. Каждая из рас обитала в своем микрогороде, микрогорода соединяла единая информационная система, по которой информация, подобно крови в человеческом организме, циркулировала между частями Мира-Города. Великий Информатор был чем-то вроде смотрителя этой системы. Эту должность в последнее время занимал правитель Посейдонии, бывшей столицы Атлантиды, поскольку именно в Посейдонии находился центр пересечения всех информационных потоков вселенной.

Но когда появился Инфор, многое изменилось. Инфор сразу же был включен в единую информсистему, знания Мира-Города вошли в его сеть — однако вскоре обнаружилось, что информация движется только в одном направлении. Обрато в систему она не поступала. Попытки объясниться с Инфором ни к чему не

приводили — Виктор продолжал поглощать информацию, ничего не возвращая и ничего не давая взамен. Становилось очевидным, что Инфор — город-вампир, и было решено перекрыть входящий в него информпоток. Но Виктор сумел блокировать выводы системы, и его город продолжал высасывать информацию из сети. Баланс информсистемы был нарушен, возникла опасность ее деформации, что неминуемо привело бы к взрыву. Решено было использовать против Инфора мощности центра.

Я подключил свой мозг к выводам Цитадели — центра управления информацией. Затем включился в единую сеть. Информация из всех микросистем Мира-Города медленно потекла ко мне. Собираясь в моем мозгу и одновременно — в накопителях Цитадели, она обретала чудовищную плотность и, согласно гравитационным законам информвселенной, с нарастающей силой притягивала новую и новую информацию. Я чувствовал Мир-Город так, как чувствовал свое тело — и каждый из микрогородов я ощущал, как один из органов моего тела. В том месте, где был вывод Инфора, была пульсирующая судорожная боль — Виктор продолжал сопротивляться. Тогда я повысил мощность центра, и отток информации с периферии стал еще стремительнее. Ее плотность в центре все больше нарастала, я уже чувствовал ее физически — как непомерную тяжесть. Но Инфор не сдавался. Я понял, что Виктор принял мой вызов и тоже подключил свой мозг к выводу информсети. (Позже выяснилось, что не он один, их была целая группа, так называемое ГУДИ — вот почему впоследствии их организмы оказались спяяными с моим.) Я снова повысил мощность — это уже было опасно, скопление информации в Цитадели близилось к допустимому, — однако только ее массой я мог осилить Инфор. Вампир продержался недолго — его информсеть была вывернута, как чулок. Однако время было упущено — плотность информации в накопителях Цитадели превысила допустимую. Процесс сжатия информации вышел из-под контроля и стал необратимым: он перерос в стадию информационного коллапса, то есть информация уже не могла покинуть Цитадели и только поглощалась ее накопителем. В короткое время сеть единой информсистемы полностью опустела. В образовавшийся вакуум хлынула информация из внутренних систем микромиров, но вскоре опустели и внутренние хранилища. Вся эта информация скапливалась в накопителях Цитадели; здесь она уже достигала такой плотности, что притягивала и поглощала любую информацию, появлявшуюся где-либо в Мире-Городе, даже если та существовала вне информсетей. Так были погло-

щены знания, хранившиеся в памяти людей и других разумных существ информвселенной. Частично сохранили память только те, кто был в большей или меньшей степени включен в сеть — дэзи Инфора, операторы некоторых других микросистем, обслуга Цитадели. Что же касается меня, то я уже не смог выключиться из системы — сверхскопление информации, постепенно превращавшееся в информационную черную дыру, происходило непосредственно во мне, в моем сознании.

Итак, в самом центре Мира-Города образовалась черная дыра. Хотя информации не оставалось уже ни в одном из микромиров, она продолжала поступать из других вселенных. Близился предел плотности. За ним последовал бы взрыв, который уничтожил бы вселенную. Предотвратить его я не мог — дело уже давно зашло слишком далеко. Единственное, что я еще мог сделать — это остановить время.

Ты не мог не обратить внимания на чехарду со временем. В одних местах оно идет быстрее, в других — медленнее, в третьих — в обратном направлении. Но в целом по Миру-Городу временные течения сбалансированы тем, что общая скорость движения времени равняется нулю.

Сегодня одичавшие потомки некогда цивили-

зованных народов в основном исповедуют культ Великого Информатора — но это не значит, что я сохраняю над ними власть. Держать в повиновении дикарей — это все равно, что оккупировать дождь. Время от времени вспыхивают войны. Некоторые из племен срываются с мест и отправляются завоевывать чужие города. Так, из Посейдонии ушли атланты. Они не смогли вернуться — потому что вместе с ними ушло их время. После ухода атлантов Посейдония стояла пустой, затем сюда пришли вэлы — антропоморфные обитатели города Ганьур, который в физической вселенной находился на планете Куапар, вращающейся вокруг Поллукса. Недавно в Посейдонию вторглись орды бесплечих гуллапов. Эти покрытые шерстью прямоходящие с головами лис движимы какой-то могущественной энергией, которой я не могу разгадать — ибо она не имеет информационных координат. Их — несметное количество, они убивают вэлов и Вестников и продвигаются к Цитадели. Они убеждены, что все беды Города — от отсутствия времени, их цель — пустить часы Цитадели. Самое странное — я не знаю, откуда эти существа, каким миром порождены; — их родиной не является ни один из микрогородов, составляющих информвселенную.

Теперь о том, что требуется от тебя. Суще-

ствуют знания, которые не имеют информационных форм и потому не доступны мне. Речь идет о знаниях древнего племени интуит, населявшего некогда страну Лемурию. По неизвестным причинам интуит отказались жить, но их знания не погибли и перешли к чаттакам. Цивилизация чаттаков тоже погибла — по всей видимости, это тоже было самоубийство. Но знания интуит снова не погибли — когда твои корабли возвращались к Атлантиде, среди твоих пленников был очень глубокий старик, хранивший эти знания. Возможно, он не мог умереть до тех пор, пока не передаст этих знаний. Во всяком случае, тогда ему было уже триста лет. Атлантида исчезла, и тебе пришлось плыть в Америку. Здесь старый пленник передал знания интуит жрецам Толлана, и еще одно племя — тольтеки — добровольно ушло из жизни. Затем пришел черед ацтеков. Многие удивляются, с какой легкостью Кортесу удалось поработить многотысячный народ; на самом деле для ацтеков это была не война, а самоубийство.

С приходом конкистадоров знания интуит теряются. Зловещую роль в этом сыграл инквизитор Бартоломе Лас Касас: он с фанатическим рвением уничтожил в огне все, что имело отношение к языческой ереси. Впоследствии он, однако, спохватился, и с не меньшим рвением пытался спасти то, что еще уцелело; по всей видимости, он вспомнил, кем был в прежних жизнях и зачем пришел в мир под именем Лас Касаса.

Человеческая жизнь на Земле слишком коротка: чтобы завершить начатое, человеку приходится возвращаться снова и снова. Все твои возвращения на Землю вызваны заботой о знаниях интуит. Ты уже вспомнил, что прежде был Пернатым Змеем, но еще не знаешь, почему. Я открою тебе это: цель жизни Пернатого Змея состояла в том, чтобы перевезти в Толлан старого жреца чаттаков, хранившего знания интуит. Прошло десять тысяч лет, и ты снова пришел, на этот раз под именем Бартоломе Лас Касаса. Не прихоть судьбы и не усердие в Боге забросили тебя в Новый Свет: бессмертной твоей душе не давали покоя книги тольтеков, хранившие память интуит, ты опасался, что варвары, пришедшие из-за океана, уничтожат их. По иронии судьбы, ты сам уничтожил то, что пришел спасать, а когда опомнился, было уже поздно...

Для полноты картины недостает еще одной твоей жизни — эта жизнь скрыта во тьме, но нетрудно предположить, когда и кем ты жил впервые. Это произошло в стране Лемурии, и ты был там Верховным Жрецом или Хранителем знаний интуит. Или их Богом. Иначе чем объяснить то, что ты постоянно возвращаешься, что тебе — и никому другому — постоянно

не дают покоя знания, принадлежавшие этому древнему народу, погибшему так давно, что о нем помним только мы с тобой!

Казалось бы, после гибели мексиканских текстов тебе уже нечего возвращаться — но ты пришел снова. Зачем? Ответ один — затем, чтобы вспомнить. Чтобы восстановить в памяти тексты интуит. Видимо, они очень важны, если тебе понадобилась четвертая жизнь, Никому из приходивших на Землю еще не удалось жить на ней четырежды.

В этих знаниях нечто очень важное, некая первооснова сущего. Ты должен вспомнить это — без него нам не обнаружить ошибки, которая была допущена много тысяч лет назад и в конце концов привела к гибели Мира-Города. Исправить эту ошибку я смог бы легко — я могу проникать далеко в прошлое, и для меня нет ничего невозможного.

Да пребудет с тобой Бог.

Гадир IX, Царь Атлантиды,
Великий Информатор”.

Зарра ослабила зажимы и потянулась вынимать лист; когда ее пальцы вместо обычной пустоты натолкнулись на гладкую бумагу, она вздрогнула и сорвала с глаз повязку. Ее взгляд упал на запечатанную страницу, и глаза расширились ужасом.

— Что это... Северин, что это... — пролепетала она деревенеческим языком. Хорошо, что догадался завязать ей глаза, подумал Басаврук.

— Ничего страшного. Это всего лишь текст. В большом мире очень многие печатают тексты.

— Это буквы... Это я сделала... — не слыша его, шептала девушка. — Я делала буквы... Значит, я ведьма?! Теперь меня сожгут на костре?! — Ее лицо исказила судорога, из глаз брызнули слезы.

— Успокойся, Зарра, — Северин обнял ее за плечи; она сжалась и дрожала в его объятьях, как перепуганный звереныш. — Успокойся, ты тут ни при чем, — он ласково гладил ее волосы, плечи. — Это Великий Информатор. Он использовал твои руки, чтобы написать мне письмо.

— Мои руки? — Зарра перевернула руки ладонями вверх и уставилась на них с выражением ужаса и изумления. С ее полуоткрытых губ был готов сорваться крик; Северин подальше вперед и закрыл их своими. Не переставая ее целовать, он со всей нежностью, на которую был способен, гладил и ласкал ее напрягшееся и дрожащее тело... Прошло еще немало времени, прежде чем Зарра перестала дрожать. Северин же почувствовал, что на него смотрят. Он обернулся и увидел в окнах дома напротив бесчисленные лица.

Догадка казалась столь невероятной, что он обозвал себя сумасшедшим. Покосился на Зарру — нет, она слишком красива для этого.

А если все-таки? Ведь и Кетсаль Коатль счел бы безумием сводить смысл своей жизни к доставке на другой конец света какого-то старика, о котором он так ничего и не узнал? Что, если Зарра существует только для того, чтобы передать ему весть от Великого Информатора?

Северин вспомнил пылающие города ацтеков, разбитые статуи Кетсаль Коатля и себя над ними — Бартоломе Лас Касаса, инквизитора, приплывшего обратиться в истинную веру погрязший в язычестве народ. Вспомнил, как перед ним простирались ниц огромные толпы меднолицых людей, их гордые вожди и мудрые жрецы — ведь они поклонялись ему, а не Эрнану Кортесу. Кортеса они терпели, только как рабы терпят любимого пса своего хозяина. Тогда он думал, что они поклонялись в его лице пастырю Господа, и даже слезы светлой радости выступили в его глазах. Теперь он понял, что ацтеки приветствовали не чужого Бога, а своего — Бога по имени Кетсаль Коатль — Пернатый Змей, который был с ними тысячи лет назад, ушел от них, пообещав вернуться — и вернулся. Как они могли узнать его — через столько веков, в одеждах служителя чужого культа, в незнакомом, к тому же чисто выбритом лице инквизитора?

Воспоминания из прежних жизней возвращались к нему — непроизвольно, накатами, как волна набегающая на берег. Однако из самой первой жизни он так ничего и не вспомнил — она продолжала оставаться покрытой непроницаемым мраком.

Он встал, прикрыл одеялом безмятежно спящую Зарру и начал одеваться. Было уже светло; игрушечный уют комнаты Зарры притягивал, впивался в душу кошачьими коготками и умолял остаться. В какой-то миг он подумал было забрать Зарру с собой, но тут же одернул себя — ведь он отправляется не на загородную прогулку.

Прикрыл дверь, немного поплутал по длинным одинаковым параллелепипедам коридоров, пока не вышел на свой номер. Дверь была не заперта. Приоткрыл ее — Басаврюк-позавчерашний еще спал, его смертельно бледное с похмелья лицо почти не выделялось на такой же белоснежной ткани наволочки. В его ногах на спинке кровати аккуратно висели чулки Лады. Мысль устроить временной тарарам, посетившая его вчера, после выхода из тьмы, сегодня показалась ему нелепой. И так все слишком запутано, стоит ли усложнять? К тому же Ладу уже все равно не спасти... Северин прикрыл дверь и пошел прочь. В фойе этажа почти столкнулся с Ладой. В первый миг он был ошеломлен встречей, но в следующий отметил, что Лада бледная, невыспавшаяся и на ней нет чулок.

— Как? Ты уже встал? — удивилась она.

— Нет, еще сплю, — сказал Басаврюк и пошел мимо. Лада проводила его долгим непонимающим взглядом. Северин вышел в наружную дверь и почти побежал вниз по лестнице. Зашел в ресторан, попросил выпить. Выпил, затем еще. После третьей почувствовал себя намного лучше.

Вышел в фойе и решительно направился к выходу; он еще не знал, что будет делать, но уже знал, что не ошибется. Поравнявшись с портье, резко остановился, как будто натолкнулся на невидимую стену, повернул голову и в упор взглянул на старика:

— Где выход?

Старик удивленно поднял брови и кивнул на дверь. Неужели ошибся?

— Выход из Инфора. Скажете, нет?

— А, — как-то разочарованно вздохнул портье. — Есть, конечно, но можно сказать, что его и нет.

— То есть как? — не понял Северин.

— Выход есть, но через него еще никто не вышел. Они охраняют выход.

— Кто — они? Дэзи?

— Если бы. Нет, Дэзи и не подозревают ни о чем таком. Они и думать боятся, что где-то может быть выход. А эти — это такие... такое... Демоны, что ли — иначе и назвать их как-то трудно. Так окрутят, оморчат, всего наизнанку вывернут — потом не поймешь, где у тебя глаз, где нога, где что, что у тебя внутри, что снаружи... Бр-р-р...

— Где он?

— Там, — махнул рукой старик. — Далеко. Здание такое — похоже на зиккурат. Но я бы не советовал...

— Поехали.

— Я?! Нет, что вы, я на работе. Я — штатный служащий ГУДИ и...

— ГУДИ больше нет. Лада стала Вестником, Виктор убит.

— Нет так нет, — пожал плечами портье. — Но все равно я туда не полезу. Возраст уже не тот. Не тянет, знаете ли, на приключения.

— Я пойду один. Вы только покажете мне дорогу.

— Как знаете, — пожал плечами старик. — Но я бы не советовал. Я бы туда ни за что не полез, — он вышел из своей кабины и поплелся за Басаврюком.

— Я бы тоже, честно говоря, — пробормотал Северин. — Но если тебя запихали в дерьмо, нужно же как-то выбираться? Сможете пригнать машину?

— В большом мире и не такие водил, — кивнул старик.

— В большом мире? — удивился Северин. — Вы помните большой мир?

— А что мне забывать? ГУДИ платит неплохо, так что в информаторий обращаться было незачем.

— А Информатор? Он ведь забирает все зна-

ния. А кто знает слишком много — так тех и с потрохами, — сказал Северин, вырuling на проезжую часть. — Скажете, когда поворачивать.

— Все время прямо, — сказал портье. — В том-то и дело, что нужно ехать все время прямо. Это — как в лабиринте. Чуть повернул — и вспоминай, куда ехал. Так и проплутаешь до ночи. А Информатор... Видите ли, есть знания и знания. Информатор забирает только то, что знает голова — но ведь знают еще и руки, и ноги, и глаза, и уши, и Бог весть что еще...

Северин выжимал из машины все, на что она была способна. Он изо всех сил пытался вспомнить, стояла ли "регина" у входа, когда он позавчера впервые вышел на улицу. Позже, под вечер она была — значит, старик все-таки успел ее пригнать. Но утром? Длинные пустые улицы, Ильза у ресторана, аукцион, Монастырский... Монастырский?!

Но ведь Марий и его сообщники разговаривали с ним вчера, то есть, по отношению к Северину-позавчерашнему — завтра! Вчера же Марий исчез. А если он вчера исчез, как может позавчерашний двойник Северина встретить его сегодня на площади перед информаторием?

— У вас проблемы со временем? — спросил старик.

— Да. Никак не могу понять, как может сегодня быть живым человек, который погиб вчера.

— Не забивайте себе голову, — сказал портье.

Улица стала прямой, как стрела; далеко впереди замаячил контур зиккурата. Они мчались на предельной скорости, но белый семиступенчатый храм приближался очень медленно. Привычные серые дома разбежались в стороны и прижимались к земле: так притихают и прячутся мелкие хищники, почуввав поблизости огромного грозного зверя. Нечто подобное — смутное ощущение подавленности, зарождающийся страх, ежесекундную готовность бросить все и бежать, куда глаза глядят — почувствовал и сам Северин. Зиккурат все рос и рос — они были еще далеко, а сооружение уже занимало все пространство перед ними. На боковых выступах первого из семи ярусов уже можно было различить каменных монстров — издали все эти химеры, грифоны, сфинксы, драконы и прочая нежить казались причудливыми насекомыми, однако, с каждой секундой увеличиваясь в размерах, начинали действовать на нервы.

— И кому пришла в голову чужь строить здесь все это, — раздраженно пробормотал Северин.

— А никому, — пожал плечами старик. — Зиккурат был здесь еще до Инфора.

— До Инфора?! — Северин почувствовал, как притаившийся в нем перепуганный зверь сжался в комок и зарычал.

— Ну разумеется. На строительство такой машины пришлось бы согнать весь Гулаг, да и то понадобилась бы не одна сотня лет.

— Гулаг?

— Не станете же вы всерьез утверждать, что Инфор сооружен комсомольцами из числа энтузиастов!

А ведь он знает и помнит больше, чем кто-либо в Инфоре, подумал Северин. Каким же образом ему удастся хранить все это в себе и не попасть в черную дыру? Монастырский знал намного меньше, когда его втянуло. Да и Лада вряд ли знала больше. Во всяком случае, ни он, ни она не знали о выходе. Зверь, притаившийся в Северине, задрожал и выпустил когти. Не может быть, подумал Северин, — в ряду каменных чудовищ над первой, самой нижней ступенью зиккурата ему почудилось какое-то движение. Северин еще раз взглянул туда: грифон, сидевший передом к приближающейся "регине", повернул голову и прислушался.

— Не может быть, — вслух повторил Северин. Его руки дрожали.

— Я же вам говорил, — сказал старик. — Они охраняют зиккурат. Может, вернемся?

— Но как... Ведь они — из камня...

— А, эти? — старик взглянул на изваяния. — Эти — из камня. Но есть и другие — те вообще неизвестно из чего. Говорю же вам — еще никто не прошел. Так что — будем поворачивать? Может, мне сесть за руль?

— Нет, — процедил сквозь зубы Северин. Он уже понял: тот, кто внутри него сжался в комок, был вовсе не зверь. И Северин уже понял, кто это — это был четвертый, который был первым. Тот, кто был прежде Северина Басаврюка, прежде Бартоломе Лас Касаса, прежде Кетсаль Коатля. И он уже вспомнил имя — его звали Питай Зу-г-Л, что на каком-то древнем, давно погибшем языке тоже значило "Пернатый Змей".

— Меня зовут Пернатый Змей, — сказал он вслух и взглянул на старика. Тот внезапно вздрогнул и съехался, его лицо из бледно-серого стало бледно-зеленым. — Что с вами?!

— Н-ничего, — сказал старик изменившимся, осипшим голосом. — Просто змей, который дал женщине плод древа познания, тоже был пернатым.

13

Северин проводил взглядом "регину", которая на огромной скорости уносила прочь странного портье, и обернулся к зиккурату.

У самых его ног начиналась лестница — она была в полтора метра шириной, и по обе стороны ее сидели грифоны, каждый ростом со взрослого слона. Лестница состояла из семи пролетов, и каменные монстры сидели на парапетах каждой площадки между пролетами. Далеко вверху — общая длина ее составляла не менее полукилометра — лестница упиралась

лась в колонны, между которыми затерялся вход в зиккурат.

Северин сжал в кармане рукоять пистолета и пошел по лестнице. Произошло какое-то движение; краем глаза он увидел, что грифон справа от него встал на четыре лапы и вытянул голову. Адским пламенем блеснул рубиновый зрачок, раздался мощный орлиный клекот. Ему тотчас ответил второй грифон: он заклекотал, вскочил и расправил крылья. Оба зверя прыгнули на лестницу; в миг, когда их лапы коснулись ступеней, дрогнула земля. Северин оглянулся — они шли за ним, гигантские орлиные клювы хищно приоткрыты, исполинские львиные лапы ступали почти неслышно, хотя были из камня, полураскрывшиеся крылья подрагивали на ходу. Северин ускорил шаг — но то, что заставило его сделать это, уже не было страхом. Он вышел на первую площадку между пролетами лестницы, и грифоны, с которыми он поравнялся, с победным клекотом очнулись от тысячелетнего каменного сна. У Северина точно выросли крылья, он уже почти бежал вверх по ступеням, не чувствуя земли — точно не поднимался, а сбегал вниз. С каждым шагом он чувствовал себя уверенней, с каждым шагом в нем оставалось все меньше Северина Басаврюка — его место заполняла сущность Пернатого Змея Питай Зу-г-Ла, древнего Бога, которому поклонялись интуит, чаттаки и тельтеки. Вторая пара грифонов прыгнула с парапета и присоединилась к первой; каменные звери, восседавшие наверху первого яруса храма, пришли в движение, послышались рев, клекот, вой, рык, трехглавый дракон на петушиных ногах приковылял к краю террасы и прыгнул, расправив крылья, за ним, издав ликующий рев, взмыла в воздух грациозная сфинкс, потом грифон, за ним еще, за грифонами — крылатый бык с бородатой человеческой головой. Химеры и другие чудовища, не имевшие крыльев, ринулись по лестницам, которые, подобно лучам, сходились у заслоненного колоннами входа в святилище. Грифоны, сфинксы, крылатые быки, драконы, птицы с головами зверей и звери с крыльями и головами птиц, весь этот каменный бестиарий опускался на лестницу за спиной Басаврюка и направлялся за ним; от поступи чудищ, самому хлипкому из которых Басаврюк был едва до колена, дрожала земля. Но вот до колонн остался всего один пролет, и за ними четко обозначился арочный проем. Невыносимо яркий малиновый свет полыхнул в арке, колонны на несколько мгновений затагнуло малиново клубящимся дымом, а когда дым начал рассеиваться, сквозь него проступили уже не колонны.

Наверху лестницы, образовав живую стену, стояли великаны, облаченные в воинские доспехи. Они были столь огромны, что самое крупное из чудовищ, следовавших за Северином, едва достигало им до пояса. Их тела до середины бедер были защищены мерцающими

кольчугами, каждый из них держал в руках вогнутый прямоугольный щит с шишаком посредине и длинный светящийся меч. Северин остановился и обернулся назад — несметная каменная орда заполнила всю лестницу, до самого низа. Передние остановились в нерешительности, но Северин взглянул на их оскаленные, рычащие, клекочущие морды и лица и понял: они остановились не потому, что испугались горстки великанов, а только потому, что остановился он сам, Пернатый Змей Питай Зу-г-Л, их повелитель. И Северин — это был уже не он, а Питай Зу-г-Л — простер вперед руку и завопил:

— О-в-в-в-э-э-э... о-элгр-р-р-р-р!

Раздался ликующий рык, рев и клекот, захлопали каменные крылья, и несметная сила Зу-г-Ла разом ринулась на врага. Крылатый человекобык подошел к Северину и лег, Басаврюк взобрался на его загривок. Наверху уже кипело сражение. Великаны рубились ожесточенно и бесстрашно, их светящиеся мечи вонзались в камень, как в податливую плоть — но слишком неравными были силы: на каждого воина сразу бросалось по несколько зверей — снизу, сверху, со сторон; он каким-то чудом успевал отбиться — а поверженных монстров уже заменяли новые. Изрубленные звери кубарем катились вниз по лестнице, сбивали с ног наступавших, угрожали обернуться лавиной, Северин что-то крикнул на ухо могучему человекобыку под собой, и тот взмыл в воздух. Он снова обернулся к своему воинству и воскликнул:

— У-в-в-в-а-а-а... гва-й-йя-хьяр-р-р-р!

Снова раздался ликующий рев и клекот, и неисчислимая стая крылатых чудовищ поднялась в воздух. С новой силой обрушились они на врага. В какой-то момент Северин обнаружил, что сжимает в руке пистолет; он прицелился в глаз великану, который прикрывал центр и сражался ожесточенней других. В адском реве и грохоте выстрел был почти неслышен; однако по тому, как великан заревел, отбросил щит и схватился за глаз, Северин понял, что попал. На плечи подстреленному тотчас опустился могучий грифон и несколькими ударами каменного клюва расщепил ему череп; фонтанами хлынула кровь, воин испустил предсмертный вопль, зашатался, рухнул ниц и покотился вниз по ступеням. Его товарищи поспешно сомкнули ряд, однако к этой минуте подоспели химеры, махайродусы, гигантские медведи и другие чудовища, спускавшиеся со стен по боковым лестницам. Чудовищной лавиной они ударили в спину защитникам зиккурата, и великаны рухнули, как срубленные деревья; спустя еще несколько мгновений все они были затоптаны насмерть каменной ордой. Северин издал победный крик, тотчас подхваченный всем его воинством; предводитель направил человекобыка в проем арки, излучающей все тот же малиновый цвет.

Арка оказалась жерлом тоннеля, в котором царил малиновая полумгла. Тоннель был длинным и прямым, как труба; выход из него обозначился далеко впереди светлым пятнышком величиной с острие иголки. Северин потропил человекобыка, и тот понесся вскачь по туманному жерлу; за спиной послышался топот остальных. Вновь задрожала земля: от ударов множества ног она пришла в движение, как будто неслись не по каменной тверди, а по топкому болоту или по шатким мосткам. Этот дикий галоп переполнял Северина ощущением безмерной мощи — словно сила, исторгаемая каменными исполинами, была его собственной человеческой силой. В сущности, так оно и было — пока над ними тяготело тысячелетнее заклятие, пока они были камнем, Питай Зу-г-Л был их единственной живой плотью, единственным существом, через которое они могли чувствовать.

...Северин на своем скакуне вылетел из тоннеля, и перед ними открылись новое небо и новая земля далеко внизу, у подножия лестницы. Небо было окрашено в малиновый цвет, в нем было даже солнце — но это было чужое солнце, оно было бледно-розовым и удлинённым, точно гандбольный мяч. И птицы, которые стремительными стаями пронеслись в этом небе, были чужими птицами, таких на Земле никто никогда не видел — они со свистом рассекали воздух, их крылья зловеще отсвечивали на солнце, точно были отлиты из металла. И земля внизу, мрачная, голая, затянута дымками, с редкими зеркалами озер из пузырящейся магмы, была такой же чужой человеческому глазу. Лестница между тем вела дальше вверх — она оставляла внизу второй и третий уступы зиккурата и ныряла в арку четвертого яруса; она была такой длинной, что там, где терялась в проеме арки, отсюда казалась не шире нитки, продетой в игольное ушко. Северин потрепал человекобыка по каменной гриве, и скакун, не знаящий устали, понес его вперед и вверх. Каменная толпа вырывалась из горла тоннеля и неслась за ними вслед.

Они уже проскакали полпути, когда внезапно упала тьма. Северин взглянул на солнце и не увидел его: все небо в той стороне заслонили птицы. Они летели, почти касаясь друг друга кончиками крыльев, в несколько слоев; приближался нервный гул, напоминающий усиленный во много тысяч раз шум пчелиного роя. Северин обернулся и закричал:

— У-и-и-ий... йя-хья-хар-р-р! Хар-р-р!

Все, кто имел крылья, взмыли в воздух; спустя несколько мгновений продолжавшие скакать были защищены летящей каменной стеной. Еще через минуту стена задрожала под ударами. Эти птицы и вправду были железными: их могучие острые клювы вонзались в камень, как в масло, их удары были столь мощны, что поражали врага с первого раза. Точно тяжелые бомбы, сыпались с неба грифоны,

драконы и сфинксы; достигая земли, их тела легко, как яичную скорлупу, пробивали тонкую кору и выплескивали фонтаны магмы. Лишь некоторым удавалось выдерживать натиск железных обитателей второго неба; изловчившись, они увертывались от страшных клювов и настигали птиц мощными ударами лап; но этих птиц было так много, что уже через несколько минут невиданного воздушного боя Северин понял: здесь не будет победы. Ожесточенно дралась рать Питай Зу-г-Ла, но слишком неравными были силы. Когда до спасительной арки оставалось каких-нибудь полкилометра, железные птицы прорвали стену и ринулись на тех, кто был на лестнице. Сразу несколько их атаковали Северина, сидевшего на шее человекобыка; если от первой птицы он успел увернуться, едва не свалившись со своего скакуна, то от второй его лишь чудом спас смертельно раненный грифон, рухнувший сверху прямо на голову железному чудовищу, разверстый клюв которого был уже в полуметре от Северина. Третья птица опустила на спину человекобыка, вонзив когти в то место, откуда росли крылья; она высоко занесла свой клюв для сокрушительного удара — но в этот самый миг человекобык влетел в арку, и голова пернатого чудовища, не вписавшись в пролет, отлетела от тела.

Северин перевел дыхание и взглянул вперед; это снова был тоннель, и он был таким же длинным, как и первый, но намного темней; и крохотное пятнышко света в конце его было темно-синим.

Когда человекобык с Северином на спине вынырнул из тоннеля, они снова оказались в другом мире: здесь небо было темно-фиолетовым, и в нем пылали огромные лохматые звезды. Земля терялась так далеко внизу, что города, проступавшие на ее растрескавшейся коре, казались игрушечными; эти города излучали слабый свет, но светились не окна и не фонари на улицах: светились строения и земля между ними. Они были мертвы, эти города, как и вся эта земля: в глубочайших трещинах, которые, подобно паутине, покрывали всю поверхность, не теплился даже слабый огонек магмы.

А лестница снова вводила ввысь, и снова — так далеко, что об этом можно было только догадываться — ныряла в арку зиккурата; и это был седьмой, последний ярус, потому что еще два осталось внизу, под лестницей.

Железные птицы погубили треть воинства Зу-г-Ла. Но еще и теперь он чувствовал за собой силу, которая могла сокрушить Вселенную. Эта рать не знала ни радости побед, ни горечи поражений — ее вела только воля предводителя. Подобно лавине, несущейся вверх, грохотали они по ступеням; каменная поступь их лап и копыт сотрясала звезды.

Вскоре впереди, в арочном проеме, забрезжил свет. Он становился все ярче, разгорался

все шире; вот он уже как большая звезда, вот уже затмил звезды; лучи из арки струились в пространство, один из них падал на лестницу, так что казалось, будто диковинная конница Зу-г-Ла возносится вверх по лучу. Это странное видение посетило многих, кто умел смотреть. Видели они и то, что произошло потом: точно огромные хлопья светящегося снега, из арки полетели ангелы; они кружились в воздухе и выстраивались на лестнице, преграждая путь каменному воинству. Грозно шуршали белые крылья, светились ризы, сверкали огненные мечи в руках, негасимым огнем пылали суровые взоры Ратников Неба. Остановился каменный бык с человеческой головой, замер человек у него на шее. Позади них застыла вся каменная рать — крылатые львы с головами женщин, птицеглавые грифоны, юркие темнокожие химеры, громадные птицы с головами слонов, драконы и прочие чудовища. Так они стояли друг против друга — Светлое Воинство Создателя Космоса и беспорядочно громоздящиеся, точно застывшие каменные волны, силы Хаоса.

И тут зрящие духом явственно увидели, как между двумя воинствами, пронзительно медленно взмахивая широкоими вогнутыми крыльями, пролетел Ангел Необъяснимого.

Предводитель чудовищ поплескал по шее своего скакуна, шепнул ему что-то, и человекобык лег на ступени. Человек сошел с него и пошел к ангелам; на полпути он остановился и что-то сказал на непонятном языке. Предводитель ангелов вздрогнул и отпрянул. Затем, медленно засовывая меч в ножны, отделился от своих, остановился в двух шагах напротив пришедшего от чудовищ и какое-то мгновение тревожно вглядывался в его лицо. Затем всхлипнул, они шагнули друг к другу и слились в объятьях. Так они стояли очень долго, и только плечи их вздрагивали от рыданий. Затем отпрянули друг от друга и пошли каждый к своим. Предводитель чудовищ снова взобрался на шею человекобыку, и тот встал. Предводитель ангелов что-то сказал своим, и белое воинство взмыло в воздух, уступая дорогу каменным пришельцам...

...Когда они выехали из последней арки, все заполнил Свет; он был таким ярким, что невозможно было смотреть не только вперед, но и в противоположном направлении. Северин ехал, опустив лицо. Он не боялся ослепнуть — боялся растаять, раствориться в Свете, как растворяется всякий дух, всякая сущность перед ликом Господним.

Наконец, когда Свет стал настолько ярким, что его не мог вынести даже камень, человекобык остановился, и Северин услышал голос:

— Зачем ты пришел, Пернатый Змей? Что нужно тебе от Меня?

Северин окинул взором тех, кого привел за собой, и закричал — однако голос его прозвучал почти неслышно, как шелест ветра:

— Верни им плоть и разомкни кольцо...

— Развязать кольцо можно только соединив его с другим кольцом и обратив в бесконечность. Если ты сделаешь это, ты сможешь вернуть жизнь не только этим, но всем, кого обратил в камень, замкнув кольцо.

И тогда он спросил, едва шевельнув губами — но его шепот прозвучал, как раскаты грома:

— В чем вина моя, Господи?!

— Ты дал людям то, из-за чего они покинули Рай и пошли искать свои пути. Ты позволил им забыть знания, которые в Начале Я дал всем — и людям, и зверям, и траве, и камню, и им пришлось заново, по слогам составлять вселенную — так разбивший зеркало пытается собрать его из пылинок стекла. Ты позволил им поставить разум над любовью, знания, запечатленные в знаках — над знаниями, запечатленными в сердце. Ты дал им страшное оружие, которое одних убивает, а других обращает в камень. Ты дал им то, с чем не в силах совладать даже Боги. Ты дал им буквы, Пернатый Змей.

— Буквы?..

— Да, ты дал им двенадцать букв, магические письмена интуит, — продолжал Голос. — Люди из племени интуит вовремя поняли, какую опасность таят в себе эти буквы, и все они в один день умерли, чтобы унести с собой в могилу тайну этих букв. Но был один отступник, которого ты спас, и он передал письмена интуит чаттакам. Так ты погубил еще одно гущественное племя — ибо и чаттаки предпочли смерть страшному знанию. И снова остался один, кто не последовал со всеми. Тогда ты вновь вернулся на землю, завладел плотью человека, который носил одинаковое с тобой имя — Пернатый Змей Кетсаль Коатль, и передал эту живую книгу жрецам тольтеков. Ты отяготил свою душу гибелью еще двух народов — тольтеков и ацтеков. Затем, когда к берегам Америки подошли испанские корабли, ты снова вырвался из пучин Макабра и снова попытался спасти письмена древних магов — но на этот раз опоздал, буквы интуит исчезли и больше никогда не появлялись на земле. Но теперь ты опять пришел на землю. Зачем?

— Я должен разомкнуть кольцо и вернуть плоть обращенным в камень! — закричал Северин; человекобык под ним зарычал и попятился.

— Тебе будет дано время. Ты сможешь разомкнуть кольцо и вернуть к жизни обращенных в камень. Ты сможешь вернуть себе свой первоначальный облик. Но сперва ты должен искупить свою вину: ты канешь в пучину Макабра, на самое дно, и проведешь там сто тысяч лет. За это время твоя душа очистится от мрака, и ты сможешь возродиться для Света, Пернатый Змей.

Свет начал стремительно меркнуть, вскоре он погас, и только клочья его, точно диковинные бестелесные птицы, плавали в сером про-

странстве. Северин взглянул вперед и увидел огромный провал; провал стремительно расширялся, пожирая пространство, лестница ступень за ступенью осыпалась в него со скоростью падающих друг на друга костяшек домино. Человекобык под Северином захрапел, попятился и, теряя опору для передних ног, взвился на дыбы; Северин каким-то чудом успел ухватиться за его шею, и в этот миг все окутал непроницаемый мрак.

14

Первое, что он почувствовал, придя в себя, была невыносимая боль в руках.

Он уже не владел ими, и руки начинали скользить по гладкому камню.

Тьма растаяла, и он увидел перед собой разверстую пропасть. Это был не Макабр — это была улица какого-то города, может быть, площадь. Площадь была заполнена людьми — отсюда они казались муравьями и копошились, как муравьи.

Присмотревшись, Северин обнаружил, что на их плечах вместо человеческих голов торчат смешные длинные мордочки. Эти существа тыкали вверх короткими трескучими палками с пляшущими огоньками на конце. Стреляют, понял Северин. Услышав характерный свист пуль вокруг, догадался, что стреляют по нему.

То, во что он вцепился, по-прежнему было шеей огромного, в нескольких слонов ростом, каменного человекобыка, вздыбившегося на самом краю крыши очень высокого дома, скорее даже дворца. Передняя часть туловища монстра нависала над пропастью, так что перспективы свалиться или спрыгнуть на крышу у Северина не было — хотя и такой высоты оказалось бы достаточно, чтобы переломать кости.

Чуть приподняв голову, он видел впереди, на почтительном расстоянии, крыши других домов, везде, во все стороны — одни крыши. Очевидно, здание, на котором он теперь находился, было самым высоким под этим бледным небом. Неба Северин не узнал — впрочем, оно было почти таким же, как небо Инфора. Зато некоторые из крыш разбудили в нем воспоминания из прежних жизней: он узнал вдали двухскатную, уставленную изваяниями каменных чудовищ крышу Храма Посейдона, дальше — овал театра, еще дальше — громоздкие строения порта. Какие теперь корабли заходят в каменные ворота его гавани? Конечно, в городе полно было и других зданий, которых он не помнил — но эти более поздние строения были значительно ниже, и на их крышах не громоздились стада каменных чудовищ, как на величественных сооружениях, помнивших его молодость. Ибо это была Посейдония — столица Атлантиды, родина Кетсаль Коатля, город, в который он однажды не вернулся.

Он взглянул вниз и узнал площадь: на ней возвышалась статуя Гадира Первого, царя Ат-

лантиды. Следовательно, здание, на котором вздыбился человекобык с Северином на шее — Цитадель Царей Атлантиды, последний оплот Великого Информатора. Должно быть, эти прямоходящие зверьки внизу — и есть бесплечие гуллапы, о которых сообщил ему Гадир Девятый? Значит, они уже в Цитадели. Хотя, похоже, стреляют не только они и не только по нему.

Он еще раз посмотрел вниз, теперь — глазами Северина, и был поражен грандиозностью сооружения, на котором висел. Цитадель была сложена из тщательно подогнанных друг к другу каменных блоков, каждый из которых был величиной в небольшой двухэтажный дом. Как могли атланты с их примитивными технологиями сооружать такие громады?

Но в следующий миг в нем ожил Кетсаль Коатль, и он вспомнил, что те, кто называл себя атлантами, вовсе не были ни аборигенами Атлантиды, ни строителями ее городов.

Гадир Первый был предводителем древнеахейского племени пеласгов, которых стихийные бедствия и воинственные соседи вынудили покинуть родные берега. Долгие месяцы скитались пеласги по морю, пока перед их изумленными взорами не открылись дворцы и храмы Посейдонии. Несколько дней шли мореплаватели вдоль берега, опасаясь враждебной встречи — но ни один человек, ни одно существо не показалось на берегу. Атлантида оказалась покинутой, покинутой давно и непонятно почему — нигде не было ни разрушений, ни следов пожаров, ни свидетельств нашествия — да и кто осмелился бы напасть на людей, соорудивших такие города?

Затаив дыхание, шли пришельцы по мостовой из огромных гладко отесанных плит мимо циклопических сооружений, с крыш которых, точно живые, свисали каменные чудовища...

Северин застонал и заскрежетал зубами: он вспомнил...

Он оглянулся на крышу Цитадели: их здесь были сотни, тысячи, они застыли в таких неожиданных позах, с такими выражениями человеческих лиц, звериных и птичьих морд, какие не в силах был воспроизвести ни один художник, как бы он ни был гениален. Он оглянулся еще дальше и увидел далеко позади себя, за крышами древних и новых домов главное их сооружение — зиккурат, лестницу, ведущую к Богу...

...Его тогда тоже звали Пернатый Змей. Но тогда его звали так впервые, и он действительно был крылатым змеем с головой человека.

Он был молодым Творцом молодого мира.

Он сам нашел эту прекрасную, покрытую океаном планету. Он поднял со дна океана землю и вырастил на ней великолепный сад.

Он создавал для этого юного мира прекрасные существа. Здесь были и могучие быки с головами людей, и грациозные птицельвы, и

гибкие темнокожие химеры, и крылатые драконы с несколькими головами, и многие, многие другие великолепные создания — он не жалел для них ни буйной фантазии, ни пестрых красок, ни могучей жизненной силы. Он вдохнул в них жизнь и выпустил это пестрое племя на просторы планеты-сада. Он завещал им жить в мире и любви и покинул их...

Когда он через десять тысяч лет вернулся на Землю, он не узнал ее: ее луга превратились в поля, вдоль рек и по всему побережью выросли города — крыши их домов упирались в небосвод. По морю плавали огромные корабли, от города к городу протянулись широкие мощенные камнем ленты дорог.

Волгры — так называли себя существа, созданные им — жили в любви и согласии. Они создали развитую цивилизацию, которая отличалась высокой культурой и великолепным искусством. Они жили небольшими, по одной особи каждого вида, семьями; такую семью могли составлять человекобык, лемуруптерикс, грифон, сфинкс, киноцефал — то есть существа, обладающие самыми различными физическими данными: большие, маленькие, ловкие, цепкие, сильные, зоркие и так далее. Вместе такая семья составляла великолепный ансамбль, способный решить любую задачу — от плетения тонких кружев до строительства зданий, крыши которых достигали облаков. Детей у волгр не было — они не знали плотской любви. Они не нуждались в продолжении рода, поскольку Пернатый Змей создал их бессмертными. Если же ко всему добавить, что каждый вид волгр обладал собственным складом мышления, то можно представить, какой интеллектуальной мощью обладала их цивилизация.

К тому моменту, когда Пернатый Змей вернулся, волгры уже завершили планетарный этап развития и взоры их обратились к небу. Однако в отличие от большинства технократических цивилизаций с олимпийским принципом развития — быстрее, выше, дальше, — мысль волгр не заикнулась на притяжении планет, излучениях звезд и кружении миров. Они решили построить зиккурат — храм-лестницу, которая бы вела к небу Сверхсуществ. Пернатый Змей застал зиккурат уже почти построенным.

Они не забыли его и встретили с почестями, как своего творца — однако с самого начала Пернатый Змей почувствовал, что он и его создания недопонимают друг друга. Они ничего не скрывали от него; наоборот, с юношеским пылом и потаенной гордостью — так дети хвастают перед отцом своими успехами — они рассказали ему о своих открытиях, достижениях, о лестнице в небо. И Пернатый Змей, как отец, снисходительно выслушивал их и терпеливо объяснял, что небо — это совсем не то, чем они его представляют, что каждая звездочка в нем — это солнце, вокруг которого вра-

щаются десятки планет, подобных Земле, что нет никакой небесной тверди и так далее.

И тогда они повели его в зиккурат.

Они поднялись по лестнице и вошли в арку, которая оказалась входом в очень длинный тоннель. Когда они вышли из тоннеля, над ними было новое небо и новая земля внизу под лестницей. Земля была голой и неприветливой, с редкими озерами дымящейся магмы; в тяжелом малиновом небе, точно в крови, купалось дынеобразное розовое солнце.

Пернатый Змей был ошеломлен; противоречивое чувство восхищения своими созданиями, гордости и страха за них переполняло его. Непостижимым образом волграм удалось уплотнить пространство до такой степени, что расстояние, которое луч света преодолевал за сотни тысяч лет, покрывалось в считанные минуты; они вторглись в миры Богов с такой же легкостью, с какой сами Боги вторгаются в бранные миры водимых ими существ.

Пернатый Змей начал уговаривать волгр остановиться, не достраивать зиккурат: обитатели высших миров бывают очень жестоки к тем, кто посмеет к ним добраться. Но волгры беспечно смеялись в ответ — они не знали слова "жестоким". Они повели его дальше и показали ему остывшую землю с руинами городов и фиолетовое небо в огромных, как яблоки, звездах. И снова Пернатый Змей убеждал их прекратить строительство: вскоре за этой вселенной начнутся владения Парящего в Свете, а Саваоф приходит в бешенство, если кто-то осмелится явиться перед ним иначе, чем распростершись ниц. Но волгры опять не поняли его: они не знали, что значит "приходить в бешенство", а "простираться ниц" они поняли, как "кувыркаться", и это снова их развеселило. Они подвели его к последнему, седьмому ярусу и показали черное жерло арки в нем. Еще совсем немного — и тоннель будет пробит, — сказали они. Пернатого Змея охватил ужас. "Не делайте этого! — закричал он. — Он... Он страшно накажет вас... Он поразит вас всех лютой смертью!" Но волгры опять беспечно смеялись: их никто никогда не наказывал, и они не знали, что значит "смерть".

Они пробили стену и добрались до Света, но Свет ослепил их.

Разверзлись хляби небесные: хлынул ливень, который не прекращался ни на минуту и лил сорок дней и сорок ночей. Вся Атлантида — поля, леса, луга, холмы, улицы городов — оказались под водой. Только крыши самых высоких зданий оставались над водой; на этих крышах и спаслись от потопа обитатели Атлантиды.

Пернатый Змей умолял Бога пощадить неразумных. Но Парящий в Свете был непреклонен.

Несколько часов над Атлантидой светило солнце; затем его снова закрыли тучи. Эти тучи были багровыми и ворочались с таким грохотом, будто кто-то перекачивал по небу ог-

ромные жернова. Из этих туч на растерянных и напуганных волгр, облепивших возвышающиеся над водой крыши, хлынул огненный ливень. Так они впервые узнали боль. Стенания и вопли несчастных достигли неба; волгры извивались и корчились в огне, прыгали в воду, чтобы хоть немного облегчить невыносимые страдания — но вода не спасала, она тоже кипела под огненным ливнем. Несколько дней длилась эта чудовищная пытка — и никто из волгр не умер, ибо они были бессмертны.

И снова Пернатый Змей пал ниц к стопам Парящего в Свете, и снова умолял пощадить волгр. "Как, они еще живы?" — удивился Тот. Он глянул на Землю и увидел их, корчащихся в муках на доковинных каменных островках.

И тогда Он послал на них третий дождь, и обратил их в камень.

После того, как схлынули воды потопа, Парящий в Свете поднял со дна новую землю и заселил их хлипкими голыми уродцами, которых создал по Своему образу и подобию...

...Пуля гуллапа впиалась ему в кисть, и Пернатый Змей взвился от боли. Он уже не мог держаться и заскользил по спине каменного человекобыка. Какой-то миг висел, вцепившись в простершееся над бездной огромное каменное копыто, затем камнем полетел вниз. Падая, он еще попытался расправить крылья — но вспомнил, что в этом своем рождении он такой же бескрылый голый уродец, как те, кому он мстит уже много тысяч лет.

15

Грохот боя приблизился и разрастался: трещали автоматы, ухали пушки, гремели взрывы. Время от времени сквозь разговор оружия доносился воинственный лисий визг.

Северин очнулся в странном, размерах с большой пассажирский лифт, помещении без окон и дверей. Он полулежал в чем-то, похожем на кресло. Спиной к нему, у одной из стен, стояла женщина в светлом комбинезоне. Эта стена была прозрачной и выходила на улицу. Сквозь нее можно было увидеть панораму сражения. Несметные полчища гуллапов сплошной лавиной накатывались на Цитадель. Ее защитники — рослые зеленокожие люди — пытались остановить их огнем лучеметов, но уже было ясно, что гуллапов не остановить. Лучеметы гасли один за другим, точно горящие спички, брошенные в бурлящие волны.

Женщина повернулась к Северину — это была Лада.

— Лада?!

— Нет, — сказала женщина. — Но хорошо, что ты ее узнал. А то после падения с крыши Цитадели твоя память могла немного и расплестаться — вместе с мозгами. Какого черта ты туда полез?

— Падение?! — Северин пошевелил ногами, руками, пальцами, плечами — но нигде в теле

не почувствовал даже легкого ушиба. — Не может быть... Как... как же я выжил?

— А ты и не выжил. Мне пришлось воскрешать тебя из мертвых — сам знаешь, почему. Для меня действительно нет невозможного.

— Ты... — Северин изумленно смотрел на Ладу.

— Да, я — Великий Информатор. С тех пор, как произошла катастрофа, тело Гадира Девятого перестало существовать, и я пребываю в телах и сознаниях Вестников. Человека, накопившего критическую массу знаний, притягивает черная дыра, вместе со знаниями из него улетает душа, и он становится Вестником — еще одним телом Великого Информатора. Раньше нас было много, но теперь убиты все, кроме Лады и Ариобала. Мы должны успеть, пока живы эти двое — иначе мое сознание окажется замурованным в накопителях, и тогда что-либо сделать будет очень трудно. Ты нашел ошибку?

— Да, — сказал Северин. Великий Информатор обернулся к стене, за которой продолжалось сражение; на улице уже захлебывались огнем последние лучеметы, гуллапы грозной волной поднимались вверх по монументальной лестнице Цитадели.

— Они уже в здании, — Лада перешла к стене напротив, сделала какое-то движение рукой, и эта стена стала прозрачной. За ней замелькали длинные высокие коридоры, лестничные пролеты, двери, фрагменты интерьеров. — Это — движущаяся комната, бокс-мобиль. Мы отступаем вверх. Так что же это была за ошибка?

— Берегись! — крикнул Северин, выхватывая пистолет, но поздно: гуллап с автоматом наперевес выскочил из ниши коридора и открыл огонь. Комбинезон на груди Лады прошил кровавый пунктир, и она упала. Бокс-мобиль, раздавив гуллапа, понесся дальше. Несколько секунд спустя откуда-то из стены позади Северина вышел высокий меднолицый человек.

— Это опять я, — сказал он; бокс-мобиль продолжал нестись по коридорам и лестничным пролетам. — Ариобал, последний дубль Великого Информатора. В чем заключалась ошибка, Пернатый Змей?

— Это не имеет смысла, — пожал плечами Северин. — Я видел твою силу и верю, что ты можешь все, даже забираться глубоко в прошлое. Но здесь и ты бессилён что-либо сделать. Единственное логическое завершение сложившейся ситуации — информационный взрыв. Иначе все теряет смысл. Мы все здесь замурованы, наша свобода — это свобода поступать так, как кому-то нужно, свобода рабов. Вне этого вся наша сила превращается в блеф, в картонные декорации. Ты не сможешь даже отправить меня на Землю.

— На Землю? — удивленно переспросил Великий Информатор; его губы скривились в горькой усмешке. — Напротив: я очень хотел

бы увидеть ту силу, которая в состоянии покинуть Землю. Дело в том, что все, что бы ни происходило, происходит на Земле. И этот наш разговор, и то, что будет после него, и то, что было прежде. Это и есть вопрос, на который я не могу найти ответ. Почему?! — В его голосе слышалась нарастающая злость. — Почему это так, почему все происходит на Земле? Почему — куда бы мы ни попадали, в какие бы отдаленные слои пространства и времени нас ни заносило — все равно мы остаемся на Земле? Почему — сколько бы ни было звезд, галактик, вселенных, какие бы чудовищные существа на них ни обитали — все это все равно происходит на Земле? Сириус, Млечный путь, Магеллановы облака, туманность Андромеды, галактики, метagalaktики — как все это может поместиться на крохотной планетке под названием Земля? Миры духа, Горние Миры, Макабр, Информвселенная, бесчисленное множество других миров и антимиров — как, каким образом способна заключить в себе все это маленькая полудикая планетка?! Начало Вселенной — и ее гибель, зарождение и смерть духа, жизни, добра, зла, все, что было, что есть и что будет — почему?! Почему ни одно — даже крохотное, даже незначительное — событие не может произойти вне Земли?! Почему никто и ничто, какими бы ни были его скорости и размеры, не существует вне Земли?! Почему даже понятия — "что", "где", "когда", "как", "почему" — уже означают "на Земле"? Почему мы не только мыслью, но даже словом не можем покинуть Землю?

Бокс-мобиль остановился на крыше Цитадели. Великий Информатор и Басаврюк вышли из него и, пробираясь сквозь лес ног каменных исполинов, подошли к краю крыши. Северин задрал голову — над ним, взвившись на дыбы, стоял тот самый человекобык, с которого он сорвался.

— Я отвечу на твой вопрос, — кивнул Северин. — Потому что ничего этого нет. Ничего — ни звезд, ни вселенных, ни смертей, ни рождений, все это — блеф, декорация для нашего диалога. Но и этот наш диалог — тоже блеф. Потому что... потому что мы узники, мы заживо замурованы. Но наша тюрьма — не Земля. Мы замурованы в слово. Собственно говоря, нас тоже нет. Вернее, мы существуем — но не так, как об этом думаем. Мы — существа не из плоти и крови.

— Но из чего же мы тогда?

— Из букв. Из этих проклятых смешных за-

корючек, которые люди придумали себе на погибель. Мы с тобой — персонажи фантастической повести.

Информатор вздрогнул; затем поднял руку ладонью вверх, и в небе над ними повис светящийся диск. Едва заметное движение поднятой руки, и пилот дисколета — могучий зеленокожий человек в комбинезоне — тотчас возник перед ними на крыше, всем своим видом выражая готовность выполнить любой приказ.

— Убей автора, — приказал Великий Информатор.

— Слушаю и повинуюсь, — отчеканил пилот и растаял. Секундой позже исчез и светящийся диск.

— Не опоздает? — с сомнением спросил Северин.

— Нет, — сказал Информатор. — Это займет считанные секунды.

Но Басаврюк уже не слышал — его взгляд был прикован к каменному грифону, который стоял метрах в десяти за спиной Информатора. Северину показалось, что цвет кожи чудовища начал быстро меняться. Грифон повернул голову и прислушался. Адским пламенем полыхнул рубиновый зрачок.

— Кольцо разомкнуто! Они оживают! — крикнул Северин, выхватывая пистолет. Он выстрелил в упор, затем еще раз, еще — и последний дубль Великого Информатора, разбрызгивая кровь, рухнул на крышу. Радость переполнила грудь Северина — однако мощный удар в спину бросил его ниц на труп Информатора. Это человекобык, оживая, попытался на задних ногах и слегка задел его.

Северин попытался встать — но не смог: у него уже не было ни рук, ни ног, только длинное змеиное туловище с крыльями орла и головой человека. Он снова был Пернатым Змеем!

Из его горла вырвался ликующий вопль. Но вопль оборвался: человекобык, продолжая пятиться, наступил на голову Пернатому Змею. Черным кнутом взметнулось змеиное тело, судорожно сгорбились крылья — и древнее божество испустило дух под копытом одного из тех, кому оно теперь уже во второй раз даровало жизнь.

Мне кажется, читатель, ты уже понял, что кольцо разомкнулось не в тот миг, когда под окном твоего автора возник светящийся диск, и не тогда, когда из последнего тела Великого Информатора вытекла жизнь — но только теперь, когда ты прочел эти строки.

Владислав КРАПИВИН

Пионерско-готический роман, тинейджеры и "обескураживающие повторы"

(О критике г-на Р. Арбитмана)

О молодом и подающем надежды критике Р. Арбитмане я услышал пару лет назад на празднике "Азлита", от любителей фантастики. Они рассказывали, что вышеупомянутый знаток фантастического жанра любит по отношению к своим книгам употреблять выражение "пионерско-готический роман".

Оговорюсь сразу: господин Арбитман не претендует здесь на авторство и приписывает этот термин критику Андрею Энтелису. Но я ничего никогда не слышал об А. Энтелисе, а г-н Арбитман эту полюбившуюся ему формулировку использует неоднократно. Поэтому претензий к г-ну Энтелису у меня нет. А к г-ну Арбитману есть.

Впрочем, сначала не было. Само по себе это выражение — "пионерско-готический роман" — показалось мне даже остроумным, не лишенным определенной наблюдательности и вполне пригодным для "фэновских" тусовок. Или даже для разового, с юмористическим оттенком, использования в какой-нибудь рецензии. Но вслед за достаточно безобидным зубоскальством появляется в "Литгазете", в разделе "Книжное ревью" (18 декабря 1992 года) рецензия г-на Арбитмана, написанная в таких тонах, словно мы с критиком — личные враги. А совсем недавно друзья-читатели принесли мне декабрьский номер журнала "Детская литература" за прошлый год (журнал, как водится в наше время, изрядно задержался с выходом). Там все тот же, только расширенный анализ моих книг (главным образом "Заставы на Якорном поле"). И тут уж совсем не до юмора.

Прослеживается определенная тенденция: критик выбрал себе мишень и, судя по всему, не намерен останавливаться, пока не изрешетит ее или не уничтожит совсем (в литературном плане, естественно).

Ситуация в нынешней журнальной критике такова, что заступаться за "рецензируемого" автора ни у кого нет охоты. Критик может поливать писателя как угодно. А тому что делать? Отводить душу в застольных разговорах с приятелями? К сожалению (или к счастью), у меня не такой характер. Я не могу (используя вы-

ражение того же г-на Арбитмана) "из спарринг-партнера превращаться в боксерскую "грушу", которую лупить — одно удовольствие".

Посему я попросил у журнала "Уральский следопыт" несколько страниц, чтобы изложить, что я думаю о воззрениях и критическом методе упомянутого выше рецензента. Круг моих читателей и читателей г-на Арбитмана — это во многих случаях круг именно "Следопыта". Им и судить.

Начну с того, что сей автор, выстраивая "батарейную линию" для своих критических залпов, весьма вольно обращается с фактами. Он, касаясь моей творческой биографии, считает нужным проинформировать читателя (словно читатель совсем уж несведущ), что я вначале сосредоточивал свое творчество на "школьных" повестях, написанных в реалистическом ключе, а затем переключился на фантастику, используя при этом прежние "полюбившиеся схемы".

К сведению г-на Арбитмана, я *никогда* не менял жанры. Не переходил от реализма к фантастике и наоборот. Они в моей литературной работе были, постоянно сплетены, как два успешно помогающих друг другу метода. Еще в студенческие годы я написал свой первый сборник рассказов "Рейс "Ориона" (вполне реалистический, о школьниках того времени) и тогда же, в 1961 году — первую фантастическую повесть: "Я иду встречать брата". Я сочинял ее в те дни, когда следовало готовиться к госэкзамену по истории КПСС. Это стоило мне "тройки" в дипломе по означенному предмету, но переведенная вскоре на разные языки моя маленькая повесть в какой-то степени компенсировала мне сознание моей марксистско-ленинской неполноценности. Но это так, к слову...

Взяв одну из моих библиографий (они есть в библиотеках), г-н Арбитман мог бы убедиться, что мои "школьные" произведения всегда равномерно чередуются с книжками фантастического жанра (а порой эти жанры там даже сплетаются). И тут нет ничего странного, потому что тема и в тех, и в других (в этом г-н Арбитман прав) — одна. Это — положение детей в нынешнем беспокойном, жестоком, неприспособленном для нормального детства мире.

Именно данному вопросу посвящено большинство моих книг — и реалистических, и фантастических. К фантастике я прибегаю не для того, чтобы более лихо закрутить сюжет или поразить читателя необычностью ситуаций, а в тех случаях, когда приемы этого жанра помогают мне ярче освещать все те же пробле-

мы: неприкаянность детей и преступное равнодушие взрослых.

Тема эта, к сожалению, не стареет, лишь обостряется. И оставлять ее я не считаю себя в праве. Это *моя* тема. И если это значит, что "Крапивин пишет все одну и ту же вещь", то и слава Богу. Такое обвинение, кстати, предьявлялось писателям и покрупнее меня: например, Ж. Верну и А. Дюма. И ничего, выжили они, несмотря на старания критиков...

Стиль и аргументация критика Р. Арбитмана могли бы послужить темой для отдельной статьи. Вынужден прибегнуть к объемному цитированию (не все ведь читают журнал "Детская литература").

"Писатель взял за основу схему, согласно которой подростки были изначально честнее, порядочнее, самоотверженнее учителей, родителей и прочих взрослых, — в лучшем случае, людей ограниченных и недалеких, а в худшем — хитрых и своекорыстных монстров. Пока "взрослый мир" прозябал во грехе, "младший мир", наполнив всевозможные военно-патриотические клубы, готовился к битвам за справедливость. Уже в этих повестях "пионерская" экзальтация всех этих "мальчиков со шпагами", таких ясноглазых буршей, уверенных непоколебимо, что "добро должно быть с кулаками" — вызывала известные сомнения".

Смешанные чувства вызывают эти строки. С одной стороны — полузабытый холодок между лопаток, с другой — ностальгию по времени молодости, когда "минпросовские дамы" и авторы многочисленных анонимок клеймили меня за "противопоставление детей взрослым" и "подрыв устоев социалистической педагогики". Недалеко от них ушли и "критики весьма консервативного направления (вроде Ал. Разумихина), с которыми солидаризоваться было как-то неловко". Слова Р. Арбитмана.

Напрасно г-н Арбитман застенчиво отгораживается от критика Ал. Разумихина. Они во многом едины: и в необъяснимой ненависти к писателю В. Крапивину, и в умении передергивать факты, и в своем страхе перед детьми, как перед реальной социальной данностью; и в своем публицистическом методе — написать хлесткую статью, а потом, слегка ее переделывая, вставлять из издания в издание...

Вернемся к цитате. Для г-на Арбитмана, очевидно, является сомнительной и пугающей новостью тот факт, что подростки *изначально* (курсив мой — В.К.) "честнее, порядочнее, самоотверженнее взрослых". Но это объективная не только социальная, а даже и биологическая

истина. Дети действительно рождаются испорченными, искренними существами, они во многих отношениях чище взрослых. Беда только, что в то же время они — наивнее, беспомощнее и неопытнее своих родителей и наставников. Потом уже, постепенно, взрослый мир переделывает их по своим законам — одних раньше, других позже. Столкновение детского бескорыстия и взрослого прагматизма — это драма многих поколений.

Я даже готов допустить, что и Рома Арбитман в детские годы был уверен, что писать неправду нехорошо, и лишь позже пришел к иной, более "профессиональной" точке зрения.

С этой его точки зрения, теперь объективно получается, что писатель, подчеркивающий в детях изначальную нравственную чистоту, совершает чуть ли не зловерный поступок.

Снова вспомним цитату: "...младший мир", наполнив всевозможные военно-спортивные клубы, готовился к битвам за справедливость".

Дилетантизм — опасная вещь. Он может поставить автора в нелепое положение. Если уж у г-на Арбитмана возникло желание характеризовать детское и подростковое движение 60—80 годов, критик должен был бы узнать о нем побольше.

В военно-спортивных клубах не готовились к борьбе за справедливость. Клубы эти были (в большинстве своем) отрядом официальной педагогики, отставников-ветеранов, региональных властей и комсомольских секретарей. Там учили маршировать и отбатывать приемы, которые потом успешно применялись в Афганистане, в горячих точках, а порой и в общении с интеллигенцией.

Готовились к борьбе за справедливость (и не только готовились — боролись) в иных объединениях. Было коммунарское движение, был лагерь "Орленок", были (и есть — несмотря ни на что!) внешкольные отряды вроде "Каравеллы" или "Эспады" из нелюбимого критиком романа "Мальчик со шлагой". Были организации вожатых и молодых педагогов, где признавалось (о, кощунство!), что ребенок — полноценная личность. Из этих движений родилась знаменитая педагогика сотрудничества, которая наконец поколебала монополию советской государственной школы на умы и души юного поколения.

Эти объединения и отряды помогли отстоять справедливость во многих и многих конкретных случаях (каждый — сюжет для книги), выправить и защитить множество ребячьих судеб. И "мальчики со шлагами", как они описаны в неприемлемых для Р. Арбитмана книгах — независимо от того, фантастика это или нет

— были совершенно реальными личностями. Потому и полюбились читателям. А вовсе не потому, что автор проповедовал идею, "польстившую самолюбию тинейджеров".

К сведению г-на Арбитмана, никаких "тинейджеров" тогда не было. Да и сейчас среди подрастающего поколения встречаются не только они, но и нормальные дети и подростки. Критик может возразить, что, используя этот термин, он имел в виду чисто возрастную категорию. Однако, здесь чудится лукавство. Литератор не может не быть чутким к слову, не может не ощущать, что в этом новомодном, полюбившемся молодым критикам и социологам словечке заключена характеристика определенного социального стереотипа. "Тинейджер" в нашем обществе — это порождение нескольких последних лет, нашего равнодушного к детям времени. Такое жующее заграничную жвачку создание, чьи мысли сводятся к "адидасовским" шмоткам, а постижение искусства застыло на уровне разноцветных пивных банок и кассет с мордобойно-сексуальными триллерами.

При всей распространенности "тинейджеров", это все же не единственный портрет нынешнего школьного поколения. К счастью, существуют еще обычные мальчишки и девчонки, для которых "пионерская экзальтация" (то есть нормальные человеческие отношения: бескорыстная дружба, верность слову, стремление защитить слабого, вступить за правду — а отнюдь не пропаганда большевистских лозунгов) еще, вопреки утверждению критика, не стала архаикой. Свидетельство тому — письма моих читателей, которые огорчают меня одним — я не в состоянии ответить на все (за что, пользуясь случаем, и прошу у авторов этих писем прощения).

Именно для этих ребят, а не для "тинейджеров" (которые, к сожалению, все равно ничего не читают) я и пишу свои книги. И, взявшись за эту статью, заступаюсь прежде всего за них, своих читателей, а не за себя.

Кстати, г-н Арбитман прав, у этих ребят действительно ясные глаза. Критик мог бы (видимо, к неудовольствию для себя) убедиться в этом, встретившись с ними. С теми, кто любит книги, музыку, природу, свой дом, родителей, друзей. А не только жевательную резинку, компьютерные игры и рок-ритмы. Ясность взгляда у ребенка и подростка — это свидетельство определенного духовного потенциала. Как ни бьется наше взрослое общество над искоренением оно и превращением детей в поголовных "тинейджеров", потенциал этот кое у кого еще сохраняется.

Но вот "буршами" этих ясноглазых мальчишек г-н Арбитман называет зря. Это или от филологической некомпетентности, или от стремления к чрезмерной образности.

"Бурш" — чисто немецкое понятие. От "Bursche", что означает "парень", "малый", "слуга", "ученик-подмастерье", "студент" в конце концов. Именно немецких студентов старого времени, этих крикястных недорослей, забияк-дуэлянтов и любителей пива было принято именовать буршами. Чистота души и ясность взгляда, увы, не были их основополагающими признаками.

Конечно, г-н Арбитман может разъяснить, что употребил это слово в переносном смысле. Но в каком? Может быть, имеется в виду пресловутая агрессивность моих героев, их постоянное стремление к конфликтам? Однако своих мальчишек этими качествами (и в книгах, и в отряде "Каравелла") наделял не я, а все те же "дамы от педагогики" и вторящие им критики.

К сожалению, общая драма близких мне по духу ребят (и "книжных", и живых) как раз в том, что они вовсе не хотят конфликтов. И никогда не начинают первыми. И Сережа Каховский, и Кирилл Векшин из "Колыбельной для брата", и маленький художник Валька Бегунов из ранней повести "Валькины друзья и паруса", и мальчишки из повестей-сказок хотят жить нормально: играть в свои ребячьи игры, дружить со сверстниками, читать книжки и вечером возвращаться домой, где их ждет мама. Они вступают в конфликты вынужденно, когда окружающий мир заставляет их делать это. Они лезут в драку лишь тогда, когда уже совершенно необходимо защищать себя, друга и все, что любят. И свое достоинство (до сих пор сохранилось кое у кого такое "архаическое" понятие), потерять которое они, в отличие от "тинейджеров", очень страшатся. И они дерутся — подчас неумело, беспомощно, преодолевая страх и отвращение к насилию. И уж меньше всего, вопреки утверждению г-на Арбитмана, эти дети уповают на то, что "добро должно быть с кулаками" (очевидно, критик весьма поверхностно ознакомился с текстами).

Вынужден процитировать себя. Один из главных "мальчишек со шлагой", в повести "Колыбельная для брата", разговаривая с директоршей школы, высказывается по этому поводу однозначно.

Директорша многоумно поучает своего питомца:

" — А ты слышал такие стихи? "Добро должно быть с кулаками..."?

— Слышал, — сказал Кирилл. — Но здесь же школа, а не секция бокса”.

Так кто же проповедует “кулачное” добро? Дети или взрослые?

Лукавит Р. Арбитман и тогда, когда — вслед за теми же “минпросовскими дамами” — обвиняет автора в противопоставлении мира детей миру взрослых. Конечно, критику удобно утверждать, что в книгах Крапивина хорошие взрослые — исключение. Такое же, как и плохие дети. Он, видимо, не учитывает, что читатели тоже знают эти книги, и знают неплохо. И видят, что в них немало замечательных отцов и матерей, и педагогов, которые готовы жизнь положить за ребяташек. И что в повестях о “Великом Кристалле”, которые критик бомбардирует с особым энтузиазмом, среди положительных взрослых не только Корнелий Глас и “резвящийся доктора-профессора” (я так и не понял, кто это), но и капитан Красс, разрывающийся между воинским долгом и необходимостью помочь мальчишке, и священник, погибший при защите детей от тамошних “сил правопорядка”; и отец Витьки Мохова; и хозяин таверны Кир, ежедневно рискующий жизнью ради спасения незнакомых людей... Кстати, и бургомистр Биркенштакк далеко не злодей: он по-своему болеет за жителей города, поэтому и высылает “опасного” мальчишку.

С другой стороны, где “преимущества юного возраста”, которые писатель якобы “возвел в абсолют”? Разве только упомянутые критиком “Садовые тропики” пребывают среди юных персонажей негативного плана?

Разве не травит целый класс во главе с негодяем Пальчиком маленького Корнелия Гласа? Разве сам этот юный Корнелий — положительное дитя? Разве в окружении Галиена Тукка нет вредных мальчишек?... И разве Кирилла Векшина не избивают его сверстники-уголовники? И разве маленький Стаська не предает Сережу Каховского?

С туманной многозначительностью г-н Арбитман сообщает: “Однако когда В. Крапивин, наконец, отдал предпочтение жанру фантастики, полностью переключился на “параллельные миры”, даже самые доброжелательные читатели стали понимать, что здесь не все так просто и не все так однозначно, как казалось прежде. Все куда серьезнее”.

Что стали понимать “самые доброжелательные читатели”? Они понимают, г-н Арбитман — тоже, а я — нет. Что — “все куда серьезнее”?

Аж холодок по коже, как при чтении критиков ждановской эпохи. Что такое я написал?

Поведут “куда следует” или ограничатся моральной проработкой?

Но в определенном смысле действительно “все не так просто, как прежде”. Потому что в фантастических повестях о Кристалле я постарался поднять тему о беззащитности (не исключительности, не агрессивности, а именно беззащитности) детей с аномальными способностями и особыми талантами. Ибо, несмотря на умение окружать себя силовым полем и уходить в иные пространства, они не защищены от социальной косности и от жестокостей окружающего мира. Их дар — не только их достоинство, но в то же время их трагедия.

И эта тема — не из одной лишь области фантастики. Мало ли примеров, когда необычный талант ребенка вызывал неприятие и служил причиной всяких бед? Вся наша педагогика до последнего времени была основана на стремлении заставить школьника быть как все, “не высовываться”.

Способность уйти в иномир не заменит ребенку родной дом, любящих отца и мать. А у каждого они есть сейчас?

Если критик считает возвращение к этой теме “обескураживающими повторами”, пусть вновь оттачивает перо — от этих проблем я не отступлю.

Обидно только, что, всячески изничтожая ненавистного ему Крапивина (а заодно и подвернувшегося под руку начинающего литератора И. Тяглова), критик в сфере своего негодования втягивает совсем ни в чем не виноватых писателей. Ну, за что он обозвал старых наших фантастов (которых любили и любят миллионы читателей) Г. Гребнева и Н. Трублини авторами “чекистско-фантастических романов”? А маленького Павлика из знаменитой “Тайны двух океанов” фактически возвел в ранг нештатного агента НКВД?

Подумать только, Павлик помог разоблачить шпиона Горелова! Как он смел, мальчишка! Ну и что же, что Горелов враг? Все равно он — *взрослый*.

По мнению некоторых блюстителей педагогических норм, дети никогда не должны ни в чем подозревать взрослых и, тем более, вступать с ними в противоборство. Или, по крайней мере, должны сначала спросить разрешения у мамы, у классной руководительницы. А может быть, у критиков, всегда знающих, как должны вести себя в книжках юные герои?

Именно такой этики, если верить г-ну Арбитману, должны придерживаться дети в литературе и в жизни. И писатели, разумеется...

А должны ли придерживаться в своих работах каких-то этических норм сами критики? Укладывается ли, например, в рамки этих норм такой факт, когда критик берется оценивать у писателя еще не вышедшее собрание сочинений?

Ругая параллельно В. Крапивина и неполюбившегося И. Тяглова, г-н Арбитман сообщает: “...у Крапивина было, что пародировать; эпигон просто довел до абсурда реальные тенденции. Боюсь, что ту же роль увеличительного стекла в скором времени сыграет и собрание сочинений самого Владислава Крапивина (когда пишутся эти строки, первый том уже вышел, на пороге следующие). Собранные вместе, его фантастические повести и романы дают основание для вывода, что Крапивин уже давным-давно пишет одну-единственную вещь...”

Про “одну-единственную вещь” — это уже было. Однако вот что интересно. Поскольку первый том (где указано содержание всех следующих) к тому времени вышел, г-н Арбитман мог бы в него заглянуть. А заглянув, мог убедиться, что “основания для вывода” нет. Ибо в собрание вошли далеко не все мои фантастические вещи. А из тех, что вызывают наибольшее негодование критика, нет ни одной. Не потому, конечно, что я заранее испугался этого негодования, а чисто по технически-издательским причинам. Право же, стоит напомнить г-ну рецензенту, что прежде, чем писать, следует все-таки познакомиться с объектом своей критики.

Если бы г-н Арбитман более внимательно читал критикуемые тексты, он мог бы заметить, что и в повести И. Тяглова “Круги магистра” далеко не все — “эпигонство”. Есть там немало и оригинальных моментов, присущих лишь этому автору. А что касается подражания... Но Р. Арбитман, говорят, неплохо знает современную фантастику, и в этом случае ему должно быть ведомо, что среди молодых авторов не только у И. Тяглова можно заметить подражание книгам писателей более старшего поколения. Хорошо это или плохо — отдельная тема. Однако возникает вопрос: почему именно “Круги магистра” столь рассердили критика? Уверен — дело не в литературном уровне. Просто там рецензент усмотрел ту же “опасную тенденцию”: дети посмели выступить против взрослых. Караул!

А вот, например, повесть С. Лукьяненко “Рыцари сорока островов”, где подражаний можно встретить не меньше, отнюдь не вызывает у критика негативных эмоций. Почему? Может быть, неудобно: все-таки на одном

"Интерпрессконе" критик и писатель обрели почти равную популярность... Но думаю, что не в этом дело. Просто в книге Лукьяненко есть своя "оригинальность": там подростки не воюют со взрослыми, вместо этого они старательно уничтожают друг друга. Это ничего, это пожалуйта, лишь бы не трогали старшее поколение. В конце концов, чем меньше подростков, тем меньше проблем — для взрослых...

Желание покрепче отхлестать ненавистного автора заставляет г-на критика обвинить его не только в чисто литературной неполноценности, но и в идеологической ущербности.

В конце своей статьи "Слезинка замученного взрослого" Р. Арбитман приходит уже к прямой фальсификации фактов.

Критик доводит до всеобщего сведения, что "извечная тяга к справедливости, свойственная молодому поколению, потихоньку используется разного рода "гуру" возрастом постарше ("красными", "черными", "коричневыми"). И далее: "Не случайно ведь небезызвестный Карем Раш создавал свой подростковый клуб в Новосибирске (тот самый клуб, где тинейджеры должны были учиться пришивать чистые воротнички, палить в супостата и с восторгом замирать при церемонии воинского построения) с оглядкой на "Каравеллу" В. Крапивина в Екатеринбурге; правда, став, как и И. Тяглов в прозе, не копиистом, а скорее пародистом".

Ну, хоть стой, хоть падай! Откуда г-ну Арбитману пришло в голову, что К. Раш, создавая "Викторию", оглядывался на "Каравеллу"? Да еще и пародировал ее! Мы в те годы и не слышали друг о друге! И никогда в жизни друг у друга не бывали. Уже много позже в "Каравелле" узнали из газет, что есть, оказывается, в Новосибирске фехтовальный клуб "Виктория". А "Виктория", возможно, смогла кое-что прочитать о "Каравелле".

С какой стати Карем Раш — человек совершенно самостоятельный в суждениях и с твердым характером — стал бы оглядываться на какую-то чужую организацию и тем более пародировать ее?

И что вообще одинакового у "Виктории" и "Каравеллы", кроме фехтовальной специализации? И что г-н Арбитман может знать об этих объединениях? Сколько лет было Роме Арбитману, когда они создавались?

Я совершенно не разделяю педагогических и политических воззрений г-на Раша, однако должен сказать следующее. Все, что я впоследствии узнал о "Виктории", не дает никаких оснований утверждать, что там учили "палить в супостата". Там учили спортивному фехтова-

нию, рыцарским понятиям о чести и товариществе, уважению к противнику. Если, к тому же, учили пришивать воротнички, то, право же, в этом нет ничего безнравственного. Так же, как и в "восторженном замирании при церемонии воинского построения" — если это замирание вызвано не казарменной муштрой, а ощущением товарищеского локтя и гордостью за свой флаг.

У г-на Арбитмана немалая способность смешивать правду с неправдой и валить все в одну тарелку. Так сказать, крошить в один салат ананас и редьку. И потом все это обливать соусом негативизма. Глядишь, под таким общим соусом читатель проглотит все подряд, не различая, где горькое, где соленое.

Возникает и такой вопрос: к "гуру" какого цвета относит г-н Арбитман меня с моей "Каравеллой" (которой я, правда, уже несколько лет не руковожу)? Что он может сказать нового?

Может быть, я "красный"? В этом уже обвиняли. За то, что дети по-прежнему носят красные галстуки — символ алого корабельного паруса кливера (а не большевистского триединства поколений, как это трактовали официальные цековские документы).

Может быть, я "черный"? Было и это. Меня и детей клеймили за черные морские рубашки — многолетнюю форму "Каравеллы" (естественно, души наши и помыслы обвиняя в той же черноте).

Или я "коричневый"? Тоже не ново. Во многих "телегах", направлявшихся в парторганы — анонимных и подписанных бдительной "общественностью", — я и мой отряд не раз обрисовывались как носители фашистских идей. На том основании, что дети спорят не только с "простыми" взрослыми, но даже и со взрослыми обладателями партбилетов.

Так что переходя от жанра заурядной нечестной рецензии к жанру политического доноса, г-н критик не делает никаких открытий. Все это было, было, было...

Г-н Арбитман неправ, утверждая, что я "полностью переключился на "параллельные миры". Проявив хотя бы минимум профессионального любопытства, критик мог бы установить, что почти одновременно с фантастическими произведениями последней поры (которые вызывают особое неприятие рецензента), я успел написать два вполне реалистических романа из жизни современных школьников и несколько повестей.

Другое дело, что там опять "обескуражи-

вающие повторы", в которых упрекает меня г-н Арбитман. Снова мальчики и девочки оказываются беззащитными перед лицом нынешнего взрослого мира. Бывает, что их третируют педагоги, избивает милиция и даже предают родители. И дети, чтобы выжить, вынуждены огрызаться.

"Обескураживающие повторы" — это лишь отражение повторов нашей реальности. Чтобы убедиться, достаточно посмотреть вечерние выпуски новостей — с детьми, искалеченными и убитыми в "горячих точках", где их папы самотазбенно отводят душу во взрослой игре "Зарнице". Или почитать в газетах, как спившиеся мамы продают по дешевке своих малышей незнакомым людям. Или о замерзающих от нехватки топлива школах. Или о детских садах, отданных под коммерческие офисы. Или поинтересоваться, сколько ребятшек ежедневно пропадает без вести. Иногда их находят живыми. Иногда — мертвыми, замученными очередной, словно из преисподней обьявившейся, нелюдью. Иногда не находят совсем...

Можно и просто пройтись по улицам, посмотреть на маленьких нищих и на замурзанных пацанят, которые за коммерческими ларьками обливают грязные обертки "сникерсов" и допивают капли газировки из брошенных пластиковых бутылок.

Можно посмотреть передачи и почитать корреспонденции о нравах в интернатах, детдомах и спецшколах.

Можно поинтересоваться, сколько в стране безнадзорных детей и как растет подростковая преступность.

Дети сами в этом виноваты, да?

Г-н Арбитман недоволен, что в «Выстреле с монитора» бессердечные старшие выгоняют пацана из города, в повести «Гуси-гуси, га-га-га...» ребят, ни в чем не повинных, сажают в колонию, жестоко издеваются над ними, в «Заставе на Якорном поле», мальчика ради научных экспериментов (не ради этого, а ради политических целей, г-н рецензент! - В. К.), лишают мамы и дома".

Если бы все это происходило только в фантастических книжках...

В принципе я готов принять термин "пионерско-готический роман". Пожалуйта, "Пионерский" — потому что, в отличие от г-на Арбитмана, я не считаю архаикой те человеческие ценности, которые воспитывались (и воспитываются) у ребят в отрядах типа "Каравеллы". Я даже убежден, что эти ценности пригодятся для возрождения России. И возрождать ее будут не те, кто ходит сейчас в "тинейджерах"

с пузырями импортной жвачки на губах... А "готический" — это тоже соответствует. Страшного там хватает. Беда только, что тем страхам далеко до нашей реальности, в которой взрослые дяди, занятые политическими баталиями, напрочь забыли, что будущее невозможно без заботы о новом поколении...

Именно о таких "дядях" говорит мальчик Галиен Тукк в моей повести (но не с гордостью, как утверждает г-н Арбитман, а с усталостью измучившегося ребенка): "Я мальчик... на мужчин я насмотрелся в эти дни, ну их к черту. Они и предать могут, и убить беззащитного... И нечего меня сравнивать с мужчинами. Также мне похвала..."

Существует скорбный список подростков и юношей, погибших на улицах Москвы в октябрьские дни 1993 года. Они были без оружия. Они не хотели воевать. На улицы их привело то ли ребячье любопытство, то ли желание понять причины взрослого безумия. По ним стреляли. Стреляли — мужчины...

Четыре совсем молодых человека, выпускники отряда "Каравелла", в последние годы погибли от рук бандитов (или наемных убийц, поди разберись).

Помня о них, я не могу в своих книгах удержаться от "обескураживающих повторов". Это "повторение", увы, диктуется жизнью. И писать об этом я считаю своим делом.

Ну, а дело г-на Арбитмана — писать рецензии, это естественно. И он их, видимо, будет писать и дальше, ибо выполняет социальный заказ. Выполняет, может быть, неосознанно, сам не понимая этого. Но объективно — это именно социальный заказ: от того "взрослого общества", к которому, судя по всему, принадлежит и сам г-н Арбитман.

В этом обществе живет страх. Возможно, бессознательный, интуитивный, но страх. Перед тем поколением, которое вырастет и спросит у старших: "Что же это вы сделали с нами, господи? И до чего довели страну!"

Не все ведь растут "тинейджерами" и вырастают "крутыми мужчинами", для которых "баксы" и "мерседесы" — смысл бытия. Будут и те, кто спросит.

От редакции

Публикуя статью Владислава Крапивина, мы видим в ней — помимо понятной, надо полагать, реакции писателя на критику откровенно тенденциозную и недобросовестную — еще и некое отражение нынешних особенностей литературного процесса.

Наступила, по-видимому, и для нас пора зрелости, а стало быть, и осознания: покончив (или — считая так!) с былым тоталитаризмом, мы покамест во многом остаемся в плену его. В частности — по-прежнему доверяем Тем, Кто Все Знает формировать наше отношение к книгам.

Но ведь ясно же; и Те, Кто Все Знает — неизбежно субъективны, как и любой из нас!

Сегодня это особенно ясно.

Вещать Истину в наипоследней инстанции? Но даже и самый маститый из Всезнающих возглашает лишь часть этой истины — ту ее часть, что отвечает запросам и вкусам слоя авторов и читателей, который этот Всезнающий обслуживает. Именно — определенного слоя! Ибо цельного (как это было еще совсем недавно) писательско-критическо-читательского триединства уже нет — и едва ли оно возродится. Вот это-то нам всем и предстоит осознать.

Никому не дано отныне навязывать свои — сугубо частные — вкусы в качестве инструкции для всей читающей публики. Она, эта публика, разномасштабна, многослойна, неоднолика. Одним по душе — крутой детектив, другим — патристическое эпопеи, третьим — переводные "фэнтэзи", четвертым — наиновейший "турбореализм", пятым... шестым... и т. д. И каждый конкретный представитель этой читающей публики волен наконец осознать свое право на независимость, на свой собственный вкус — без оглядки на авторитеты. Без оглядки на то, что напишет, к примеру, журнал "Детская литература" или даже "Литературная газета", поскольку и в этой (всего лишь — одной из многих!) газете работают конкретные люди с вполне субъективными вкусами.

Конечный наш вывод — увы, стародавний: все принимайте *к сведению*, но ничего не принимайте *на веру*, сомневайтесь во всем — и утверждайте себя в *своих собственных* убеждениях!

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Раздраконивает Вас. Кириллов

Один дракон — книга, не лишённая привлекательности, но только для слабоумных, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда прочитывается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

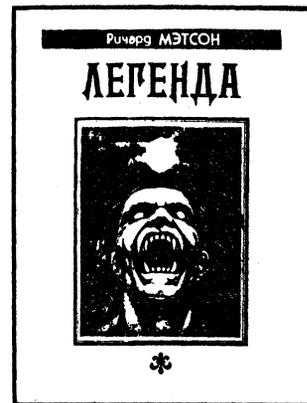
Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и завещать своим детям.

Жаба — откровенная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Ричард Мэтсон. Легенда. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 447 с. (Серия "Fantasy").

Неудивительно, что оба романа, включенные в эту книгу, в свое время были экранизированы. И тот и другой — из разряда "невозможно оторваться".

"Я — легенда" — история человека, оказавшегося в результате ядерной войны последним (фильм по этой книге так и называется — "Последний"). Все остальные либо сгнули в огне, сраженные прежде страшной неведомой болезнью, либо превратились в вампиров, настоящих, жаждущих крови и каждую ночь осаждающих жилище Последнего. Долгая напряженная смертельная схватка, в ходе которой главный герой ухитряется не только выживать, но и, проявляя удивительную волю к познанию, пытается постичь подлинную природу вампиризма, — и составляет содержание романа.

Если вы думаете, что в итоге герой одерживает победу, вы правы только в известном смысле. Прочитайте книгу Мэтсона — и этот смысл откроется также и вам.

"Путь вниз" — название второго мэтсоновского шедевра. Это жизнеописание человека, пропорционально уменьшающегося в размерах. Казалось бы, избитый сюжет... Уж кто только его не использовал! Начиная с Вольтера и Свифта и кончая современными фантастами. Между тем, фантазия Мэтсона настолько реалистична, наполнена такими точными психологическими деталями и такими глубокими философскими проблемами, что когда читаешь "Путь вниз", совершенно забываешь обо всех предшествующих и последующих разработчиках.

В общем, издание этой книги на русском языке — большая удача и большое литературное событие.

Шесть драконов и придачу совет: поспешите не только прочитать, но и приобрести "Легенду" для своей библиотеки. Такие книги не только прочтываются, но и перечитываются. А на дороге не валяются.

Роберт Хайнлайн. Собрание сочинений. Том I. — СПб.: Издательство "Terra Fantastica" компании "Корвус", 1993. — 512 с. с илл.

В первую очередь о самом издании. Если вы любите Хайнлайна, лучшего вам не найти. Грамотные переводы, хорошая бумага, сшивной переплет, твердая обложка, неплохие иллюстрации Яны Ашмаринной, минимум опечаток... Чего еще желать? Казалось бы, нечего. Ан вот вам еще: когда вы соберете все тома и выставите их по порядку на книжной

полке, таинственные узоры на корешках сольются в единое целое — и на фоне черного бумвинила засверкает золотой дракон!

Признаться, я не очень люблю Хайнлайна. Но не могу не проникнуться уважением к таким трогательным проявлениям любви к какому бы то ни было писателю.

Первые тома в собраниях сочинений часто страдают оттого, что закон последовательности требует размещения в них ранних произведений. А ранние произведения столь же часто не обладают великими художественными достоинствами: их место в аллее литературных памятников, а не в живых читательских списках.

Пострадал от этого обстоятельства и первый том сочинений Хайнлайна, включающий два сборника его ранних рассказов. В основном это очень чистой воды НФ, которую я люблю еще меньше, чем Хайнлайна в целом. Фантазии на тему "per aspera ad astra" и прочих успехов т.н. научно-технического прогресса, на мой взгляд, сегодня могут вдохновить только болезненных идиотов и едва начавших говорить младенцев. Еще меньше вдохновения несут в себе розовые романтические сопли, мишурный траур по грядущим жертвам борьбы с природой и побочные идейки для домашнего пользования, навряд ли равенства полов или любви к животным, когда все это используется для "оживления" названного жанра. Увы, и этих добавлений юный Роберт не избежал.

Таким образом, положение затруднительное. И я не вижу иного выхода, кроме двойной оценки: пять драконов за издание в целом (если все тома увидят свет) и два дракона за первый том, несмотря на все совершенства издателей.

Роберт Асприн. Еще один великолепный миф. Мифо-толкование. Мифо-указания. — М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1992. — 544 с. (Серия "Коллекционная фантастика", т.2).

Смешная и добрая книжка. И разве возможна похвала выше, особенно в наше время, которое большинством воспринимается как злобное и печальное, в наше время, когда политики жонглируют миллионами душ при помощи отнюдь не великолепных мифов?

Роберт Л. Асприн — писатель изумительно легкий и остроумный. Его истории не то что не подавляют (что часто случается на пути отважного вымысла), но и, напротив, поднимают настроение, подобно шампанскому. Однако, в отличие от "Женитьбы Фигаро", сравнение с шампанским здесь простирается вплоть до похмелья. Голова болит немного, и ощущение пустоты возникает, причем не только и не столько в желудке. Но это все слегка, едва-едва, это все простиительно. Ведь и легкомысленной попойке мы прощаем вытекающие неудобства и всегда не прочь повторить.

Если окажется, что вы не прочь повторить, ну что ж, тогда, прочитав второй том "Коллекционной фантастики", ищите третий. Поскольку в третьем — снова Асприн и продолжение истории юного волшебника Скива, демона по имени Ааз и их причудливых друзей.

А пока что — пять драконов. И не будем о жабах редакторско-корректорских недоработок. Похоже, они — неотъемлемая черта той коллекции, которую нам приходится собирать.

Александр МЕРТВАГО

Парижские огородники

Когда повеяло настоящей весной, я признал себя достаточно знающим французский язык и решил отправиться искать себе место работника. Но куда отправиться? Мне не хотелось доставать себе место через посредство официальных лиц, к которым у меня были рекомендации, мне хотелось обойтись без протекции, и на мое счастье мне помог случай. В одной из книг по огородничеству нарисован был план описываемого автором огорода: на этом плане были нарисованы улицы, к которым прилегал огород, таким образом я узнал, что г. Понс имеет огород в Клиши-ла-Гарен. 22-го апреля я поместился на империал дилижанса, который ходит между Клиши и Одеоном, и отправился разыскивать г. Понса.

Я шел по улице и искал глазами ту каменную изгородь с воротами, которая была на плане. Ее, оказалось, не трудно было найти, так как она была одна между домов улицы. Ворота, украшенные двумя вазами цветов, были заперты, рядом оказалась калитка, которую я отворил, опять испытывая чувство смущения.

Дорожка, по которой я шел, была выстлана кирпичом, по бокам ее шли рабатки цветов, в которые упирались широкие гряды с овощами; чистота и порядок были образцовые; огород имел продолговатую форму, и в конце его, налево, стоял небольшой домик, довольно изящный, к которому прислонилась маленькая теплица; против дома с лопатой в руках стоял работник и вглядывался в меня. Ему было лет пятьдесят; небольшого роста, крепкий, живой, он был одет в синие тиковые штаны и рубашку, поверх которой была надета вязаная шерстяная куртка: обут он был в сабо, на босую ногу. Я обратился к нему с вопросом, здесь ли живет г. Понс.

Помещик из Смоленской губернии Александр Петрович Мертваго (1856— ок. 1920) был учеником и соратником известного русского ученого и сельского хозяина А. Н. Энгельгардта. Простым рабочим жил у него в селе Батищево, олицетворяя излюбленную идею Энгельгардта об интеллигентном работнике на земле, который, научившись у крестьян любить землю, принесет в село культуру и образование. Эту мечту об интеллигентной общине долго лежал Энгельгардт, опираясь на опыт немногих подвижников, таких как Мертваго.

Задумав статью хозяином-огородником, Александр Петрович детально изучал огородничество в пригородах Парижа и одновременно слушал курс естественных наук в Сорбонне. Свой опыт сельского хозяина он, как и Энгельгардт, через газеты делал достоянием соотечественников. А с 1894 года сам редактировал известный в России журнал "Хозяин".

После него осталось несколько книг на сельскохозяйственные темы и интереснейшие мемуары — "Не по торному пути", выдержавшие до революции три издания, — неторопливый рассказ о том, как отпрыск помещицкой среды шел к фермерству, к самостоятельному честному труду на земле.

Мы печатаем в сокращении только одну главу из этой книги.

— Это я, — ответил он, оглядывая меня недоумевающим глазом.

Я назвал себя, сказал, каким образом я про него узнал и просил, не может ли он меня взять в работники; платы я никакой не желал получать, а хотел только научиться их ремеслу. Он продолжал смотреть на меня удивленными глазами.

— Но у вас нет рук, — это не руки, которыми работают.

— Будет работа, будут и руки, — отвечал я.

— Наше ремесло не легко. Работа в огороде очень трудна. Но, впрочем, вы ее знаете по моей книге и потому я вас отговаривать не буду. Я у себя вам не могу дать работы, так как я — огородник в отставке. Я копаюсь на этом маленьком кусочке земли, который вы видите, для своего удовольствия, но я постараюсь найти вам место не позже, как через неделю.

Я поблагодарил его за любезность и хотел отправиться домой, но он просил зайти к нему распить бутылку вина. Я, конечно, не отказался, и мы вошли в узкий коридор с каменным полом. Понс, сняв сабо, надел туфли и повел меня в комнату, своим убранством напоминавшую столовую.

Он был доволен своей жизнью и гордился тем, чего достиг. Работая в молодости батраком на ферме, он стремился, как вся деревенская молодежь, попасть в Париж, который не только манит своей веселой жизнью, но и служит для определения житейской годности. Окраины Парижа служат как бы фильтром, сквозь который проходит все, что пожиже, все, что негодно для самостоятельной жизни. Всякий рабочий, придя в Париж, полон надежд и уверен в своих силах, он берет за какое-нибудь ремесло, которое ему кажется по вкусу: он нанимается к огороднику, цветоводу, ка-

менщику, плотнику, слесарю и т. п., но не всякий оказывается годен соединять физическую работу с умственной, которые должны быть неразлучны во всех ремеслах, имеющих характер не фабричный. Оказавшийся негодным скоро отличается от других; его не нанимают работники, редко даже берут на поденщину; деньги, которые он зарабатывает, не держатся у него: он их все проедает, пропивает и растрачивает на женщин. Когда работу становится трудно найти, он переходит в другую окраину Парижа, где его не знают еще; но пройдет несколько лет скитаний и стараний найти себе самостоятельное дело — и такой работник поступает на фабрику, которая найдет дело для всякого. Таким образом, неутомимая жизнь сама сортирует людей на годных и негодных жить своим умом.

И Понс, он некогда так же, как и все работники, явился в Париж, имея только руки да надежды на будущее. Он проработал лет десять батраком на огороде, и скопив за это время деньги для начала самостоятельного хозяйства, женился на девушке, которая тоже работала на огороде и тоже копилась по грошам свои заработки. Новое хозяйство доказало свою годность на самостоятельную жизнь и ему верят, а потому кредитуют, в виде сдачи огорода с рамами, стеклянными колоколами и искусственным орошением; на все это нет возможности скопить достаточно денег, но все это с избытком может окупить самостоятельный хозяин. И Понс все это окупил, составил капитал, на проценты с которого живет более чем безбедно. И такие результаты достигнуты в 13 лет! Но какой работы!

Трудно себе представить, не видя воочию, день за днем труд огородника, неустанно побуждаемого Парижем, этим колоссальным Гаргантюа, производить все более и более, позабывая об усталости, об отдыхе. Но эта неустанная работа въедается в плоть и кровь француза — он не может без нее обойтись и тогда, когда он достиг предела

желаемого им благосостояния. Г. Понс и другие в его положении продолжают работать для удовольствия.

Неделя, в течение которой обещал найти мне место г. Понс, казалась мне бесконечной, и я, дождавшись срока, с точностью хронометра явился к нему.

— Завтра утром приходите ко мне, а сегодня я вам советую нанять где-нибудь поближе комнату и запастись костюмом работника.

Я тотчас же отправился искать себе квартиру, которую нашел немедленно в меблированных комнатах, напротив огорода г. Понса. Они занимали пятиэтажный дом и были переполнены жильцами — рабочими-поденщиками. Комнаты все были одинаково меблированы и представляли тип того, что требует в Париже человек, зарабатывающий 5 франков в день. Одно окно освещало маленькую комнату, в которой стояла кровать с пружинным тюфяком (белье, одеяло, подушка были от содержателя комнаты), комод, стол, умывальник и два стула. Такая комната стоит 14 франков в месяц, т. е. 5р. 60 - коп.

Заняв комнату, я отправился от нечего делать гулять по окрестностям. Я шел по берегу Сены и любовался ее пейзажем, расстилавшимся перед глазами. Каменные постройки, разнообразные оттенки зелени — все это изображало подгородную деревню и невольно во мне вызывало сравнение наших подмосковных лачуг с этими деревнями, где булочные, колбасные, мясные и тому подобные лавки составляют необходимую принадлежность. Мне представлялось утро, когда у нас из каждой трубы тянется дымок затапливаемой печки, у каждой печи — баба, за каждой бабой — семья, и вспоминая это, мне казалось, что наша деревня не далеко ушла от того времени, когда этот дымок служил податной единицей. Зато у нас сохранилась община, но ведь и здесь деревня называется "La commune", т. е. община, и, благодаря этому, здесь мостовая, шоссе, общественные школы, и люди не тратят времени бесполезно

на печенье хлеба каждый для себя, на заготовление запасов каждый для себя, а делают все это люди, которые специально этим занимаются. У нас община стесняет способности человека: она приравнивает его к одной сенькиной шапке; здесь община помогает легче жить, но ни в чем не останавливает хозяина в его загаде.

Маленькие клочки земли чередовались передо мною, покрытые разнообразными продуктами. Вот жнут серпом люцерну и вяжут в снопы; вот пшеница и рожь, последняя зацветает, ее косят на корм; снопы в 2½ аршина вышиной; меня досада берет смотреть, что такое добро будет есть скот, а у нас в это время люди перебиваются кое-как в недожду до нови. Вот в поле посеяны бобы, а далее спаржа, капуста; но, впрочем, эти последние растут близ Жанвильи, куда проведены подземными трубами и каналами нечистоты Парижа — здесь Гаргантюа рассчитывается со своими долгами и отдает назад земледелию то, что у него взял. Некогда пустынный, образуемый изгибом Сены, полуостров Жанвильи, на котором с трудом разводилась плохая кормовая свекла, теперь представляет самую плодородную часть департамента Сены, отличающуюся разнообразием культуры и громадными размерами выращиваемых артишок, спаржи, капусты, брюквы и свеклы.

Я возвратился на свою новую квартиру в скверном расположении духа, я не могу относиться к тому, что видел, с абсолютной точки зрения, я сравнивал все с Россией, и на этот раз сравнение было не в пользу ее — это меня раздражало.

Я улегся в постель и долго не мог заснуть, отыскивая преимущества нашей культуры, как вдруг почувствовал, что все тело мне начало колоть точно иголками; я поторопился зажечь свечу и к ужасу своему увидел себя покрытым черными пятнами. В первую минуту я вообразил, что у меня черная оспа, о которой я незадолго перед тем читал в газетах, но лишь только свечка разгорелась и стала светить ярче, как черные пятна начали

двигаться и оказались клопами. Такого количества клопов я никогда не видывал; даже дорогобужские клопы не были так свирепы и многочисленны, так что я невольно предположил, что это мне египетская казнь за то, что я сравнил несравнимое. Теперь я становился уже на сторону России, которая хоть и угощала меня всюду клопами, или, точнее, мною клопов, но угощала с материнской заботливостью, не отягощая, — здесь же я не мог заснуть всю ночь.

Бесконечными мне казались ночь и следующее утро до семи часов, когда надо было идти к Понсу.

Наконец, я вышел на улицу; народ уже сновал во все стороны, и мне казалось, что все на меня смотрят; я чувствовал себя как бы наряженным в непривычный по легкости костюм.

— Вот и вы, — встретил меня г. Понс. — Это все, что нужно, — сказал он, оглядывая мой костюм, состоявший из рубашки и тиковых штанов, подпоясанных широким кушаком. — Необходимы только еще сабо. При работах с навозом это не годится, — прибавил он, показывая на мои кожаные башмаки.

Он дал мне лопату и показал, что делать; надо было копать канавку, которую он сам укладывал старательно навозом, приготавливая паровую грядку для посадки дынь. После двух таких канав, я получил вилы и был отправлен к куче навоза, выкинутого из парников; этот навоз надо было перебить, т.е. приготовить из него raillis, которым покрываются гряды для удобрения, а главное для уменьшения прополки и задержания испарения влаги.

Во время работы г. Понс часто подходил ко мне и спрашивал, устал ли я, но я усталости никакой не чувствовал и работал с большим удовольствием в первый раз в жизни.

Я работал вместе с поденщиком, которого он брал, когда накапливалась работа в огороде. Работа шла, не переставая, до вечера; только в 12 часов дня и в 4 вечера бросали работу на короткое время еды, из которых первая представляла за-

втрак из 2-х блюд, а вторая хлеб, сыр бри и красное вино. В 8 часов я кончил работать и отправился к Понсу обедать.

Обед состоял из четырех блюд, хотя на самом деле было только два. Хозяйка варила суп с овощами и свиной, но на столе этот суп распался на три кушанья. Сперва ели суп с крошками в него хлебом, затем свинину, поливая не-

мною уксусом, после чего уже с уксусом и прованским маслом были съедены овощи. Все, что берется на тарелку — съедается, после чего тарелку вытирают кусочком хлеба и переворачивают вверх дном, на котором едят сладкий компот.

Прощаясь со мной, Понс сказал, что со следующего дня для меня есть работа на соседнем огороде и чтобы я приходил в 5 часов утра.

Только возвратясь домой, я почувствовал, что устал; я наскоро разделся и заснул, как убитый: клопы меня ели, но я этого не чувствовал, я даже не чувствовал боли поясницы, от которой проснулся на другой день рано утром.

В 5 часов утра я был уже у Понса, и мы с ним отправились к его соседу, г. Мати, у которого мне предстояло работать. Он был морванец и отличался от других огородников качествами, которыми славится его родина. Расчетливый, даже скупой, он не знал человеческих чувств там, где можно получить грош, и обладал особенным чутьем в искусстве "gagner son argent".

Мати принял меня очень хорошо и с первого же дня начал мечтать сделать себе из меня дарового рабочего; его жена, напротив, была недовольна тем, что он легко согласился на предложение Понса: она понимала, что я не могу заменить им настоящего работника, и не могла себе представить, чтобы можно было иметь работника, хотя бы и не настоящего — даром, о чем мечтал ее муж.

Я работал, с отдыхом во время еды, с 5-ти часов утра до 9-ти вечера. Меня заставляли полоть и укладывать в скирд навоз. Работа была не трудная, в особенности первая, но я предпочел бы более трудную, только бы не работать все время согнувшись, — боль поясницы была невыносима и разогнуться становилось до того больно, что я боялся переменить положение, но к моему несчастью, в огороде была работа, которая именно требовала то сгибания, то разгибания тела. Это было открывание и закрывание 300 рам, снятие с них соломенных щитов; затем в полдень затенение теми же щитами наполовину и вечером покрывание щитами на ночь.

Вечером, когда я уходил домой, хозяйка с неприятным видом, прощаясь, дала мне 2 франка поденщины, но я денег не взял, так как мне казалось, что я не мог их выработать. Своим отказом я, видимо, очень обрадовал г-жу Мати, и она любезно просила меня приходить к ним и на другой день.

Согнувшись в ту позу, в которой целый день полот, я лег спать и всякий раз просыпался от боли, как только во сне менял положение. О клопах я позабыл: боль, ко-

тору они причиняли, была незначительна, сравнительно с болью поясницы. В следующие дни эта боль до того усилилась, что я много раз решался бросить работу и уехать в Россию, но всякий раз мне совестно было своего решения, и я продолжал мучиться целых две недели, пока, наконец, спина моя не привыкла к согнутому положению и не покорила судьбе.

К физическим мучениям прибавились еще и нравственные: я не имел теперь времени читать газеты и никаких сведений о России не имел. Кто не был в таком "национальном одиночестве", тот не поверит, до чего оно мучительно. Бывало, говоришь сам с собой по-русски, поешь по-русски песни и рад не только всякому известию о России, но даже всякой небылице о ней, так как и небылица, касающаяся России, все-таки давала новое впечатление, выводящее меня из окружающей французской действительности.

В 5 часов утра я отправлялся каждый день к Мати на огород. Теперь роли моих хозяев переменялись. Хозяйка была любезна и как бы знала русскую поговорку: "маленький барышок, да почаше в мешок", хозяин же был недоволен, он, после нескольких дней моей работы у него, предложил мне быть работником, но я отказался, так как, во-первых, это меня отвлекло бы от огородных работ на большую половину дня, так как работник ездит на рынок и за навозом, а во-вторых, я не надеялся на себя, что справлюсь с управлением лошадей в сутолоке парижского рынка. Мой отказ разочаровал Мати. Он не любил маленьких барышей, он привык, что ему везло, и был, видимо, уже уверен, что имеет дарового работника. Разочарование тем более ему было неприятно, что он очень нуждался в работниках, которые у него не жили. Он был на плохом счету у рабочей молодежи и к нему нанимались только в случае крайности; все знали, что Мати не постесняется рассчитать работника, как только он в состоянии хоть несколько дней обойтись силами сво-

ими и жены. Он старался всегда нанимать работника, но пользовался им, как поденщиком, а рассчитывал по расчету месячному. За три недели, что я к нему ходил работать, у него переменялось два работника и даже мне, даровому поденщику, которому он платил только харчами, он отказал, лишь только увидел, что они с женой могут справиться с работой.

Кроме этой причины, к нему неохотно нанимались вследствие экономии на еде. У него, например, кролик, воспитанный на огородных отбросах, величиной не более зайца, давал в продолжение двух с половиной дней материал для обеда и ужина на пять человек; супы у него обыкновенно были водяные, без мяса; например, суп с поджаренным луком, суп со щавелем; конечно, после такого супа следовало что-либо мясное — обыкновенно кусочек ветчины с горошком, но у меня между прочим записаны и два следующие обеда: 1) суп и яичница, 2) макароны и салат; конечно, с такой еды трудно было быть сытым и поневоле приходилось работать за счет тех запасов, которые были отложены в теле ранее. Ели ли Мати что-либо отдельно — этого я не знаю, но работали они неустанно.

Мати никогда не ходил в кабаки, кроме случаев, когда его кто-нибудь угощал, и любовью к кабаку он объяснял то, что не все огородники столько откладывают, сколько он, хотя это объяснение совершенно не верно. Мати откладывал вследствие того, что плохо ел, имел только одного сына и, следовательно, не имел побочных расходов, не стеснялся платою за чужой труд, а главное, работал много сам. Те недели, когда он обходился без работника, он возил на рынок овощи вдвоем с женой, оставляя огород на поденщицу г-жу Бозель, безответную эльзаску, которая, при своем трудолюбии и добросовестности, могла бы найти огород, где в ее услугах нуждались бы постоянно и где ее кормили бы лучше, но она, не знаю по каким причинам, не изменяла Мати и являлась по пер-

вому зову. К 10 часам утра телега возвращалась, нагруженная навозом, и Мати вдвоем со мной, а когда меня не было, то один, разгружал ее и складывал в навозный скирд, после этого, закусив стакан красного вина куском хлеба с сыром, он принимался копать, поливать, сеять, полоть, прищипывать дыни, садить рассады, снимать овощи для продажи следующего дня и т. д.

В работе на огороде никогда не бывает недостатка: везется на рынок каждый день не мало, воз накладывается всегда полный. Вот, например, одна дневная отправка: 197 кочанов ранней капусты, 2 корзины салата, 143 пучка моркови, 104 пучка репчатого лука (в пучках около 50 штук), 6 вязок мокрецу и 1 корзина капустного листа. Мокрец (сорная трава на огородах, ее покупают для канареек), и капустный лист, который берется в молочные лавки для обертывания масла, а также редиски, коротели, лук и т. под. Овощи, оторвавшиеся от стебля, огородники стыдятся продавать и это представляется в пользу работницы, которая на этом зарабатывает в прибавку к своему скудному жалованью в 30 франков еще столько же, а иногда и более. Г-жа Мати работницы не держала и не стыдилась, кроме хорошего товара, возить и плохой; она его продавала в свою пользу и откладывала в кубышку заодно с остальными доходами.

Воз с перечисленными овощами возвращался в огород, но не на колесах, а в кармане г-жи Мати, капуста в виде 25 фр., салат — 8 фр., морковь — 36 фр., и лук — 20 фр., а всего 83 франка или 30 руб. за один день. Недурно! Ведь это в месяц рублей 900 валового дохода!

Читатель удивится и неверчиво посмотрит на такую цифру, получаемую с полудесятины земли, но хотя она приблизительна, тем не менее не далека от истины.

Конечно, день на день не придается, но разница между днями не особенно велика, гораздо значительнее она между месяцами, в

особенности летними и зимними, так как зимой все производится под стеклом и, следовательно, количество продуктов не только зависит от количества труда и умения, но также и от количества стекла. Зимой огородники обыкновенно ездят на рынок не каждый день, а по мере накопления товара.

Определить доходность огорода с точностью очень трудно, так как ни один огородник не ведет хозяйственных книг, да кроме того держит от всех свои доходы в тайне. Меня очень интересовало определить доходность огорода, и я раз было завел с Мати об этом разговор, но тот до того покраснел при моих расспросах, что я думал, что с ним сделается удар: его лицо, бронзированное лучами солнца, приняло цвет *sang de boeuf* — этот цвет коммунаров, к которым он себя причислял. Оправившись несколько, он мне сказал, что вопросов о доходах работник хозяину не должен задавать, потому что работник, узнав, захочет делить эти доходы, но так как я иностранец, то он на этот раз нашел возможным ответить.

Он определил чистый доход с огорода в год 5—6 тысяч франков, но в этом определении соврал, хотя и знал, что я с ним не только ничего делить не буду, а даже следующего мне заработка с него не беру. За 13 лет он уплатил 10 тысяч франков долгу и скопил для постройки дома 100 тысяч франков, следовательно на год приходится сбережений почти 8,5 тысячи франков, или около 3,5 тысячи рублей в год чистого дохода с 0,5 десятины земли!

В течение трех с половиной недель, что я работал у Мати, мне пришлось 21 день нагружать телегу; я записывал каждый день то, что отправлялось на рынок. С 4-го по 30-е мая 21 отправка, так как по воскресеньям не ездят; цены мне пришлось взять гуртовые, следовательно более дешевые, чем при практикуемой также огородниками продаже в розницу.

Итак, за 21 день свезено на ры-

нок на 1,942 фр., или на наши деньги около 800 руб. в три недели.

Эта цифра может показаться невероятною всем, кто не верит земле, но французы к земле относятся с уважением. Они в оправдание ее создали поговорку: "нет плохой земли, а есть плохие хозяева". Хозяин, который знает, что и когда надо брать у земли и что надо ей давать, хозяин, не жалеющий работы и капитала, имеющий рынок для сбыта и не находящийся под дамокловым мечом понижения и повышения курса — такой хозяин, как парижский огородник, не должен и не может получать мало с земли.

Мне часто приходилось слышать возражения, что эта громадная производительность земли зависит от климата и что у нас земля не может дать того, что в Париже; с этим очень трудно согласиться. В огородной культуре климат очень мало значит, так как огородники его создают сами. Когда холодно, они работают под стеклом, в дожде они не нуждаются и дождем обыкновенно даже недовольны: он только мешает работать и обманывает огородника своей скудной поливкой, которая всегда приходится в убыток. Огород, благодаря поливке, дает свои громадные сборы, и никакой дождь не может столько дать земле воды, сколько ей дает огородник. Насколько важен вопрос поливки, видно из того, что огородники, поливающие не из кишки, а лейками, еле сводят концы с концами.

В каждом огороде вы видите, рядом с домом, большой чан на высоких столбах, в который накачивается вода из колодца посредством конного привода. Из чана вода проведена трубами мимо всех гряд огорода и через каждые две гряды из земли торчат медные краны, к которым привинчивается резиновая кишка для поливки. При таких условиях вы можете поливать, сколько считаете нужным. Но не все имеют средства завести такое орошение, которое введено в парижском огородничестве нашим знакомым г. Понсом. Многие из огород-

ников принуждены пользоваться прежней системой орошения; в таких огородах вода проведена из чана в несколько бочек, закопанных в землю, из которых 2 человека ежедневно в жаркое время с 11 часов утра до 8 часов вечера, с отдыхом в полтора часа во время обеда, носят воду для поливки. Каждый из них с двумя лейками, вместимостью в 10 литров, следовательно весом с посудой около 2 пудов, делает в день 1,125 оборота и поливает площадь в $\frac{1}{4}$ десятины: при такой поливке на десятину надо 90 кубических метров или 180 сорокаведерных бочек. Несмотря на громадный труд, затрачиваемый при ручной поливке, как я уже говорил, огородники, пользующиеся ею, едва сводят концы с концами.

Огородными землями у нас считаются какие-то особенные: ими дорожат и считают, что огород не всюду заведешь. Некогда к земле относились так и парижане: они выбирали под огороды низменные места, где влага лучше сохранялась и где земля имела толстый растительный слой, но те времена давно прошли; то было еще в XIV столетии и от того времени осталось только название всякого огорода болотом, а огородников до сих пор называют "maraisier". Париж никогда не давал покоя огородникам, и их труды по улучшению земли пропадали даром, так как разраставшийся во все стороны город застраивал огороды домами. Это вечное переселение к окраинам приучило огородников ценить в огороде не качество земли, а труд, затрачиваемый на ней ежегодно. Теперь при выборе места для огорода имеют значение только глубина, на которой можно достать воду, по возможности горизонтальное положение и близость к мощеному пути; только эти факторы могут влиять на выгоду предприятия со стороны, все остальные благоприятные условия вносит огородник своими способностями и своим трудолюбием.

Рядом с огородом Мати был пустырь, разделка которого начата была при мне, он был вспахан плу-

гом, разрыхлен боронами и унавожен навозом под лопату в первый и последний раз. Земля была песчанистая, с большим количеством камней — у нас такие земли остаются вечно неразработанными, так как камень сильно мешает работе, но во Франции камень выбирают в кучи и увозят. После двадцати лет работы на огородах еще остаются в земле камни, которые ежегодно при перекопке выбираются. Через три года новый огород будет уже почти в нормальных условиях: последняя четверть его покроется тогда стеклом, а три четверти, уже отбывшие эту повинность в первые три года, будут иметь достаточно перегноя и railis для того, чтобы вынести требования парижского рынка и начать наполнять карман бережливого хозяина огорода.

Чтобы понять эту неутомимую производительность земли, надо знать, как огородники ею пользуются. Всею массой навоза, прежде чем обратить ее в удобрение, они пользуются для получения тепла в парниках и паровых грядах, причем огородники никогда не ограничиваются снятием одного урожая с насыпанной на навоз земли. Например, вот один из многочисленных парниковых севооборотов: в первых числах января сажают латук и в половине того же месяца между ними помещают цветную капусту; в первой половине марта, после сбора латука, сажают другой сорт того же салата, в мае, свежая на рынок цветную капусту и второй салат, переворачивают лопатой землю и сажают дыни. В начале июля между ними помещают снова цветную капусту, а в сентябре, на зиму, сеют шпинат или салат маш. Таким образом, с раз сделанного парника получают шесть урожаев разных овощей.

Другой пример я возьму из севооборотов на открытом воздухе; в марте сеют редис с картофелем, к 15 апреля, после выбора редиса, сажают ромен, через месяц позже выбирают картофель и сажают эндевий, затем ромен заменяют цветной капустой, в июне же и эндевий заменяется тоже цветной капустой, а

в сентябре по всей гряде сеется шпинат или салат маш.

Здесь, в этом севообороте — 7 сборов. Одна овощь растет, а в рассаднике уже готовится ей заместитель, который в свою очередь будет замещен новой рассадой: эти замещения делаются поочередно, и на гряде постоянно находятся растения двух возрастов.

Когда я поступил на огород, то он уже представлял сплошной ковер разнообразных оттенков зелени, которые меняли места, но ковер все оставался зеленым до самой осени, когда огород покрывается стеклом.

Май может считаться началом усиленной продажи и, следовательно, деятельности на огороде. Огородник становится озабочен планом кампании, ему надо производить постоянно массу посевов рассады всяких овощей для того, чтобы не почувствовать, даже на один летний день, недостатка овощей для продажи на рынок, или не получить к какому-нибудь дню такого избытка товара, что его нельзя будет сразу отправить. В огородах надо знать сроки не хуже, чем в судах, и как в тех, так и в других пропуск срока часто приводит к разорению. В одних салатах можно спутаться; один по сезону, другой — не по сезону и его не купят; бесконечное число названий — латука, эндивия, эскароля, ромена и кроме того ремонтантные салаты — цикорий, одуванчик, маш и др. — все это имеет свое время спроса. Салаты представляют главную массу огородного товара, так как ни один обед, даже работника, не обходится без него; он представляет вкусную приправу к хлебу, с которым его едят, обливая уксусом и прованским маслом. Конечно, время посевов делалось по большей части известным всем; конечно, существует и в огородничестве, как во всяком деле, рутинная, но рутинеры не жалеют состояний своей работой и не двигают вперед дела. Каждый старается выйти из рутинной, отгадать "секрет" своего соседа, которому удается вывести какую-нибудь овощь не в обыкновенное время. История парижского огородничества

— есть история появления и распространения новых и новых до бесконечности "секретов".

Перед вечером зашел к нам на огород Понс; посмотрев на мою работу, он начал разговор похвалой. "Дело идет хорошо! Вы делаете успехи. Мати говорит, что у него нет более работы, а потому, если вы по-прежнему хотите работать на огороде, то я вам достану другое место. Если хотите, то заходите завтра ко мне". Я конечно, поблагодарил его за любезность и был очень рад переменить место, так как хотелось увидеть другие огороды и узнать других людей, кроме Мати.

Простились мы с Мати очень дружелюбно; он пожалел, что у него нет работы и звал меня к себе, когда накопятся дела в огороде.

На другой день я был у Понса в назначенное время и, после обычных приветствий, он первым делом спросил, сколько мне заплатил Мати.

— Ничего, — отвечал я, — я работал, чтобы учиться и доволен тем, что он с меня не брал за то платы.

— Как! С вас платы! — с хохотом переспросил он меня. — Да! От Мати этого станет! Вот настоящий морванец, — воскликнул он с тем презрением в голосе, которое всегда слышится у француза, когда он говорит о бретонце, морванце и овернце.

Вдвоем с Понсом мы отправились по закоулкам Клиши к моему новому "патрону" — так называют французы хозяев. На огороде, в который мы вошли, все уже были в сборе. Хозяйка возвратилась с рынка и готовила завтрак; работник привез навоз и кончал вместе с хозяином складывать его в скирд; младшая дочь пришла к завтраку из школы, а две старшие пололи гряды. Все собрались в столовую. Всем интересно было посмотреть на "русского", с которым придется вместе жить и работать.

Завтрак был из двух блюд — вареного горошка и жареной говядины. Стакан красного вина был налит каждому хозяином — более

стакана никто никогда не пьет. Во время этой еды обыкновенно читают газету "Petit journal", в которой прочитывают только фельетон — какой-нибудь забористый роман и отдел "faits divers". Политикой никто не интересуется. В этот раз газета лежала непрочитанной; все разговаривали о России и задавали мне разные нелепые вопросы.

После завтрака полагалось отдыхать до 1 часа дня. Я воспользовался этим временем, чтобы сходить за вещами на свою квартиру, так как Лемер, мой новый хозяин, звал меня жить у него. В этом огороде для работников была отдельная комната рядом с конюшней; в ней стояло 2 кровати с мягкими шерстяными тюфяками, подушка и постельное белье были также от хозяев. К часу я уже был на новой квартире и отправился на работу.

Характер работы был здесь другой, чем у Мати, так как огород был больше и всегда требовал работы двух мужчин; хозяин мало помогал, он делал часть посевов, назначал работы и наблюдал, чтобы работа шла успешно, т. е. неустанно. В огороде не полагается отдыхать, кроме тех 1½ часов, что идут на сон после завтрака: остальное время, за исключением времени, проводимого за едой, все идет в пользу хозяина, который настолько дорожит каждой минутой, что даже избегает найма работника, который курит, поэтому между работающими в огородах часто встречаются жующие табак.

Мой новый хозяин не был похож на Мати, в котором текла густая кровь германца: он был уроженец центральной Франции и на нем отпечатался резко характер их родины. Горячий, увлекающийся, он, делал дело, увлекал им и других; у него в огороде работа всегда шла хорошо и его огород был один из лучших в Клиши. Работая сам мало, вследствие плохого здоровья, он умел получить максимум работ с работников, не вызывая со стороны их жалоб. Мой товарищ по работе всегда с завистью говорил об этой способности Лемера и мечтал ее выработать в себе. Но хотя Лемер

имел огород более обширный, чем у Мати, — он почти ничего не скопил. Маленькие сбережения, что он помещал ежегодно в процентные бумаги, не соответствовали тем доходам, которые он должен был получать с огорода. Дело в том, что он принадлежал к той массе "среднего человека", которая, несмотря на свои способности работать, не может создавать что-либо новое в деле, что могло бы подвинуть дело вперед и вместе с тем обогатить изобретателя. Лемер, как и тысячи других французов, не умел копить по грошам — он желал жить, и почти все, что получал, затрачивал на развитие своего дела и на свои развивающиеся потребности. Даже в молодости ему не приходилось особенно копить денег, — он женился на коренной парижской огороднице, на дочери своего хозяина, и получил, в виде приданого, право на аренду огорода, в котором он прожил несколько лет работником. Лемер жил не так, как Мати; помещение у него было хорошее, одевалась вся семья хорошо, ели тоже хорошо, и вся эта жизнь разделялась с работниками наравне, он заботился о своих работниках не меньше, чем о своих детях, и я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из рабочей молодежи отозвался плохо о Лемере, как хозяине, впрочем хозяйства, подобные Мати, были редкими черными пятнами на общем фоне огородничества и их можно было пересчитать на пальцах одной руки.

У Лемера работать было приятно, так как работы были разнообразные и работать, по большей части приходилось вдвоем, так что можно было разговаривать. Но чем более я привыкал к разнообразным работам, чем менее они отнимали у меня внимания, тем тоска по родине более и более усиливалась, тем тяжелее было видеть перед собой людей, довольных окружающею жизнью.

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

ЗАПИСКИ СТАРОГО ЮРИСТА

Рисунок Владимира ШАТУНОВА

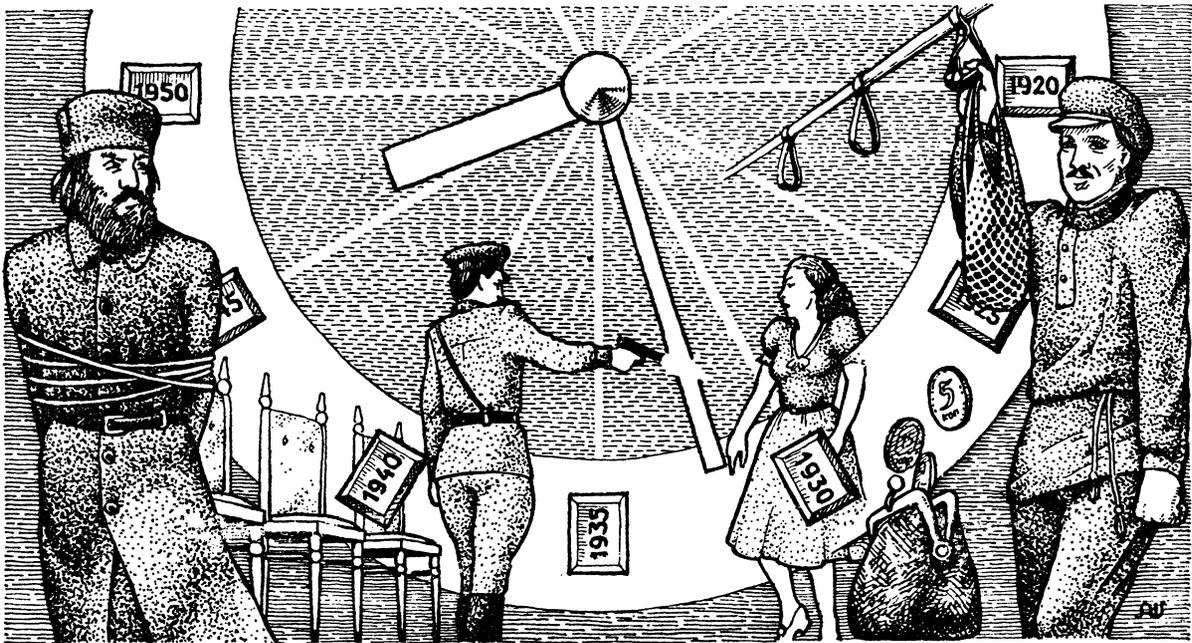
Молодость моя прошла в старинном сибирском городе. Город этот, стоявший на торговом тракте, знаменит был своими купцами и ремесленниками, долгое время считался столицей сибирских ямщиков и навсегда сохранил звание первого университетского города Сибири, имея старейший за Уралом университет. В этом самом университете я и окончил в свое время юридический факультет. Несколько лет проработал в юридической консультации одного из городских районов.

Тут-то я и познакомился со Степаном Антоновичем Кардашевым. По своим семидесяти годам Степан Антонович годился нам в отцы и деды. Судя по орденским планкам, он был когда-то кадровым военным, окончил военно-юридическую академию — опытнейшим специалистом был по уголовному и гражданскому праву...

Особенно все мы ценили Антоныча за его рассказы о тех или иных случаях из его многолетней юридической практики. Были они когда занимательными, года трагическими, но во многом еще и — поучительными.

Отдельные истории врезались в память на всю жизнь.

Сразу оговорюсь: за мелкие подробности поручиться не могу. Как-никак, времени прошло немало, а человеческая память — не столь уж совершенный инструмент, как бы нам хотелось...

"ДОПРЕСТУПНИК"

Разговор зашел о фантастическом рассказе — "Допреступник" или еще что-то в этом роде. Кто-то принес в консультацию старый номер журнала "Искатель". Вкратце суть такова. В одной стране, намек на США, принят закон, по которому любое лицо, замыслившее совершить преступление, могло отбыть наказание на каторге до совершения оно. Отбыть срок удавалось далеко не всем. Зато вернувшиеся получали право совершить то самое преступление, какое замыслили. В на-

шем отечестве, конечно, такого быть не может — пришли мы к единодушному заключению.

— Знал я когда-то одного такого допреступника... — спокойно сказал Антоныч. — Да, знал... Давненько, но было на самом деле...

Мы начали дружно упрашивать его: "Расскажите!" Еще бы — такой юридический феномен!..

— Вполне возможно, — начал Степан Антонович, — люди эти еще живы, поэтому не ждите от меня ни имен, ни места действия. Шел сорок пятый год. Служил я тогда в военной прокуратуре города Н. Через город прохо-

дила Транссибирская магистраль. На стенах домов и заборах еще висели плакаты "Дойдем до Берлина!", хотя Германия капитулировала два месяца назад. С запада на восток по "железке" непрерывным потоком шли эшелоны с живой силой и боевой техникой — о войне с Японией мы, само собой, знать не могли, но не догадывались, что это неспроста. Военским эшелонам давали "зеленую улицу", но случалось, составы стояли в тупиках день-другой, а то и более.

Так вот, доставили к нам однажды майора. Бравый вояка, хотя и не первой молодости — лет этак около сорока. Вся грудь в орденах, пять нашивок за ранения. Что натворил? Час назад, средь бела дня, прямо на улице двумя выстрелами в упор из "ТТ" напавал уложил гражданку К.

Начинаем допрос. Факта убийства майор не отрицал, но утверждал, что наказание за убийство этой особы он уже отбыл сполна. И ссылаясь на приговор шестилетней давности. В тот же день дело оказалось у нас в руках. Вот это да!.. А майор-то, оказывается, прав. Много я повидал за свою жизнь, а о таком ни разу даже и не слышал.

Незадолго до войны судили в городе за преднамеренное убийство собственной жены одного инженера-дорожника. Женился инженер недавно и, на свою беду, жену взял молодую, красивую и, как часто бывает в таких случаях, довольно легкомысленную. По долгу службы муж часто бывал в командировках, а жена тем временем не скучала. Однажды, как водится, муж вернулся не вовремя, застал у жены любовника, крепко побил обоих, любовника выкинул из окна второго этажа, а жене пообещал в следующий раз свернуть шею. Супруг, кстати, с детства увлекался гимнастикой, рука у него была тяжелая. Незадачливый любовник, хотя и получил при падении перелом руки, официально жаловаться не стал и старался с тех пор свою "любовь" обходить стороной. Слухов и сплетен по этому поводу было немало. Одним словом, случай классический. В деле сохранилась фотография жены — очень яркая была женщина...

И вот однажды жена исчезла. Пропала без следа, как не было. Родители ее немедленно обратились куда следует. Завели дело, передали в суд. Улики против мужа имелись, хотя и косвенные, но убедительные. Бил жену? Бил. Убить грозил? И это было. И то, и другое подтвердили соседи. Ну, может, и так — грозил-грозил, да не убивал. А куда же она тогда делась? И почему на полу комнаты пятна крови нашли, и группа та самая?.. Нос разбила? А если не нос? А если голову — да в мешок, да в реку — река рядом... А из реки незадолго до суда такой мешочек выловили, с женским трупом. Сохранилось тело, конечно, не очень, но родители свою дочь опознали. Кто убил? Вот он, убийца. Запирается, все отрицает? Так ведь не каждый признается. И ведь не раскаивается нисколько!

Получил инженер свой срок и отправился на Колыму. А тут война. Подал наш зэк заявление и — в штрафную роту. До первой крови — такое тогда было правило. В первых же боях отличился: судимость сняли, восстановили в командирском звании — до суда он был капитаном запаса. Отличился еще не раз, и не два... Войну закончил в Берлине. А затем, вместе со своей частью, получил направление на Дальний Восток. По пути эшелон остановился в городе Н. До боли знакомые, родные

ему места... Вот и решил майор, взяв "добро" у начальства, побродить пару часов по ближайшим улицам, вспоминать — как-никак, столько лет дома не был...

Идет наш герой не спеша, по сторонам глядит. И что же он видит?! В одной из очередей за хлебом стоит его законная супруга... Живая, здоровая, хотя и заметно потрепанная. Подходит майор к ней, здоровается. Та удивляется:

— Гляди-ка, живой! А слухи ходили, что ты не то на Колыме, не то на фронте погиб...

— Я-то ладно, а вот ты откуда взялась? Ты ведь уже шестой год в покойницах числишься?..

— Это я под твоей фамилией в покойницах числюсь, а сейчас у меня новая фамилия, — говорит бывшая жена и лицом кривится: — Не мог же ты погибнуть героической смертью, как другие... Сейчас у меня неприятности из-за тебя могут быть...

Вспомнил тут майор свою семейную жизнь, следствие, суд, позор, клеймо убийцы, колымские лагеря, штрафной своей горестный батальон... Все вспомнил, и говорит ей как можно спокойнее:

— Никаких неприятностей у тебя больше не будет, — и достает пистолет...

Остальное вы уже знаете. Допросили на следующий день мать убитой. Оказалось, что сбегала дочка в свое время с очередным хахалем. Родители, само собой, дочку не выдали — труп случайный "опознали". Тут вскоре война. В первые же месяцы население в городе заметно перемешалось. Тысячи и тысячи отправились на фронт, на запад, а оттуда заехали десятки тысяч эвакуированных с заводами и фабриками... Так что когда дочка из дальних краев вернулась, на это никто особого внимания не обратил. Война все спешит! Да и кому было внимание обращать? Участковый давно на фронте, соседи — кто на фронтах, кто на шахтах, заводах, на казарменном положении. Кругом неразбериха... А смазливая бабенка не растерялась — умела к мужчинам подход найти. Выбрала себе работенку полегче, раздобыла "чистые" документы, снова вышла замуж. Очередной муж был непризывного возраста, а должность занимал хлебную.

Мамаша новым зятем была очень довольна. То, что прежний дочкин муженек не то на Колыме гниет, не то в штрафных ротах воюет — это было неинтересно. Похоронки идут, и на него где-нибудь пришла... Кто мог предполагать, что человек и в лагерях не пропадет, и на фронте не погибнет, и в родной город вернется, и на улице случайно "покойную" жену встретит?!

Командование части представило на майора характеристику: боевой офицер, награжден тремя орденами и пятью медалями, после каждого ранения возвращался в строй, за время войны вырос до командира полка...

На следующее утро — трибунал. Труп есть? Есть. Значит, есть и преступление. Но... Наказание за убийство именно этой гражданки убийца получил? На всю катушку — сие подтверждает приговор прежнего суда, никем не отмененный и имеющий силу закона. Наказание преступник сполна отбыл. Преступление и наказание поменялись местами, но формально все верно.

В действиях майора трибунал не обнаружил нового состава преступления, обвиняемого оправдал и из-под стражи освободил. Под арестом майор провел менее двух суток и даже от своей дивизии не отстал.

Потом, я слышал краем уха, что из Маньчжурии майор вернулся полковником, получил еще один орден...

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

В "органах" Степан Антонович, по всей видимости, работал, но о личной своей службе никогда не заикался. О сослуживцах рассказывал. О временах своей молодости повествовал с такой живостью, с такими подробностями, как если бы дело происходило на прошлой неделе.

Году в двадцать шестом в нашей губернии было очень беспокойно, впрочем, как и во всей Сибири. Редкая неделя обходилась без терактов. Бандиты пошаливали — да не те лохотенные джентльмены, каких показывают сейчас в кино и по телевидению, а самые обыкновенные: немытые, небритые, озлобленные, жестокие... Публика была пестрая: бывшие колчаковцы, недобитые унгерновцы, недоевавшие свое партизаны, а чаще — обычные уголовники. Но были и простые деревенские мужики, взявшие в руки обрезы, потому что не поладили с местной властью, или решившие свести кое с кем личные счеты. Это потом стали писать доносы и анонимки, а тогда народ был попроще — больше на свои силы надеялись.

Крупных банд к тому времени почти не осталось, зато бандочки поменьше доставляли хлопот с избытком. Подкармливались они у друзей и родственников, днем отсыпались где-нибудь на заимках, а ближе к вечеру выходили. Сельские активисты спали с оружием под рукой. Кстати, оружие имели все взрослые члены семьи. Ночные перестрелки в деревнях были делом обычным; и днем постреливали, и не только в деревнях. Потери были с обеих сторон, отсюда и ненависть взаимная, и ожесточение большое.

Один мой товарищ служил в ту пору в отделе ББ — борьбы с бандитизмом. Служба эта была, как на фронте: и друзей теряли, и без всяких вестей кое-кто пропадал. И вот получил товарищ мой сообщение, что в окрестностях села Спасское объявилась небольшая банда. Небольшая, но серьезная: дел за ней числилось немало, и дел громких, кровавых. Гуляла бандочка между Обью и Енисеем.

В деревне заметили, что пара подростков зачастила в лес. Вроде бы еще только начало лета — ни грибов, ни ягод; уходят рано, чуть рассветет — к обеду возвращаются. Проследили за парнишками — еду они носят на дальнюю заимку. Ну, дальше шли догадки, однако основания для догадок были веские. Двоюродный брат хозяина заимки служил у Меркуловых и Дитерихса. Кто такой Дитерихс?.. Помните слова из песни "По долинам, по загорьям": "Разгромили атаманов, разогнали воевод..." Что, название песни неверное? Нет, это сейчас поют: "По долинам и по взгорьям", а мы пели правильно: "по загорьям". Так вот, генерал Дитерихс сменил в Приморье братьев Меркуловых. Свое войско он назвал земской ратьей, а себя и ближайших своих помощников нарек воеводами. Когда Блюхер взял Владивосток, ратники кто в плен сдались, кто за границу бежали. А некоторые остались и оружия не сложили, на пощаду не надеялись и сами пощады не давали никому. Вот этого-то двоюродного братца видели в Спасском; наследил он тогда изрядно. Скорее всего, на заимке он "со товарищи" и скрывался.

Стал мой товарищ думать — как быть. Нынешние режиссеры в фильмах такие задачки решают быстро и просто: сажают на коней три десятка чекистов, с места в карьер — ура, наши победили. Да ведь бандитов трудно было застать врасплох, связь и разведку они налаживали, что надо. Ну, приехал бы такой конный отряд, и что дальше? Верхом в лесу не повоюешь: либо конь ногу сломает, либо всадник шею свернет. Значит, спешились, нашли проводника — и на заимку? Отряд еще к деревне не подойдет, а в лес уже весть дадут! И дальше бабушка надвое гадала: если бандитов мало и патронов у них не густо — исчезнут в тайге, и ищи-свищи; если наоборот — нарвешься на засаду. Хорошо еще, когда потери небольшие, а бывало: уходили отряды в тайгу — и с концом, навсегда, ни слуху, ни духу.

Тут действовать приходилось тоньше. Ребятишки носят в лес еду не каждый день, и не слишком много. Значит, на заимке всего несколько человек. Чтобы с ними справиться наверняка, нужно не менее десятка бойцов. Где ж их взять? Прямо на месте и взять...

Изложил мой товарищ план начальству, получил согласие. Поздним вечером положил в карманы тужурки пару наганов — и в путь. В Спасское шел не по дороге — на тракте днем и ночью крепко озорovali, и в одиночку никто не ходил; а берегом реки пошел, где безопаснее и короче. Как и рассчитывал, в село пришел до зари. Осторожно стукнул в окошко — парень там знакомый жил. Одан — это и было нужно. Парень обошел верных людей, позвал к себе, якобы на собрание. Клубов тогда еще не понастроили, так что собрания проводили на дому, то у того, то у другого. Собрание — дело обычное, никто в семьях на это и внимания не обратил. Собрание закончится поздно, домой парни разойдутся в потемках, а времена беспокойные — естественно, все прихватили оружие, тоже обычное дело.

Когда все пришли — тут и узнали, в чем дело. Никто не отказался. Само собой — никаких отлучек домой, даже "на минутку". Как совсем стемнело: по одному — за село. Двигались осторожно, каждый уважающий себя сибирак был охотником — скрадываться умел.

К избушке подобралась вплотную. Часового нет, а изнутри храп доносится. Прислушались. Храпят человека три-четыре, не больше. Дождались, когда чуть-чуть рассветет, чтобы не действовать наугад, в потемках. Двоих оставили у входа, на всякий случай, если кто из бандитов вырвется. Кому что делать — договорились заранее, веревки взяли достаточно... Мгновенно вышибли хлипкий запор, ворвались в избушку, навалились на спящих. Конечно, не церемонились... Не успели бандиты прийти в себя, как их всех повязали. Трое оказались местными, а четвертый — помощник атамана, тот самый. Крови на всех было много — само собой, пока вязали, всыпали от души, крепко помяли. Если бы не товарищ из города — и вязать бы не стали: побили бы сонных...

Осталось доставить бандитов в город, это уже пустяк. И вот тут товарищ мой позволил себе расслабиться... Сначала он все правильно сделал: двоих отправил с донесением: так, мол, и так, везем; а чтобы побыстрее добраться — посоветовал им плыть на лодке. Еще троих послал за подводами. Примерно в версте от деревни дождались лошадей. Пленных и четырех бойцов размести-

ли на двух пароконных подводах, на переднюю сел мой товарищ с двумя напарниками.

И вот тогда сказались для него две бессонные ночи: глаза сами слипаются... Да и чего было опасаться? Бандиты связаны прочно, охрана надежная. Дело к вечеру, но солнышко еще припекает, телега укачивает, мерный топот копыт убаюкивает... Прилег товарищ на дно, на охапку сена, и уснул. Да так крепко, что стреляя над ухом — не проснется...

А когда проснулся — видит: телеги стоят стреноженные, кони рядом пасутся. Что-то вроде народу поубавилось... Соскочил с телеги — так и есть: нету пленных!.. Где? Что случилось?

— Да мы их... того.

— Что "того"?! Как "того"?..

— Да постреляли мы их, пока ты спал. Уж больно здорово они матюгались да грозились. А мы как начали их "подвиги" вспоминать, так и не стерпели.

— А трупы где?..

— Да уж закопали.

— А ну... Поворачивай назад!

Вернулись, откопали, погрузили на телеги, привезли. А там уже получили донесение, ждут. Но ждут-то пленных — не покойников...

Ну, как мог, он объяснил, написал рапорт. Его, конечно, сразу под арест. И через несколько дней трибунал назначили. За самоуправство и за то, что заснул во время выполнения боевой задачи — расстрелять!

Только начальство приговор не утвердило, решило, что не было самоуправства — обычная халатность. Расстрел заменили выговором и переводом в дальний уезд.

Между прочим, прослужил товарищ еще без малого тридцать лет, до большого чина дослужился. И когда нужно было — мог неделю не спать...

"ВРЕТ, КАК ОЧЕВИДЕЦ!"

У англичан, кажется, есть такая пословица: "Врет, как очевидец".

Показания разных свидетелей имеют неодинаковую ценность, если вообще ее имеют. Речь не идет о лжесвидетелях — здесь все ясно; речь о тех, кто искренне уверен в своей правоте, и чьим показаниям все же доверять не стоит.

...Был я в ту пору народным судьей. Поступило к нам дело по обвинению некоего гражданина в карманной краже. Обстоятельства самые обычные. Ехал в трамвае пассажир, подремывал, поскольку ехал до самой конечной остановки. И вдруг заметил, как стоящий впереди мужчина с авоськой в руке лезет в карман к соседу. Сонливость с дремлющего пассажира как ветром сдуло. Вцепился он изо всех сил в мужчину с авоськой и закричал во весь голос: "Держи вора!" В вагоне переполох, другие пассажиры тут же на помощь пришли. Тем более, что бумажник — вот он, на полу валяется, и потерпевший сразу признал его своим.

Человек с авоськой пытается все отрицать, а бумажник-то — прямо у его ног... И главный свидетель, очевидец есть.

Спустя несколько недель сидит гражданин-"авоська" на скамье подсудимых. По-прежнему от кражи категорически отказывается. Оглашено обвинительное заключение, идет опрос свидетелей. Бдительный гражданин

чувствует себя героем дня — ведь это он проявил находчивость, задержал вора.

Предлагаю ему рассказать подробно, и он начинает:

— Еду я, значит, домой в трамвае. Слегка задремал. Вдруг вижу — стоит впереди вот он, в одной руке у него авоська, другой держится за поручень, и лезет в чужой карман. Совести у некоторых людей нет!

Один из моих заседателей вдруг насторожился. По небольшому зальчику, где сидели сравнительно немногочисленные для такого заурядного процесса зрители, что-то прошелестело. Обращаюсь снова к свидетелю:

— Повторите, пожалуйста, свои показания.

Он повторил. Шум в зале усилился. Второй заседатель очнулся от обычного оцепенения — смотрит: улыбается...

— Вы можете поручиться за свои слова? — спрашиваю главного очевидца.

— Конечно, могу! — обижается тот. — Как сейчас вижу: в руке авоська, а свободной рукой...

Оба заседателя опустили головы и прячут улыбки. Свидетель недоуменно оглядывается по сторонам. Мне, однако, не до смеха. Спрашиваю еще раз:

— Вы точно видели, что в одной руке у обвиняемого была авоська?

— Да, точно! В левой!..

— А другой, вы говорите?..

— А другой держался за поручень. Правой.

— Правой?..

— Держался! Правой!..

— Так какой же рукой он залез в карман?

— Свободной рукой.

В зале стоит хохот, смеется даже обвиняемый. Но до свидетеля ничего не доходит. Призываю зал к порядку, и когда шум немного стихает, спрашиваю напрямик:

— Так, сколько рук у обвиняемого?

— Как... сколько? Две... — обиженно отвечает он.

— В одной была авоська?

— Была, да, авоська.

— Другой держался за поручень?

— Ну, он вверху ее держал, на поручне...

— Так которой по счету рукой он залез в карман?

— Я же говорю вам!.. Сво... Какой же еще... То есть... Вроде...

На лице свидетеля отражается титаническая работа мысли.

Разумеется, "обвиняемого" оправдали. Несогласованность в показании главного свидетеля я заметил еще при чтении дела. Почему же принял дело — не вернул его? По-человечески пожалел безвинно обвиненного. Знаете, в старину существовала пошленькая притча: "Не знаю точно, то ли он украл шубу, то ли у него украли шубу... Главное — он замешан в эту грязную историю". И сегодня слишком многие уверены: если человек попал под следствие — значит, что-то есть... Дыма без огня не бывает. Мало ли, что дело прекращено, это еще неизвестно — может, взятку дал, может, связи... И репутация у человека запятнана надолго, бывает — на всю жизнь.

Но очень я пожалел, что в зале нет следователя, который "сработал" дело о трамвайной краже. Вот бы над кем посмеяться!..

Внимание — конкурс!

Алексей ЛОБАШЕВ:

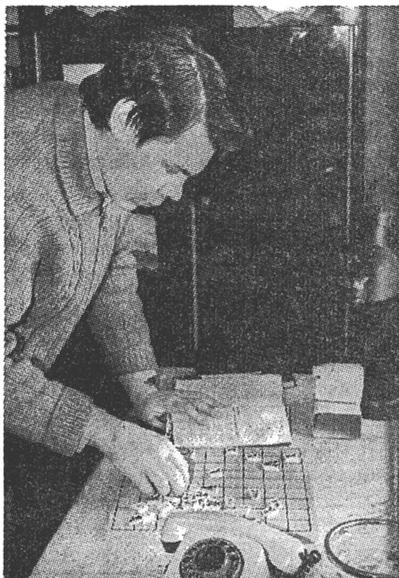
**“Удивить меня трудно,
но тому, кто это сделает, обещаю 50 тысяч наличными”.**

**— Прежде всего: откуда такое при-
страстие? Почему именно игры?**

— Ну, во-первых, это отчасти семейное. Еще когда мне было лет пять, или даже раньше, отец научил меня играть в шахматы, карты. Мы достаточно много играли в семье, и к классу к седьмому-восьмому школы я знал так же карточных игр в два-три раза больше, чем сверстники. Кроме того, иногда мы по различным журналам, особенно по “Науке и жизни”, с увлечением разбирали игры совсем новые, необычные для нас. А во-вторых, уже в сознательном возрасте, когда я более-менее серьезно начал изучать соответствующую литературу в библиотеках, то обнаружил следующее: по-настоящему, профессионально в мире занимались этим лишь до начала нынешнего века. В США, например, прежде, чем истребить индейцев, собрали книгу в полторы тысячи страниц с описанием игр всех племен Северной Америки. В современных же трудах по этнографии этого нет вообще. Ближайшие по времени две-три работы среди тех, что попали в поле зрения, опубликованы в 20-х годах. В остальных написано, как люди одеваются, питаются, поют, как строят, а игра, как элемент культуры, отсутствует напрочь. Мало того. Начав бывать за границей и встречаться с тамошними учеными, я убедился, что практически нигде современные антропологи, например, игры не изучают. Немного изучают социологи (их интересует главным образом влияние военной игры на психологию детей), больше внимания уделяют им книгоиздатели. В Англии, особенно — в Германии выходит множество книг с правилами игры. Но все они — чисто развлекательные. Обычно идет перетраживание изданий середины и конца прошлого века, причем при этом накапливается огромное количество ошибок. У англичан — одни характерные ошибки, у немцев — другие, однако ни у тех, ни у других ничего нового не появляется.

**— То есть в известной мере вы на-
чали основательно развивать свою
коллекцию из честолюбивых устрем-
лений: стать первым и единственным?**

— Не только и не столько. Я хочу собрать значительную и важную часть человеческой

Как известно, нормальные ученые — народ серьезный, обстоятельный, и в то же время одержимый, не жалеющий ничего для процветания предмета своей страсти. А если нормальный ученый увлекается чем-то помимо основного занятия, то, как правило, относится к увлечению не менее основательно и безоглядно, не считаясь с затратами.

Алексей Лобашев, один из авторов цикла статей “Игры народов мира”, начатого в первом номере “УС” за 1994 г., по профессии юрист, достигший в своем деле хорошего академического уровня. В тридцать с небольшим он — заведующий сектором Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. А еще он коллекционирует, как вы уже догадались, игры различных стран и народов. Причем коллекционирует настолько основательно, что обратился в редакцию журнала и своей “родной” академической газеты “Наука Урала” с предложением объявить, так сказать, частный, авторский конкурс на лучшее, а точнее — наиболее качественное пополнение своей коллекции. Оригинальное предложение показалось нам интересным, и мы с удовольствием предоставляем Алексею Владимировичу возможность объявить свои условия. Но вначале — несколько общих вопросов к инициатору, чтобы было яснее, о какого уровня хобби идет речь и насколько реален ваш шанс получить главный приз.

культуры. Народы забывают, утрачивают свои игры. В развитых странах это объясняется наступлением по всем фронтам компьютерной техники. Однако даже представители нынешнего поколения молодых монголов, с которыми я довольно часто общаюсь, могут припомнить от силы десяток монгольских национальных игр. А мне известны уже две сотни...

— Но ведь игровые компьютерные программы тоже называются играми. Многие из них требуют значительных интеллектуальных усилий, в целом ряде использована вполне традиционная атрибутика — карты, шахматы.

— ...и всегда отсутствует главный компонент: партнер. Уверен: ни одну, даже самую сложную из существующих программ, не говоря уже обо всех этих “пляшущих человечках”, никак нельзя назвать настоящим партнером. Тут — старая проблема искусственного интеллекта. Когда люди создадут интеллект, действительно сходный с их собственным по всем параметрам, возможно, возникнет элемент живого, настоящего партнерства. А пока это в лучшем случае эрзац-вариант, подделка. Как, кстати, и большинство “умных” головоломок...

**— Тогда что, по-вашему, можно на-
звать собственно игрой? Насколько я
знаю, трактовкой этого понятия зани-
мались и занимаются еще и филосо-
фы, педагоги. Есть знаменитая книга
“Человек играющий”, а классическое
оперное “Что наша жизнь? Игра,” бла-
годаря известной телепередаче знако-
мо каждому отечественному школьни-
ку. Существует ли наиболее близкое
вашему пониманию и точное опреде-
ление?**

— Увы, в литературе достаточно хорошего определения я не встречал, своими же силами сформулировать его не взялся бы из осторожности, хотя повторяю еще раз: рассматриваю игру прежде всего как элемент человеческой культуры. Собирая коллекцию, я чисто интуитивно что-то отбрасываю, а что-то оставляю. Но мне почему-то кажется, что большинство авторов теоретических работ, в

том числе — "Человека играющего", сами никогда ни во что не играли. Отсюда — недостатки их определений. Что касается тезиса "вся жизнь — игра", отношусь к нему скептически. Не очень-то многие люди сами играют свою жизнь. Конечно, мы вправе избрать для себя ту или иную общественную, профессиональную роль, и избрав удачно, почувствовать себя уверенней, комфортней... Но это означает лишь, что на доске вы чувствуете себя конем лучше, чем пешкой. Если жизнь и игра — то игра Бога. Игрок все же тот, кто двигает фигурами...

— Но давайте вернемся к вашей коллекции и конкурсу. Сколько у вас игр и каких? Есть ли у вас коллеги по хобби в нашей стране, известна ли коллекция, более полная, чем ваша?

— Тут необходимо уточнение. Я собираю главным образом правила игры, иначе бы мне приходилось изготавливать все необходимые атрибуты самому, что крайне трудоемко. Разумеется, не отказываюсь, если попадают игры "целиком", но и хорошее, полное описание — уже экспонат. Сколько их? Честно говоря, никогда не считал. Несколько тысяч, возможно — десяток, а может и больше...

Если говорить о типизации, то тут многое зависит от деталей, от того, что мы выберем за основу шкалы. Основные типы, думаю, читателям известны. Это шахматы, или шахматные игры (сюда же, на мой взгляд, примыкают и все военные), далее — шашечные (главное отличие шахмат от шашек в том, что у первых разные фигуры имеют разные правила хода). Затем — перечисляю довольно хаотично, в произвольном порядке — идут игры карточные, домино, кости, типа "манкала", очень распространенные в арабских странах и в Африке (у нас из них продавалась каллах, игра математического плана с перекалыванием шариков из лунки в лунку). И, наконец, игры перестановочные, например, уголки, игры "на загибание" — "волк и овцы", то есть происходящие на той же шашечной доске, но с другой конечной целью. Вообще, интересно, что наличие основной игры — допустим, шашек, предполагает возможность с теми же атрибутами играть в большое количество игр другого типа. Японцы, допустим, играют в японские шахматы, но поскольку фигурки там плоские, они используют их как кости или домино. Китайцы применяют свои круглые и плоские шахматы для игр типа карточных. То есть когда я произношу слово "карты", я имею в виду именно тип игры. Это могут быть и деревянные таблички...

О других коллекциях могу судить только по известным мне. Я знаю несколько имен

людей, которые, по моим меркам, лишь называют себя коллекционерами. Из литературы, в плане полноты охвата материала, могу отметить всего одну отечественную книжку Розалиева с описанием почти всех наших карточных игр последних лет. А кроме того, настоящее коллекционирование такого рода, по моему, предполагает не только изолированный сбор материала из какой-то одной страны, но и изучением происхождения игр, их распространенности по территориям, сравнение — ближе ли, предположим, наши карты западным, или напротив — восточным. Этим, даже на уровне хобби, по моим данным, не занимается никто.

— Каким же образом могут помочь вам наши читатели? Как конкретно мыслится объявляемый вами конкурс?

— Прежде все, мне интересно, во что сейчас играют люди: взрослые, дети, студенты. Об этом практически ничего неизвестно. Крупномасштабные социологические исследования такого рода у нас не проводились. Тогда как те же американцы прекрасно знают: первая по популярности у них — такая-то игра, в первую десятку входят такие-то... Встречаются варианты типичных игр, даже, может быть, подкидного дурака, которые оказываются уникальными, характерными исключительно для определенного района. С ними смыкаются курьезные случаи, когда, толком не зная правил или забыв их, люди начинают по своему во что-то играть, и получается нечто новое, отличающееся от первоисточника не всегда в худшую сторону. Все это мне тоже любопытно. Причем читателю, решившему помочь коллекции, вовсе не обязательно сразу браться за кропотливую работу полного изложения правил. Для начала достаточно привести название игры и в двух словах сообщить, в чем она состоит. А если автор письма добавит, что в нее никто среди его знакомых не играет — внимание к письму возрастет. Значит, присутствует элемент уникальности. Вообще, удивить меня довольно трудно, но — можно. Недавно мне рассказали о нашей, уральской игре, распространенной в сельской местности, о которой прежде я нигде ничего не слышал.

Очень плохо изучены игры малых народов, и сведения о них накапливаются медленно. Так, некоторое время назад один якутский студент сообщил, что на его родине играют костяными фигурками — не в кости, а именно различными фигурками, бросая их определенным образом и набирая очки. Мне известны игры такого рода североамериканских индейцев, а вот правил якутской до сих пор не знаю: студент уехал, не оставив адреса. Жаль...

Множество игр исчезло после революции

17-го года. От некоторых остались названия, но не сохранились правила, от других — наоборот. И это тоже — материал для коллекции. Любая новая информация полезна. И каждый, кто пришлет в журнал что-то новое для меня, как минимум, может рассчитывать на равнозначную ответную информацию. То есть, если вы пришлете правила одной необычной игры и вас интересует другая — обязуюсь выслать в течении месяца. При условии: перевод материалов с иностранных языков вы берете на себя. Источники, написанные на немецком, английском, французском, польском, чешском и некоторых других, сам я не перевожу, читаю по мере необходимости. Ну и, конечно, не буду рассматривать банальные письма вроде нового варианта "крестиков-ноликов"...

Это — первая часть конкурса, которую лучше назвать нормальным обменом. А вторая — соревнование за главный приз размером в 50 тысяч рублей. Его удостоится игра самая-самая необычная. Если же вам удастся обнаружить название и правила неизвестного мне типа игры — будет просто замечательно. Размер вознаграждения может возрасти. Правда, за все десять лет серьезных занятий этим я лишь однажды обнаружил такие правила — при том, что название типа встречал раньше. И тем не менее — дерзайте! Везение для игрока — первый помощник.

Как видим, предлагаемый конкурс — отнюдь не "Поле чудес" и не простая лотерея. Автомобиль без особых затрат не будет. Хотите победить — надо поработать: может быть, порасспрашивать бабушек, дедушек, или покопаться в семейном архиве. Но при любом исходе — труд ваш даром не пропадет. В худшем случае — больше узнаете о традициях своей семьи, народа. А в лучшем — самые интересные с точки зрения строгого судьи игры обещаем опубликовать на своих страницах, плюс — бесплатная подписка победителю. К тому же А.Лобашев, назвав сумму первоначального приза еще в марте месяце, подумал и обещал учесть пресловутую инфляцию. Так что пишите на адрес журнала с пометкой: "Конкурс игр".

Желаем удачи!

Подготовил А. ПОНИЗОВКИН

На снимке: Алексей Лобашев

■ Вулкан — маяк

Вулкан Исалько в Центральной Америке относится к наиболее активным на планете. Моряки называют этот вулкан (его высота 3000 метров) маяком — уже много лет он служит отличным ориентиром для судов, плывущих вблизи берегов. Извержения Исалько происходят каждые 8 минут. Сначала слышится подземный гул, затем над кратером поднимается столб дыма высотой до 300 метров, который виден далеко в море. В ночное время вулкан "сигнализирует" вспышками.

■ Индийская книга рекордов

Индийский ученый С. Ганди считает, что "Книга рекордов Гиннеса" оставила без внимания многие достижения индийцев из категории "самое-самое". Он привел список примеров, в том числе:

- самый длинный коридор находится в индийском храме Рамерваран — больше 1200 метров;

- самый большой купол венчает гробницу Мухаммеда Адил Шаха, построенную в XVII веке — диаметр купола равен 37,8 метра;

- самый древний рис найден при раскопках на территории Индии (находка датирована VI веком до н. э.);

- самая многолюдная свадьба состоялась в 1971 году в штате Андхра-Прадеш, на ней присутствовало 100000 гостей.

■ Ловись рыбка...

В Австралии, как и в ряде других стран, ежегодно проводятся состязания рыбаков — кто поймает удочкой рыбу наибольшего веса. Пока абсолютный рекорд этой страны принадлежит Элфу Дину, который выловил удочкой рыбу — "морскую собаку" весом в 1209 килограммов.

Меньше известны устраиваемые в

Великобритании состязания рыбаков под девизом "Самая маленькая рыбка, попавшая на крючок". Здесь тоже есть свои рекордсмены. Последний из них — Пит Кристан, который обошел 107 соперников, выудив попавшую на крючок рыбку весом в два грамма.

■ Античный шпионаж

Американские археологи при раскопках на севере Сирии, неподалеку от турецкой границы, обнаружили королевский архив, возраст которого определен в 3700 лет. В архиве находилось 1100 глиняных табличек, испещренных клинописью. Оказалось, что многие из них — документы дипломатической службы. В одной из табличек, в частности, речь идет об очередном обмене пойманных с полчищем дипломатов-шпионов двух королевств Месопотамии. Так что "совмещение обязанностей" дипломатов имеет очень древнее происхождение...

■ Где нет худых

Диетолог Джулия Армстронг из Великобритании вместе с супругом отправилась в королевство Тонго (группа островов в юго-западной части Тихого океана) с нелегкой задачей: убедить местных жителей одного из островов ограничить себя в пище, поскольку все они имеют избыточный вес. Увы, Джулии Армстронг, несмотря на все ее старания, решить эту задачу не удалось. Дело в том, что на этом острове аборигены с давних пор придерживаются мнения: "Чем тяжелее, тем красивее" — такова здесь традиция. По этой самой причине нынешний король Тупоу IV, который весит 150 килограммов, отнюдь не самый тяжелый в своем королевстве. Как удалось выяснить диетологу из Великобритании, девушки-островитянки, подбирая себе жениха, отдают предпочтение холостякам, весящим не менее 130 килограммов. Кстати, сами девушки весят намного меньше.

■ Можно и без "ф"

В тагальском языке, одном из двух официальных языков Филиппин, нет ни звука, ни буквы "Ф". Это обстоятельство, конечно, не вызывает особых трудностей у говорящих — ведь и в других языках также встречаются "отсутствующие" звуки. Но, как уже было сказано, тагальский язык — официальный на Филиппинах, и те, кто говорит и пишет на этом языке, называют свою страну "Пилиппинас".

■ По вине львов

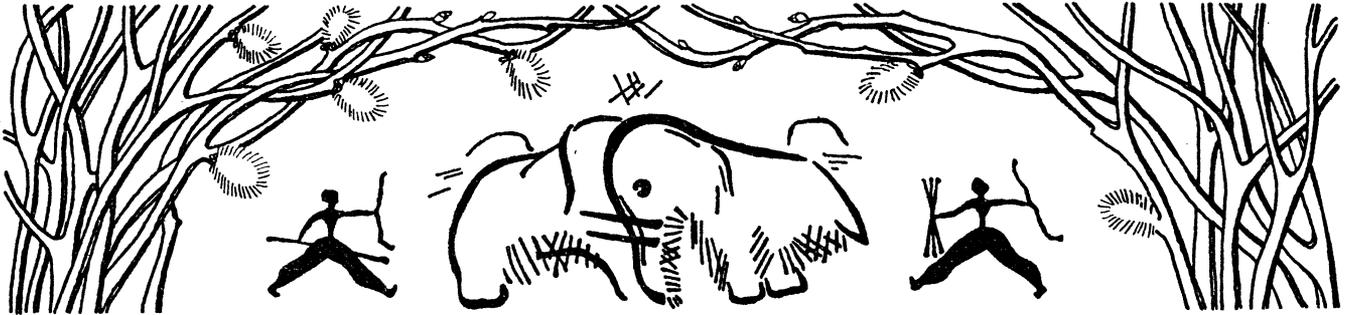
На Трафальгарской площади в Лондоне высится гигантская колонна — памятник адмиралу Горацио Нельсону. У подножия колонны установлены четыре огромных бронзовых льва. Хотя знаменитый адмирал отошел в мир иной еще в 1805 году, до сегодняшнего дня на его имя приходит письма из разных уголков света. С чисто английским юмором лондонская почта возвращает эти письма отправителям с припиской, что, дескать, приносим извинения, но доставить ваше послание не представляется возможным из-за свирепых львов, охраняющих Нельсона...

■ Осторожнее с комплиментами!

Повсюду в мире комплимент женщине считается проявлением эlegantности и доброго расположения. То же самое и в африканской стране Республика Того. Но именно здесь с комплиментами надо быть очень осторожным. Дело в том, что, согласно местным обычаям, мужчина, похваливший красоту или иные качества той либо другой представительницы слабого пола, должен непременно жениться на ней. Единственное утешение для опростоволосившихся, пожалуй, в том, что исламские законы Того позволяют иметь четырех жен.

Александр ПИСКУНОВ

Почему вымерли мамонты?

Вопрос этот волнует экологов и историков, климатологов и географов, геологов и биологов. Есть немало предположений, объясняющих гибель северных слонов: катастрофическое похолодание, преследование мамонтов первобытными охотниками, ведь на стоянках людей эпохи палеолита встречается много костей этих гигантов.

Конечно, похолодание и охота способствовали вымиранию мамонтов, но не они, на наш взгляд, были главными виновниками этой трагедии.

Авторы некоторых статей неверно представляют себе экологическую нишу мамонта. Наивно считают, что они стадами бродили по тундрам в поисках корма, добывая его из-под снега с помощью бивней. В то же время известно, что каждый из них потреблял не менее трехсот килограмм корма в сутки. Могли ли они добыть его в тундрах? Нет, мамонты никогда не жили в тех тундрах, которые мы знаем сейчас. Благодаря леднику, покрывавшему север Европы, восточнее его простирались огромные пространства дождевой тени. Это была зона сухих и холодных степей, где открытые участки чередовались с зарослями кустарников, в основном ивы. Именно ива служила кормом для обитателей северных саванн. Рассматривая зубы мамонта, нетрудно убедиться, что эти "жернова" отлично приспособлены для перетирания веточного корма.

Ива рано начинает вегетировать. Уже в марте ее ветви покрываются белыми "барашками" будущих соцветий. Покрывающие цветочную почку белые волоски — это своеобразные световоды, помогающие растению утилизировать солнечное излучение, которого в эту пору в избытке. Аналогичной способностью обладает волосаной покров белого медведя и детеныша тюленя-белька. Эксперименты с "барашками" ивы утвердили меня в этой догадке.

Ива — порождение севера. Она удивительно хорошо приспособлена к его экстремальным условиям. Из древесных растений ива смогла преодолеть барьер Полярного круга. Посмотрите, каким спросом пользуется она у зайцев и лосей. Причина — в обилии в ее коре хорошо усвояемых животными жиров. Особенно много их в коре осины, так же относящейся к ивовым. Зарастающие осинниками лесосеки оказались одной из причин роста численности лося. Ивовые способны быстро восстанавливать ее, хорошо приспособлены к вегетативному размножению, дают богатую поросль. С помощью переносимых ветром семян, они способны быстро осваивать новые территории.

Думается, что мамонты существовали только благодаря богатым зарослям ивовых, развитию которых способствовало тогда отсутствие мохового покрова. Животные исчезли

в период температурного оптимума голоцена, благополучно пережив ледниковый период, длившийся многие десятки тысяч лет. Значит, причина не в холоде. Что же произошло?

В результате бурного таяния ледников появлялись огромные территории, лишенные всякой растительности. Их активно осваивали ивняки, что в свою очередь способствовало росту численности питающихся веточным кормом животных. С исчезновением ледников в Скандинавии, на Новой Земле и Северном Урале возникли гумидные условия в тундрах Сибири. Это способствовало их заболачиванию, зарастанию лишайниками и мхами, препятствующими размножению ивовых.

В то же время с юга медленно, но неуклонно наступала тайга, подминая под себя ивняки. С таянием ледников и повышением уровня Океана, огромные площади прибрежных тундр оказались затопленными морем. Вымиранию мамонтов способствовала также охота и конкуренция с освоившим тайгу лосем. Пришел день, когда из жизни ушли последние группы этих животных. Это произошло около десяти тысяч лет назад. Звери оказались слишком громоздкими, чтобы долго "плясать" под климатическую гармонику новой эпохи. Их погубил в первую очередь голод.

Рисунок Марии БАЖЕНОВОЙ

Что общего между массивным зданием на Бейкер-стрит в Лондоне и небольшим особняком, в котором разместился Музей политической истории Урала на улице К. Либкнехта в Екатеринбурге? Не надо вспоминать всемирно известного сыщика Шерлока Холмса — он не имеет к этому никакого отношения... В массивном лондонском здании разместилась экспозиция музея мадам Тюссо, которая насчитывает более трехсот восковых скульптур. А в нашем екатеринбургском музее их пока всего лишь семь...

Идея создания восковых фигур возникла менее двух лет назад у сотрудников Уральского центра культурных инициатив Валерия и Антона Кузьминых, скульпторов Александра Эткало, Анатолия Гробова, Юрия Крылова и у работников музея, ранее носившего имя Свердлова. Изменилось время, изменилось название города, а следовательно должен был измениться и имидж музея.

Сегодня мы можем увидеть в экспозиции музея максимально приближенные к нашей человеческой плоти фигуры исторических личностей: Никиту и Акинфия Демидовых, Василия Никитовича Татищева, Екатерину I, Екатерину II, Петра I, Емельяна Пугачева... Да, их пока только семь, но лиха беда начало.

В чем заключается удивительное свойство восковых скульптур, почему именно они дают столь яркий импульс нашему воображению? Гипс, бронза, мрамор сохраняют непреодолимую дистанцию между нами, сегодняшними, и ими, величественными, унесшими в необозримую глубь веков. Восковые же создания, наделенные почти телесной теплотой, как будто протягивают к нам свои живые руки и милостиво приглашают нас переступить порог неумолимого времени. Не случайно в музее мадам Тюссо восковые скульптуры расположены непосредственно среди посетителей, и каждый может позволить себе сфотографироваться рядом с историческими личностями. Эффект снимка производит потрясающее впечатление, и это обстоятельство является одной из причин, почему от посетителей нет отбоя.

В лондонском музее бывает ежегодно более двух миллионов человек. Создала этот всемирно известный музей Мари Тюссо, урожденная Грошольц. Она родилась в 1761 году в семье мелкого бур-

Наталья
АПЯШЕВА

В ГОСТИ —

жуа. Ранняя смерть кормильца семьи вынудила вдову наняться экономкой в дом бернского врача Кертиса, который более увлекался изготовлением восковых фигур, нежели врачебной деятельностью. Мари была зачарована ремеслом своего хозяина и стала внимательной и умелой его ученицей. В семнадцатилетнем возрасте она самостоятельно изготовила свою первую скульптуру — французского философа Вольтера, которая и по сей день "живет" в экспозиции музея.

Во времена Французской революции Мари снимала посмертные маски с казненных на гильотине Людовика XVI и Марии Антуанетты, лепила фигуры Марата и Робеспьера. Эта "галерея смерти" и стала началом ее необыкновенной коллекции. В течение 30 лет Мари путешествовала со своей коллекцией по всей Англии, но в конце концов в 1835 году организовала постоянную экспозицию в Лондоне. За протекшее с тех давних пор время в мире прибавилось известных личностей, некоторые из них стали восковыми изваяниями и поселились в музее мадам Тюссо. Здесь находятся Рузвельт, Черчилль, Гитлер, Ленин, Горбачев, Пол Маккартни, Данди по прозвищу "Крокодил", Агата Кристи, Софи Лорен, Пеле, Элла Фитцджеральд и стремящаяся в бесконечность череда других личностей. Как говорится, никто не забыт и ничто не забыто. Сотрудники знаменитого музея утверждают, что "история музея мадам Тюссо будет продолжаться, пока живет человечество".

Коллеги мадам в Екатеринбурге полностью разделяют эту точку зрения и гордятся своей, хотя и небольшой, но талантливо выполненной коллекцией. Екатеринбург стал третьим городом в России, вслед за Москвой и Санкт-Петербургом, который осуществил идею Тюссо.

Музей никогда не пустует. Переполненные впечатлениями зрители не забывают оставить отзывы и выразить искренний восторг: "Были повержены в небольшой шок, когда увидели восковые фигуры", "Мы заглянули в наше прошлое", "Никогда не нравилась история, но тут...", Хотелось бы увидеть Чингиз-хана, Талейрана, Свердлова, Сталина, Гитлера..."

А этот отзыв ненароком заглянувшего в музей отрока достоин быть выделенным особо, с сохранением орфографии: "Мне пондравилось, очень хорошо подготовлены фигуры. Я просто балдею. Когда

приходишь в музей, то житуха в натуре становится малиной. Спасибо за такой праздник души."

Среди восторженных отзывов и деловых замечаний чаще всего приходится слышать сетования о том, что очень мало фигур — мы хотим больше, мы хотим сейчас. Так кто же этого не хочет!?

В мастерской скульптора Александра Евдокимовича Эткало рождаются новые персонажи, связанные с одной из самых тягостных страниц истории нашего города — царь Николай II и члены его семьи. Новую экспозицию сотрудники музея планируют разместить в подвале. Лицо Николая II под чуткими руками мастера выглядит как живое. Грустные глаза с лучиками тончайших морщин, бледность... Последние секунды перед расстрелом, последние мгновения жизни дружной семьи, миг до свершения страшного преступления в нашем городе...

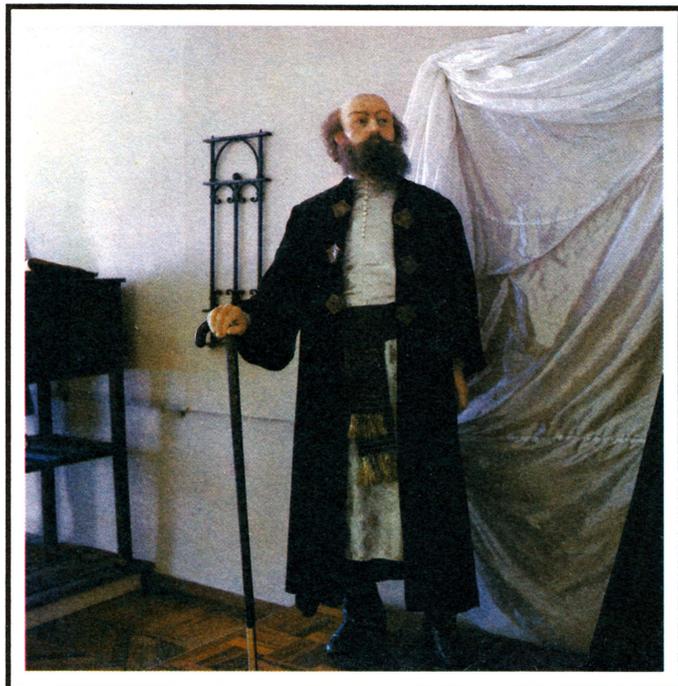
А ведь это всего лишь четвертая работа скульптора в совершенно не известной ему до недавнего времени технологии. Все пришлось начинать с абсолютного нуля: ни литературы, ни — конечно же! — откровений столичных мастеров, ни связи с английскими коллегами. Наши скульпторы додумались до всего сами, в длительных поисках составили нужный рецепт воска, который держится в секрете и рядом не стоит с нашим примитивным представлением о стеариновых свечах.

Идет работа и в мастерской другого скульптора — Анатолия Гробова. Здесь оживает еще один персонаж нашей истории — протопоп Аввакум. Восковых людей "одевает" художник Тамара Сагирова. Хлопочут о пополнении экспозиции сотрудники музея, спонсоры, и власти по мере возможности стараются выделять из городского бюджета средства.

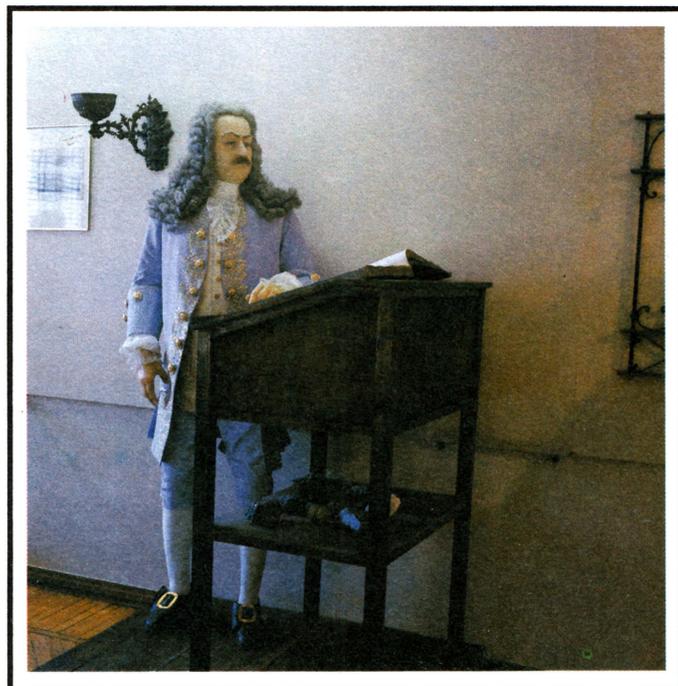
Чем больше будет друзей и помощников у музея, тем полнее предстанет перед нами череда исторических персонажей, связанных с нами невидимыми нитями непредсказуемой истории.

Слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА

К "ВОСКОВЫМ ЛЮДЯМ"

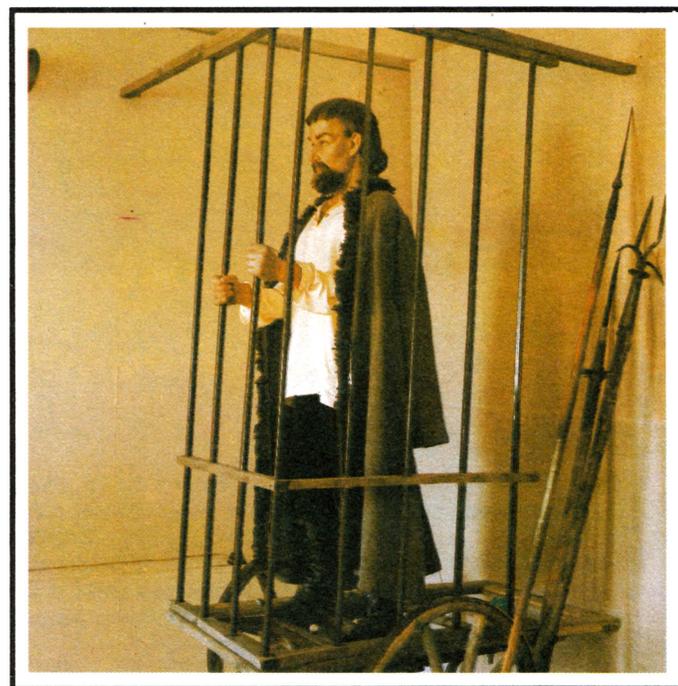
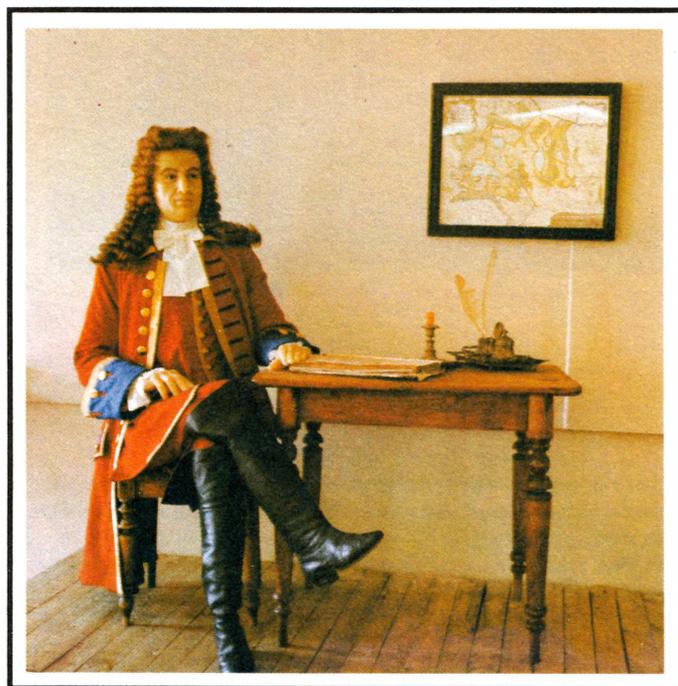
Н. Д. АНТУФЬЕВ-ДЕМИДОВ
(1656—1725)

А. Н. ДЕМИДОВ
(1678—1745)

В. Н. ТАТИЩЕВ
(1686—1750)

Е. И. ПУГАЧЕВ
(ок. 1742—1775)

ЕКАТЕРИНА I
(1684—1727)

Проза сентябрьского номера будет адресована ребятам школьного возраста. Со своими новыми произведениями выступают известные детские писатели Юрий Коваль, Марина Москвина, Сергей Георгиев...

Украшением номера, несомненно, станет имя Натальи Лазаревой. Юный литератор из поселка Буланаш Свердловской области заявила о себе циклом "бывальщин" "Прабабушкины сказки"... Незамутненная русская речь, отголоски народных преданий и мифов, цельные герои, прообразы